ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 3 (43) 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

Гуляков А. Д. Высокоцентрализованный федерализм в Индии 5

Кулешова Г. П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий 17

Агутин А. В., Синцов Г. В. К вопросу о понятии и цели международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства 25

Овчинников О. М. Оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия 34

Хабибуллина Г. Р. Понятия «сложившаяся правоприменительная практика», «правоприменительная практика» и их значение для деятельности конституционных и уставных судов 42

Агеева Е. А. Проблемы нормативно-правового регулирования организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в аспекте разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации 52

Портнова Е. В. Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации 62

Рузляев М. Ю. Принцип равенства как масштаб конституционного и уставного правосудия в субъектах Российской Федерации 72

Тимошкина О. А. Передача заявлений и (или) иных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам путем внесения нотариусом подлежащих публикации сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности хозяйствующих субъектов как способ осуществления правореализационной функции нотариата 80

Сухова Н. И. О недостаточности темпорального, субъектного и пространственного критериев определения действия закона 90

СОЦИОЛОГИЯ

Климович Л. В., Лукичева Л. Ю. Специфика социокультурной идентичности современных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж (по материалам Ульяновского региона) 98

Осянин А. Н. Смысловое наполнение понятия «патриотизм»: теоретический аспект 108

Рассадина Т. А. О некоторых рисках в высшем образовании современной России 116

Елютина М. Э., Климова С. В. Арт-технология в социальной работе с пожилыми людьми: социологическое измерение 128

Найденова Л. И., Вострокнутов Е. В., Осипова Н. В. Тенденции и прогнозы некоторых новых изменений в социальной структуре современного российского общества 138

Михнева С. Г., Супиков В. Н., Юрасов И. А., Юрасова О. Н. Отношение жителей Пензенской области к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций 148

Чикилева Е. Н. Предприниматели о состоянии и проблемах развития региональной системы дополнительного профессионального образования: социологический анализ 156

ЭКОНОМИКА

Юняева Р. Р., Онтикова А. С. Закупки крупнейших компаний как новый рынок сбыта продукции субъектов малого и среднего предпринимательства 166

Палаткин И. В., Чех К. Ю. Влияние состояния инвестиционного климата субъекта Российской Федерации на региональные статистические показатели 174

Володин В. М., Рожкова Л. В., Сальникова О. В. Международные связи регионов: на примере сотрудничества Пензенской области с провинциями Китая 185

Изосина Е. В., Семеркова Л. Н. Оценка стратегической привлекательности рынка виртуальной и дополненной реальности в России 193

Лебедев Г. Г., Лузгина О. А., Кузьмина М. Г. Управление производительностью труда на промышленном предприятии с использованием концепции организации труда «Семь нот» 203

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 3 (43) 2017

CONTENTS

LAW

Gulyakov A. D. Highly centralized federalizm in India 5

Kuleshova G. P. Terrorism and extremism: correlation of the concepts 17

Agutin A. V., Sintsov G. V. On the issue of the concept and goal of international cooperation in counteracting corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings 25

Ovchinnikov O. M. Operative crime detection characteristic of crimes associated with illegal arms trafficking 34

Khabibullina G. R. The concepts of "existing enforcement practice", "law-enforcement practice" and their importance in activities of constitutional and statutory courts..... 42

Ageeva E. A. Problems of standard and legal regulation of the organization and activity of the constitutional (charter) courts in regions of the Russian Federation in the aspect of distribution of areas of jurisdiction and powers between the Russian Federation and regions of the Russian Federation..... 52

Portnova E. V. Citizens and their associations as subjects of rights of appeal to the constitutional (charter) courts of the Russian Federation 62

Ruzlyaev M. Yu. The equality principle as a standard for trial in constitutional and statute courts in regions of Russia 72

Timoshkina O. A. Transfer of applications and (or) other documents of individuals and legal entities to other individuals and legal entities by introducing notices to the Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Acts of Economic Entities as a way of implementing the notarial function of the notary 80

Suhova N. I. On the lack of temporal, subjective and spatial criteria for determining the operation of law 90

SOCIOLOGY

Klimovich L. V., Lukicheva L. Yu. Features of socio-cultural identity of modern graduates from Russian universities who emigrated abroad (based on materials of Ulyanovsk State University) 98

Osyanin A. N. Semantic content of the notion of "patriotism": theoretical aspects 108

Rassadina T. A. On some risks at higher education in modern Russia 116

Elutina M. E., Klimova S. V. Art-technology in social work with the elderly: a sociological approach 128

Najdenova L. I., Vostroknutov E. V., Osipova N. V. Trends and forecasts of some new social structural changes in the modern Russian society 138

Mikhneva S. G., Supikov V. N., Yurasov I. A., Yurasova O. N. The attitude of Penza regional population to the activities of socio-oriented NPO 148

Chikileva E. N. Entrepreneurs' opinion on the condition and problems of development of the regional system of additional vocational education: a sociological analysis 156

ECONOMICS

Yunyaeva R. R., Ontikova A. S. Large companies' procurements as a new market for small and medium business 166

Palatkin I. V., Chekh K. Yu. The influence of Russian region's investment climate condition on regional statistical indicators 174

Volodin V. M., Rozhkova L. V., Salnikova O. V. International connections of regions: by the example Penza region's cooperation with Chinese provinces 185

Izosina E. V., Semerkova L. N. Strategic appeal evaluation of the virtual and augmented reality market in Russia 193

Lebedev G. G., Luzgina O. A., Kuzmina M. G. Labor productivity management at industrial enterprises using the "Seven Notes" conception of labor organization 203

УДК 340
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-1

А. Д. Гуляков

ВЫСОКОЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ИНДИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Индии суждено было оставаться недостаточно централизованным государством в течение веков ввиду геополитического положения и закрытости индуистской общины, которая представляла из себя в реальности «маленькое государство». Частично упомянутые выше факторы объясняли установление британского колониального владычества над Индией во второй половине XVIII в. Но каковы были методы осуществления этого колониального управления и как это колониальное управление повлияло на формирование в будущем высокоцентрализованного индийского федерализма?

Материалы и методы. Анализ зарубежной и российской литературы показывает, что Великобритания не была готова к жесткому супердоминированию над гигантской территорией Индии. Первоначально она использовала частный капитал для осуществления экономического и военного контроля над коренным населением, но вскоре британская Ост-Индская компания отдала свои полномочия британскому правительству. В странах используются различные правительственные акты, чтобы продемонстрировать медленные темпы процесса допущения индусов к участию в управлении. Крайне важно сравнить Акты 1919 г. и 1935 г. как поворотные пункты на пути к обретению Индией статуса доминиона.

Результаты. Конституция 1950 г., будучи результатом достижения независимости для Индии, содержит федеративные, штатные и совместные полномочия – так, как это было прописано в Акте 1935 г. В отличие от конституционной практики США, Швейцарии, Австралии и подобно Канаде, остаточные полномочия закреплены за федеральным центром. Другим свидетельством суперцентрализации является возможность чрезвычайного президентского правления в штатах. Это стало триумфом кооперативного федерализма, когда федеральный центр оказал огромную материальную помощь Штатам. Но окончательный крах политической монополии Индийского национального конгресса в конце 1980-х гг. стал знаком возрастающей политической и экономической автономии штатов.

Выводы. Высокоцентрализованный федерализм является естественным следствием и огромным преимуществом для Индии. Но этот федерализм меняется. В 1990-е гг. произошли некоторые коррективы, и в настоящее время мы наблюдаем возрастающую конкуренцию партий и конкуренцию между штатами за материальные ресурсы. Тем не менее не существует серьезной опасности сепаратизма штатов.

Ключевые слова: федерализм в Индии, британское колониальное господство в Индии, Индийский национальный конгресс, Конституция 1950 г., кооперативный федерализм, конкурирующий федерализм.

A. D. Gulyakov

HIGHLY CENTRALIZED FEDERALIZM IN INDIA

Abstract.

Background. India was to remain under-centralized state for centuries due to its geopolitics and closed Hindu community – that in reality appeared to be a "small state". The above mentioned factors partially explain the establishment of the British colonial rule over India is the second half of 18th century. But what were the methods of this colonial rule? And how has this colonial rule influenced the formation of future Indian federalism?

Materials and methods. An analysis of foreign and Russian literature shows that Great Britain was not ready for tough super domination over the vast territory of India. Firstly, it used private capital for taking economic and military control over the native population. But soon the English East Indian Company passed its powers to the British Government. The countries applied different Government Acts to demonstrate the slow process of permeating Indians to governing. It's extremely important to compare the acts of 1919 and 1935 as turning points of transforming India into a dominion.

Results. The Constitution of 1950, being the result of conquering the independence for India, contains federative, State and concurrent powers, as it was designated in the Act of 1935. In contrast with the constitutional practice of the USA, Switzerland, Australia, but similar to Canada, the residual powers are preserved for a federal center. Another sign of supercentralization is the possibility of extraordinary presidential governance in the states. It was a triumph of cooperative federalism when the federal center rendered great material assistance to the states. But the final collapse of political monopoly of the Indian National Congress in the late 1980s was a sign of increasing political and economic autonomy of the states.

Conclusions. Highly centralized federalism is a natural consequence and a big advantage for India. But this federalism is changing. 1990s witnessed some corrections thereof and nowdays we observe an increasing party competition and a competition between states for material resources. Nevertheless, there is no serious danger of state separatism.

Key words: federalism in India, British Colonial Rule in India, Indian National Congress, Constitution of 1950, Cooperative Federalism, Competitive Federalism.

Индия с ее длительной многовековой историей издавна представляет феномен государства, испытывавшего серьезные, порой непреодолимые трудности в государственной централизации. «Во-первых, этому мешало наличие разных природно-климатических зон, на которые делился полуостров… Во-вторых, чрезвычайно крепкая и социально емкая индуистская община, будучи государством в государстве, не нуждалась в централизации. Наоборот, она могла приспособиться к любой власти и была удобна для этой власти своей автономностью» [1, с. 90, 91]. Индуисткая община платила относительно невысокие налоги. Видимо, это было результатом того, что «индийская бюрократическая машина была неизмеримо слабее, чем в Китае и мусульманских странах» [2, с. 360, 361].

Французские и британские колонизаторы, развернувшие борьбу за подчинение себе Индостанского полуострова в XVIII в., столкнулись здесь с хаосом децентрализации, но были не в силах подчинить себе огромные пространства со сложной мультиэтничной и мультиконфессиональной структурой.

Эту миссию взяла на себя **английская Ост-Индская компания**, которая заменила распавшуюся империю Великих Моголов «в качестве главной перераспределяющей организации в Южной Азии» и постепенно смогла «превратиться для индийцев (своих подданных и других политий) в политию в целом местного типа, оставаясь при этом бюрократической («формально-рациональной») организацией в качестве торговой фирмы». Однако, «подготовив условия для колониализма, в какой-то момент она стала преградой для его развития» [3, с. 314]. Через столетие после изгнания французских конкурентов в 1858 г. модель подчинения Индии сменилась с частно-корпоративной на чисто государственную. Властные функции некогда могущественной Ост-Индской компании были упразднены. Но англичанам приходилось действовать на Индостанском полуострове с большой осмотрительностью.

После восстания индийских сипаев 1857–1858 гг. «новая политика была направлена на поддержание статус-кво» без какого-либо вмешательства в обычаи и религии Индии, а также в управление независимыми княжествами. Число последних превышало пять сотен, варьируясь, по разным оценкам, от 560 до 693. Но лишь 49 из них имели собственные войска. Княжества Кашмир, Хайдарабад, Майсур по своим размерам равнялись некоторым европейским государствам (княжества занимали чуть более 40 % территории субконтинента) [4, с. 7, 8]. Характерно, что сохранение княжеств, лояльных колониальным властям, позволяло англичанам сократить расходы на управление Индией.

Что же касается основной территории страны, то согласно Акту британского парламента от 2 августа 1858 г. ключевые управленческие полномочия передавались специальному министру по делам Индии и Совету с совещательными функциями при нем. Практически монопольный текущий контроль на месте осуществлял генерал-губернатор с титулом вице-короля, проживающий в Индии. Обычный срок его полномочий составлял пять лет. При нем также создавался Исполнительный совет из числа английских чиновников, переименованный в 1861 г. в Центральный (или Имперский) законодательный совет [5]. В соответствии с Актом об Индийском совете 1861 г. этот орган состоял из трех членов, назначаемых министром по делам Индии, и двух членов, назначаемых британским монархом (с 1869 г. всех членов стал назначать монарх). Генерал-губернатор, в свою очередь, получил право назначить дополнительно от 6 до 12 членов, которые в отличие от пяти назначенцев от Лондона, руководивших конкретными исполнительными департаментами, участвовали только в обсуждении и голосовании по принимаемым решениям [6]. В качестве некоторой, самой первоначальной уступки местным элитам в Совет также в течение 1862–1892 гг. были допущены 45 индусов, включая 25 помещиков-заминдаров, семь правителей княжеств. Остальные представляли адвокатскую профессию, были магистратами, журналистами, торговцами [7].

Обустраивая Индию под себя, англичане невольно принесли в страну материальный прогресс, и фактически консолидировали ее. Однако вместе с тем они не могли предотвратить укрепление индийского национализма, наиболее влиятельной организацией которого с 1885 г. становится **Индийский национальный конгресс** (ИНК). Первоначально «Конгресс выражал интересы верхних слоев индийской буржуазии и националистически настро-

енных помещиков. 50 % делегатов первых шести сессий Конгресса принадлежали к буржуазно-помещичьей интеллигенции, 25 % – помещики» [8, с. 180]. Однако ситуация постепенно менялась: в организации укреплялось демократическое крыло. В самом индийском обществе наблюдается расслоение и усиливаются патриотические настроения, особенно после намерения генерал-губернатора лорда Керзона в 1905 г. разделить 80-миллионную провинцию Бенгалию на две части – индусскую и мусульманскую.

Рост национального самосознания индусов реализовал себя в кампании бойкота иностранных товаров и поощрения отечественного производства – «свадеши». На Калькутской сессии ИНК в 1906 г. впервые было поставлено требование «свараджа» – самоуправления по примеру таких британских доминионов, как Канада и Австралия. Параллельно с этим активизируется и мусульманское меньшинство, не превышавшее 25 % от населения страны, чьим представителем с 1906 г. становится Всеиндийская мусульманская лига во главе с лидером секты исламистов Ага Ханом, правда чрезвычайно лояльным англичанам [9, с. 31–35].

Английским властям приходится считаться с ростом национального самосознания коренного населения Индии и идти на определенные уступки.

Согласно реформе **Морли-Минто (1909)** в совокупности «число членов Центрального (имперского) и провинциальных законодательных советов было увеличено со 124 до 331, число выборных членов – с 39 до 136. При этом впервые предусматривалось большинство индийцев в советах. Однако в Центральном совете британцы сохраняли подавляющее присутствие» [10, с. 61].

После Первой мировой войны англичане предприняли очередной шаг по оптимизации колониального управления. Главным новшеством **Акта 1919 г**. стал вопрос о полномочиях провинций. Генерал-губернатором были перечислены 45 функций центрального правительства и 50 функций, оставленых за провинциями. Функции, не прописанные как провинциальные, относились к центральному правительству, но генерал-губернатор мог некоторые из центральных полномочий передать на места.

Новая система провинциальных правительств распространилась на восемь провинций (в том числе и на три бывшие президентства, сформированные еще английской Ост-Индской компанией, в Мадрасе, Бомбее и Бенгалии). Губернатор провинции вместе со своим советом был ответственен за реализацию так называемых «зарезервированных полномочий» (среди них ирригация, сбор земельных налогов, полиция, контроль за печатью, тюрьмами, выборами), и губернатор вместе с назначенными им министрами из числа отдельных депутатов провинциального Законодательного совета осуществлял «переданные полномочия» (например, местное самоуправление, медицинское обслуживание, образование, общественные работы, сельское хозяйство, развитие промышленности). При этом представитель британской короны в провинции сохранял за собой решающие командные позиции во всех случаях этой двойственной системы функций [11, с. 432–434, 439–443].

Акт об управлении Индии 1935 г. – на тот момент один из самых пространных актов британского парламента – предоставил более широкую автономию индийским провинциям, покончив с системой диархии, установленной Актом 1919 г. Предусматривалось образование федеративного государ-

ства в отдаленном будущем в составе британских провинций и княжеств. Вводились прямые выборы, а право голоса таким образом распространялось с 7 млн на 35 млн жителей. Проводилась частичная реорганизация провинций, а Бирма и Аден отделялись от системы управления Индии. Учреждался Федеральный суд.

Провинциальные законодательные собрания (советы) также были серьезно ущемлены в своих полномочиях. В них не менее 70 % должны были составлять выборные члены и не менее 20 % – местные чиновники из числа членов исполнительных советов. Обычный срок действия этого оргнана составлял три года, но губернатор мог распустить его в любой момент или продлить его не более чем на один год. Законодательные собрания были обязаны заручиться согласием губернатора для рассмотрения того или иного вопроса. Они не могли изменять законы британского парламента. Любой закон требовал одобрения губернатора и генерал-губернатора. В то же время губернатор был вправе принимать законы и без согласия Законодательного собрания [11, p. 447–454].

Наконец, систему ограниченного представительства местного населения увенчивал новый общеиндийский законодательный орган в составе двух палат: Совета Штатов (60 членов) и Законодательной ассамблеи (100 членов). Первая палата должна была служить сдерживающей консервтивной силой в отношении второй: для этого вводились высокие имущественные и профессиональные цензы. Срок полномочий составлял пять лет для Совета и три года для Ассамблеи, но они в любой момент могли быть распущены генерал-губернатором. Законодательный процесс велся по оставленным полномочиям за центральной властью, но по некоторым из них он не мог осуществляться без согласия генерал-губернатора [11, p. 456–460].

Масштабная реформа 1935 г. встретила противоречивое отношение к себе со стороны политических сил страны. Мусульманская лига и индийские либералы поддержали ее, но Индийский национальный конгресс продемонстрировал негативную реакцию. При этом **массовые протесты помешали провести в жизнь положения Акта, относящиеся к центральным органам власти**. Зато выборы в провинциальные законодательные собрания в 1937 г. закончились победой конгрессистов в семи из 11 провинций. Индийцы все больше продвигались в колониальный аппарат управления. С 1932 г. в армию стали набирать индийских офицеров, а к середине 1940-х гг. «англичан насчитывалось только 500 среди высших государственных чиновников и только 200 среди старших полицейских чинов» [12, с. 250].

В годы Второй мировой войны и особенно в 1942 г., когда японцы оккупировали Бирму и над Индией нависла угроза вторжения, британское правительство было вынуждено пойти на новые уступки. Видный деятель лейбористской партии С. Криппс был направлен правительством У. Черчилля для ведения переговоров с лидерами индийского общественного мнения. Им было обещано, что после войны будет созван орган для выработки конституции «Индийского союза», который получит статус доминиона.

Однако предложения Криппса были отвергнуты. ИНК не устроило в них право любой провинции не принимать конституцию Индийского союза, чем поспешили бы воспользоваться пробритански настроенные князья. Мусульманская лига, которую с 1934 г. возглавил амбициозный политик

М. А. Джинна, не согласилась с проектом из-за того, что в нем ничего не говорилось о создании отдельного мусульманского государства – **Пакистана**. Идея о том, что мусульмане и индусы не просто исповедуют разные религии, но и представляют различные цивилизации [13, p. 130], все глубже с 1930-х гг. проникают в исламский социум.

Вопрос о независимости Индии стал в практическую повестку после окончания Второй мировой войны и с приходом к власти в Великобритании лейбористского правительства. Его премьер-министр К. Эттли 26 марта 1946 г. заявил в парламенте, что Индии будет предоставлен статус доминиона или, если она будет настаивать на этом, то и независимость [14]. К тому времени градус общественного недовольства достиг критической отметки. Как сообщил возвратившийся из Индии в Лондон лейборист-парламентарий, «мы должны как можно быстрее уйти из Индии. Если мы не сделаем этого, то нас просто вышвырнут» [10, с. 259].

Тем не менее внутри индийского общества наблюдалась **этнополитическая поляризация**. На выборах в апреле 1946 г. в Центральное законодательное собрание 91 % в общей (индусской) курии, 59 % голосов всех избирателей и 56 мест получил ИНК. Мусульманская лига завоевала 86 % голосов в мусульманской курии, около 28 % голосов всех избирателей и 30 мест. Обе данные политические силы усилили свои позиции, а вот индусские фундаменталистские группировки утратили свое влияние [10, с. 260].

Переговоры о будущем страны между ИНК и Мусульманской лигой при посредничестве трех британских министров, находившихся в Индии в марте–июне 1946 г., закончились провалом, и тогда британские посланцы предложили свой план по созыву **Учредительного собрания** при норме один член от одного миллиона населения на основе пропорционального представительства трех главных религиозных общин – индусской, мусульманской и сикхской. Выборы косвенным голосованием осуществили в июле 1946 г. провинциальные законодательные собрания, а вот наладить работу временного правительства на правах исполнительного совета при генерал-губернаторе во главе с Дж. Неру оказалось гораздо сложнее из-за неконструктивного поведения представителей от Мусульманской лиги.

Ликвидация вопиющей социально-экономической отсталости была вопросом жизни и смерти для получившей независимость в 1947 г. многомиллионной и полиэтничной Индии. Для этого здесь изначально использовалась конструкция высокоцентрализованного федеративного государства (схема 1).

Эта модель опиралась на целый ряд благоприятных геополитических, этноконфессиональных, социально-экономических и идеологических факторов, и она носила ярко выраженный центростремительный и этатистский характер.

В Конституции 1950 г., вместившей в себя 395 статей, рассредоточенных по девяти разделам, провозглашался союза штатов. Выделялись три вида полномочий: 97 федеральных (например, оборона и внешняя политика, банковское дело, коммуникации, денежное обращение), 66 штатных (среди них – полицейская служба, торговля, сельское хозяйство, ирригация) и 52 совместных (в том числе образование, лесное дело, регулирование профсоюзов и брака). Оставшиеся непоименованные полномочия, в отличие от конституционной практики США, Швейцарии, Австралии и аналогично практике Кана-

ды, резервировались за федеральным центром. Как и в вопросах законодательства, центр доминировал и в вопросах администрирования. Статья 356 предусматривала возможность введения президентского правления в штатах.

Схема 1

Модель федерализма в Индии

Примечательно, что индийскому федерализму свойственно весьма гибкое регулирование совместных полномочий. Это законодательство «практически осуществляется властями штатов. Однако законопроекты штатов по данному перечню подлежат обязательному утверждению союзным правительством, а некоторые даже предварительному согласованию с ним. Интересно отметить, что закон штата по списку совместной компетенции может даже противоречить закону Союза, но это должно быть санкционировано центральным правительством» [15, с. 30].

Федеративный союз изначально был построен асимметрично, поскольку территориально-административные единицы имели неодинаковый статус. Первоначальные 27 штатов делились на четыре категории. «По существу, кроме штатов группы А, остальная территория страны в той или иной форме управлялась центральным правительством» [16, с. 7]. В рамках штатов упомянутой категории «111 небольших княжеств были объединены с девятью провинциями, ранее находившимися под Британским правлением… Из 275 других княжеств были сформированы 5 больших союзов, отнесенных к категории В. Данные штаты управлялись раджпрамукхами и фор-

мировали собственные легислатуры. Оставшееся 61 княжество было отнесено к категории С и поставлено под непосредственное управление Центра. Территории, ранее управляемые Португалией и Францией, вошли в последнюю группу – штаты категории D, которые также управлялись непосредственно центром…» [17, с. 130].

Одна из важнейших проблем, которую федеральному центру пришлось решать в первое десятилетие независимости, – этнолингвистическое упорядочение территориально-административных единиц. Крупные этносы страны совершенно справедливо требовали создание своих собственных штатов, и власти были вынуждены пойти на это в ходе реформы 1953–1956 гг.

Движение более развитых народов южной и западной Индии закончилось победой. Были уничтожены штаты, создавшиеся на основе княжеств или союзов княжеств; реорганизован их административный аппарат [18, с. 12, 13]. Было ликвидировано сложное деление субъектов федерации на четыре категории. Штатов стало 14. Были организованы шесть союзных территорий, управляемых из центра. Территориально-административные реформы на этом не остановились. Особенно болезненно они проходили в северо-восточных районах страны, которые «находятся как бы на периферии цивилизации индуизма. Народы, населяющие их, имеют иные расовые корни, говорят на языках, относящихся к тибето-бирманской группе, исповедуют свою собственную религию, отделены от Индии государством Бангладеш и соединены с основной частью страны узкой полосой земли» [19, с. 194].

Доминирование ИНК как общенациональной партии позволило центру взять на себя роль патриарха, контролирующего функциональные агентства посредством главных министров штатов. «Тон и содержание писем Дж. Неру к главным министрам показывают, как первый премьер-министр стремился сделать федеральное управление общенациональным и одновременно партийным делом. Главные министры гордились тем, что они участвуют в создании нового государства» [20, p. 9, 10].

Период между первыми общепарламентскими выборами в 1952 г. и принятием Второго Пятилетнего плана в 1957 г. были периодом жесткой централизации. Этот процесс сопровождался укреплением статуса и организационно-материальных возможностей **Комиссии по планированию**, которая с 1955 г. стала частью ведомства премьер-министра. У штатов не было сил и средств, чтобы самостоятельно собирать данные и их анализировать, так что их экспертный потенциал в данном случае был ограничен. Фискальные ресурсы штатов также были явно недостаточны. Центру часто принадлежало последнее слово в определении уровня налогов, даже если сами эти налоги относились к прерогативе штатов [21, p. 135].

Уход со сцены идеологически ориентированной старой элиты приблизительно к середине 1960-х гг. и приход более молодого поколения – прагматичных региональных боссов, думающих только об электоральных успехах, изменил общественно-политическую ситуацию. **Правящий класс стал в большей степени перераспределять ресурсы и привилегии в свою пользу, за чем последовала социальная поляризация и бюрократизация управления** [22]. При электоральной мобилизации масс возрос фактор харизмы, а это привело к ослаблению духа партийности, низведению партийных лидеров штатов до уровня клиентелы центра [23, p. 15].

Уже на парламентских выборах 1967 г. ИНК потерял свою роль абсолютного лидера, сохранив простое большинство, в то время как партии различного политического спектра пришли к власти в штатах. В Керале и Западной Бенгалии это были коалиционные силы левой ориентации, в Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихаре и Харьяне антиконгрессовские партии сформировали свои союзы, в Панджабе две коммунальные партии воспользовались плодами победы, в Мадрасе успех сопутствовал местной партии, основанной на языковом шовинизме. И только штаты Раджастан, Андхра Прадеш, Мисор, Махараштра, Гуджарат контролировались ИНК.

В 1970-е гг. дочь Дж. Неру – Индира Ганди – вышла на политическую арену как глашатый унитаризма, а не федерализма. Для этого у нее были основания. В стране усилились этноконфессиональные противоречия, так что все чаще приходилось прибегать к чрезвычайному положению в отдельных штатах: в 1951–1966 гг. таковое вводилось 10 раз, в 1967–1984 гг. – 72 раза [21, p. 134].

Однако население неоднозначно отнеслось к принудительной стерилизации для сдерживания роста населения, ограничению политических свобод и закрытию оппозиционных побед. Внеочередные парламентские выборы в 1977 г. выиграла консервативно-индуистская политическая сила Джаната Парти. **Впервые в истории молодого государства партия-гегемон ИНК потерпела поражение.** Правда, свое лидерство ИНК утратил ненадолго. Второе правительство И. Ганди в 1980–1984 гг. было отмечено конфликтом с сикхами.

Политическое убийство сына И. Ганди – Р. Ганди – завершило правление ИНК в 1989 г. По сути дела, **в конце 1980-х гг. начинается следующий этап в развитии федерализма, связанный с формированием коалиционных правительств в центре** [24, p. 32]. В 1990-е гг. Индия вошла под знаком неких неолиберальных реформ (в том числе, отмена лицензий, снятие контроля над центрами, приватизация госпредприятий и т.д.), и одновременно усложнились взаимосвязи между различными уровнями власти. Важным новшеством стало наделение в 1992 г. новыми властными полномочиями панчаятов – сельских советов – и других муниципальных образований. Поскольку реформы решили только тактические задачи по финансовой стабилизации, но «не привели к существенным переменам к лучшему в жизни крупных социальных групп, прежде всего низов» [10, с. 445], закономерным стало поражение ИНК на парламентских выборах в мае 1996 г.

Снижение доминирующей роли партии ИНК привела к уменьшению внутриполитической стабильности, что, впрочем, было естественным результатом углубления социальной дифференциации, свойственной для индийского конфессионально-кастового общества. **Испытанием на прочность федеративного союза являются возрастающие социально-экономические диспропорции между штатами** [10, p. 527].

Для Индии характерно огромное число политических партий (с момента получения независимости в 1947 г. – свыше 200) [25, p. 129–134], формируемых преимущественно на региональном уровне и на харизматической, а иногда и на семейной (династической) основе. Существуют четкие критерии, когда партия признается региональной, а когда общенациональной. В последнее время эти партии формируют коалиции на общефедеральном

уровне. В настоящее время их три. **Национальный демократический альянс** – правоцентристское образование, которое сформировалось после парламентских выборов 1998 г. Именно оно выиграло с беспрецедентным счетом (336 мест из 543) в нижней палате парламента выборы 2014 г. и привела к власти правительство Н. Моди. **Объединенный прогрессивный альянс** занимает левоцентристские позиции. Он возник после выборов 2004 г., когда им было сформировано правительство М. Сингха. Существует в Индии и третья сила, называющая себя **Третий Фронт,** в который входят небольшие региональные партии, не имеющие общей идеологической платформы и нередко конкурирующие друг с другом на уровне штатов.

В целом следует сказать, что логика развития федерализма несколько иная, чем, скажем, у федерализма в США. В силу особенностей исторической эпохи (середина XX в.) и стратегических задач, которые стояли перед молодым индейским государством после обретения им независимости, **здесь отсутствовал этап дуалистического федерализма**. В качестве цели под патронажем партии-гегемона провозглашался **кооперативный федерализм**, связанный с высоким уровнем взаимодействия между центром и штатами. Однако в ходе общественно-экономического развития, по мере того как росли социально-экономические притязания штатов и диспропорции между ними, стала формироваться **модель конкурирующего федерализма**. Куда она приведет индийское государство, сказать однозначно сложно. Хочется верить, что сила сцепления штатов не даст развития сепаратизму, тем более, что для этого существует и благоприятные внешнеполитические условия.

Библиографический список

1. **Саломатин, А. Ю.** Всемирная история государства и государственного управления / А. Ю. Саломатин. – М., 2013.
2. **Коновалова, И. Г.** Средневековый Восток : учеб. пособие для вузов / И. Г. Коновалова. – М., 2008.
3. **Фурсов, К. А.** Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями / К. А. Фурсов. – М., 2006.
4. **Девяткина, Т. Ф.** Ликвидация княжеств в современной Индии / Т. Ф. Девяткина. – М., 1961.
5. URL: https: //palakmathur.wordpress.com/notes/general-studies/constitutional-reforms-in-brirish-india
6. Indian Council Act. – 1861. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Indian_Councils_Act_1892
7. Imperial Legislative Council. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Imperial_Legislative_Council/
8. История стран Азии и Африки в новое время. – М., 1991. – Ч. 2.
9. **Пономарев, Ю. А.** История Мусульманской лиги Пакистана / Ю. А. Пономарев. – М., 1982.
10. **Юрлов, Ф. Н.** История Индии. XX век / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. – М. : ИВИ РАН, 2010.
11. **Banerjee, A. C.** The Constitutional History of India / A. C. Banerjee. – Delhi, 1978. – Vol. II: 1858–1919.
12. **Таммита-Дельгода, С.** Индия. История страны / С. Таммита-Дельгода. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидград.
13. **Brown, W. N.** The United States and India and Pakistan / W. N. Brown. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1963.

14. Parliamentary Debates. House of Commons. – L., 1946. – Vol. 420. – Col. 1420.
15. **Ульянова, Л. П.** Индия: правовое положение штатов / Л. П. Ульянова. – М., 1971.
16. **Семенова, Н. И.** Изменения в структуре индийского союза в 60–70-е годы / Н. И. Семенова // Индия – союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития. – М., 1981.
17. Этничность. Культура. Государственность. Проблема этнического федерализма в XXI веке : монография / под ред. М. С. Саликова. – Екатеринбург, 2014.
18. **Казаков, В. И.** Борьба в независимой Индии за создание национальных штатов : автореф. дис. … канд. ист. наук / Казаков В. И. – М., 1964.
19. **Галиуллин, М. З.** Становление федеративной системы постколониальной Индии (50–70-е гг. XX в.) / М. З. Галиуллин, Б. М. Ягудин. – Казань, 2015.
20. **Narang, A. S.** Federalism in India. Limitations and challenges / A. S. Narang // Indian Journal of Federal Studies. – 2012. – Vol. XIII, № 2.
21. **Chlibber, P. K.** The Formation of National Party Systems. Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India and the United States / P. K. Chlibber, K. Kollman. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2004. – 276 p.
22. **Kothari, R.** Integration and Exclusion in Indian Politics / R. Kothari // Economic and Political Weekly. – 1988. – 22 October.
23. The State, Political Process and Identity / ed. by Z. Hasan, S. N. Jha, R. Klan. – Delhi : Sage, 1989.
24. **Kumar, C.** Federalism in India: A Critical Appraisal / C. Kumar // Journal of Business Management & Social Sciences Research. – 2014. – September. – Vol. 3, № 9.
25. **Chander, P.** Nature of Party System in India / P. Chander, P. Arora // Comparative Politics & International Relations. – Gurgaon : Cosmos Bookhive. – P. 129–134.

References

1. Salomatin A. Yu. *Vsemirnaya istoriya gosudarstva i gosudarstvennogo upravleniya* [The world history of state and governing]. Moscow, 2013.
2. Konovalova I. G. *Srednevekovyy Vostok: ucheb. posobie dlya vuzov* [Medieval East: teaching aid for universities]. Moscow, 2008.
3. Fursov K. A. *Derzhava-kupets: otnosheniya angliyskoy Ost-Indskoy kompanii s angliyskim gosudarstvom i indiyskimi patrimoniyami* [State-merchant: the relationships of the East Indian Company with the English government and Indian patrimonies]. Moscow, 2006.
4. Devyatkina T. F. *Likvidatsiya knyazhestv v sovremennoy Indii* [Termination of princedoms in modern India]. Moscow, 1961.
5. Available at: https: //palakmathur.wordpress.com/notes/general-studies/constitutional-reforms-in-brirish-india
6. *Indian Council Act.* 1861. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Indian_Councils_Act_1892
7. *Imperial Legislative Council.* Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Imperial_Legislative_Council/
8. *Istoriya stran Azii i Afriki v novoe vremya* [The history of Asian and African countries in the modern era]. Moscow, 1991, part 2.
9. Ponomarev Yu. A. *Istoriya Musul'manskoy ligi Pakistana* [The history of the Muslim League of Pakistan]. Moscow, 1982.
10. Yurlov F. N., Yurlova E. S. *Istoriya Indii. XX vek* [The history of India. The XXth century]. Moscow: IVI RAN, 2010.
11. Banerjee A. C. *The Constitutional History of India*. Delhi, 1978, vol. II: 1858–1919.
12. Tammita-Del'goda S. *Indiya. Istoriya strany* [India. The national history]. Moscow: Eksmo; Saint-Petersburg: Midgrad.

13. Brown W. N. *The United States and India and Pakistan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.
14. *Parliamentary Debates. House of Commons*. London, 1946, vol. 420, col. 1420.
15. Ul'yanova L. P. *Indiya: pravovoe polozhenie shtatov* [India: the legal status of the states]. Moscow, 1971.
16. Semenova N. I. *Indiya – soyuz shtatov. Problemy politicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [India – a union of states. Problems of political and socioeconomic development]. Moscow, 1981.
17. *Etnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problema etnicheskogo federalizma v XXI veke: monografiya* [Ethnicity. Culture. Statehood. The problem of ethnic federalism in the XXIst century: monograph]. Ed. M. S. Salikov. Ekaterinburg, 2014.
18. Kazakov V. I. *Bor'ba v nezavisimoy Indii za sozdanie natsional'nykh shtatov: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The struggle for national states establishment in an independent India: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1964.
19. Galiullin M. Z., Yagudin B. M. *Stanovlenie federativnoy sistemy postkolonial'noy Indii (50–70-e gg. XX v.)* [The federative system formation in a post-colonial India (1950–1970s)]. Kazan, 2015.
20. Narang A. S. *Indian Journal of Federal Studies*. 2012, vol. XIII, no. 2.
21. Chlibber P. K., Kollman K. *The Formation of National Party Systems. Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India and the United States*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004, 276 p.
22. Kothari R. *Economic and Political Weekly*. 1988, 22 October.
23. *The State, Political Process and Identity*. Ed. by Z. Hasan, S. N. Jha, R. Klan. Delhi: Sage, 1989.
24. Kumar C. *Journal of Business Management & Social Sciences Research*. 2014, September, vol. 3, no. 9.
25. Chander P., Arora P. *Comparative Politics & International Relations*. Gurgaon: Cosmos Bookhive, pp. 129–134.

Гуляков Александр Дмитриевич
кандидат юридических наук, доцент, ректор Пензенского государственного университета (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Gulyakov Alexander Dmitrievich
Candidate of juridical sciences, associate professor, rector of Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

УДК 340

Гуляков, А. Д.

Высокоцентрализованный федерализм в Индии / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 5–16. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-1

УДК 343.9
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-2

Г. П. Кулешова

ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Терроризм и экстремизм – это опасности сегодняшнего дня. Они ставят под угрозу основы государства и общества, а также основные права и свободы человека. Угрожающие масштабы этих негативных социальных явлений ставят на повестку дня задачи оптимизации борьбы с ними. Необходимая для этого стратегия нуждается в четкости определения своего предмета, т.е. того, что такое терроризм и что такое экстремизм и насколько полно существующие законодательные их определения отображают данные явления. В связи с этим целью данной статьи является анализ терроризма и экстремизма как негативных социальных явлений и их соотнесение с тем, как они определены в действующем законодательстве.

Материалы и методы. Достижение поставленной цели стало возможным в результате анализа соответствующего законодательства, а также высказанных в ходе многочисленных дискуссий мнений относительно проблем, связанных с определением стратегии борьбы с терроризмом и экстремизмом. При этом использовался формально-юридический метод, предполагающий анализ структуры соответствующих норм и их сопоставление. Также широко использовался исторический и формально-логические методы.

Выводы. Эффективная стратегия борьбы с терроризмом и экстремизмом предполагает необходимость уточнения целого ряда ключевых понятий. Это позволит более четко определить предмет и цели такой стратегии.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террор, идеология, метод насилия и угроз.

G. P. Kuleshova

TERRORISM AND EXTREMISM: CORRELATION OF THE CONCEPTS

Abstract.

Background. Terrorism and extremism are the threat of today. They endanger the foundations of the state and society and the basic rights and freedoms of the individual. Rampant as they are, these negative social phenomena put the problem of optimizing the struggle against them on the agenda. It is necessary to elaborate a strategy that woul clearly define its object, i.e. what terrorism and extremism are and the extent to which the existing legislation reflects these phenomena. In this regard, the purpose of this article is to analyze terrorism and extremism as negative social phenomena and their correlation to the way they are defined in the legislation.

Materials and methods. The research goal has been achieved through analyzing the relevant legislation, and also views expressed in numerous conversations and discussions associated with the determination of the strategy against terrorism and extremism. At the same time, the author used the formal legal method that analyses the structure of rules and their mapping, as well as widely used historical and formal logical methods.

Conclusions. An effective strategy of struggle against terrorism and extremism presupposes a necessity to clarify a number of key concepts. This will allow to define the object and purpose of such a strategy.

Key words: terrorism, extremism, terror, ideology, method of violence and threats.

Для того, чтобы создать эффективную стратегию, необходимо определить стоящие перед ней задачи. При этом от четкости определения данных задач во многом зависит то, насколько успешной будет сформулированная на их основе стратегия. В связи с этим значимой является адекватность терминов тем явлениям, которые существуют в действительности. Адекватность – это одно из наиболее значимых условий успеха соответствующей стратегии. Она предполагает, во-первых, соответствие положений, на которых строится соответствующая стратегия, той действительности, которая существует, во-вторых, соответствие планируемых для использования средств поставленным целям и, в-третьих, соответствие поставленных целей тем средствам, которые имеются в соответствующем арсенале тех, кто их собирается использовать. Но все, как видно, начинается с выработки исходных положений, формулирование которых возможно только при наличии четкой, желательно однозначно передающей смысл терминологии.

Именно поэтому терминология, ее четкость и однозначность имеют существенное значение для выработки стратегии борьбы с терроризмом и его многочисленными проявлениями. Спор о терминах в данном случае далек от какой бы то ни было схоластики, поскольку от него зависит определение предмета деятельности и предмета соответствующей стратегии. Данная терминология, как представляется, по-прежнему требует своего уточнения, несмотря на то, что имеет свое законодательное закрепление. В частности, один из основных терминов – «терроризм». Он определен в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», однако это нисколько не снимает массу вопросов, относящихся к данному термину. Так, предлагаемое названной нормой понимание этого термина вовсе не вписывается в ту традицию трактовки терроризма, которая сложилась как в науке, так и в практике. Данная норма предлагает понимать терроризм как идеологию. Однако традиционно терроризм рассматривается как метод или система методов, которые используются для реализации каких-либо положений, составляющих определенную идеологию. Терроризм, безусловно, имеет отношение к идеологии, но лишь как вполне определенное средство, инструмент, использование которого, по мнению носителей соответствующей идеологии, способствует реализации отдельных идей или взглядов (а то и всей их системы).

Наиболее устоявшимся является представление о том, что идеология – это вполне определенная система взглядов и идей, в которых отображается восприятие определенной группой людей окружающей действительности (по преимуществу социальной), а также их отношение к этой действительности, интересы, цели, намерения и умонастроения. В идеологии могут отображаться интересы как больших, так и малых социальных групп. Как правило, сосуществует не одна, а несколько идеологий, даже в том случае, если господствующей провозглашается только одна (как это было в СССР [1, с. 816] или как это имеет место в КНДР [2, с. 87–97]). При этом идеология не локализуется только на одном-двух пусть и значимых для общества вопросах, не ограничивается она и только определенной группой социальных проблем, для нее всегда характерен достаточно широкий охват фактов социальной действительности, которые подвергаются системному осмыслению и формированию на его основе соответствующей системы взглядов и представлений. Ввиду данной своей сущности идеология всегда ориентирована в будущее,

поскольку на ее основе строится политика, а также те представления определенных социальных общностей, которые ориентированы на обеспечение их членов определенными благами и создание для них соответствующих гарантий. Идеология – это вполне определенный потенциал идей, которые побуждают общество ко вполне определенному социальному движению.

Террор – это метод достижения вполне определенных политических целей посредством применения угроз и насилия. Данный метод используется как отдельными государствами, так и отдельными группировками. Террор достаточно часто является средством, с помощью которого осуществляется управление в авторитарном государстве, где подавляется инакомыслие и прививается идея «человека-винтика», т.е. такого подчинения человека государству, когда его личность полностью (или почти полностью) подавляется [3, с. 4–8]. Наряду с государством террор достаточно широко применяется отдельными группами, которые стремятся к достижению вполне определенных политических целей. Чаще всего данный метод используется названными группами в демократических государствах в силу того, что они малочисленны, их идеи не пользуются популярностью, а потому добиться политических целей иным способом представляется невозможным. Ближайшей политической целью для таких группировок всегда является политическая дестабилизация в обществе, благодаря которой имеется возможность заявить о себе и о своей политической позиции, а также обратить внимание на проповедываемую идеологию. Кроме того, в том случае, если дестабилизация в обществе примет значительные размеры, в результате чего придут в движение самые различные социальные слои, то всегда имеется возможность возглавить эти слои и, используя их, взобраться на верхние этажи политической власти, а то и узурпировать эту власть в полном объеме.

Террор не может рассматриваться как идеология, поскольку это метод, средство, благодаря использованию которого может реализовываться соответствующая идеология. Идеи, которые допускают возможность использования террора могут составлять лишь часть соответствующей идеологии, да и то чаще всего незначительную. При этом данные идеи приводятся в соответствие с системой ценностей соответствующей идеологии. Причем достаточно часто идеи о возможности использования террора как метода политической борьбы внедряются в систему идей, которые имеют вполне определенную привлекательность для определенных социальных слоев, а то и всего населения. Данное явление уже неоднократно имело место в истории. Так, террористическая организация XIX в. «Народная воля» сформировалась на основе распавшейся народнической организации «Земля и воля». Как известно, цель народнических организаций была благой – движение к социализму, принятие обществом социалистических идей, основанных на представлениях о социальной справедливости. При этом террористическая организация «Народная воля» по-прежнему проповедовала идеи социализма, но их реализацию видела лишь посредством осуществления террора [4, с. 102–109]. Принятие террора как метода политической борьбы сделало названную группу террористической. Идея же использования террора способна встраиваться даже во вполне гуманистические идеологии. Встраивание данных идей в уже существующую идеологию способно исказить всю соответствующую систему взглядов, воззрений и нравственных ценностей, преобразив ее в полную противополож-

ность самой же себе. Но все же, несмотря на это, следует отметить то, что названные идеи применения террора сами по себе не являются идеологией, а только отдельными идеями, которые включаются в конкретную идеологию, а потому и терроризм не может рассматриваться в качестве идеологии.

Террор – это метод использования насилия и угроз [5, с. 67–74]. Сами по себе насилие и угрозы не являются целью какой-либо деятельности, они не могут являться самостоятельными ценностями даже для извращенных умов. Насилие и угрозы всегда преследуют вполне определенные цели, и их применение ориентировано на решение вполне определенных задач. Это указывает на инструментальную, а не на идеологическую сущность террора, который представляет собой вполне определенный способ действия, предполагающий использование насилия и угроз. В соответствующую же идеологию включается не сам по себе названный метод, а лишь соответствующие идеи его использования. Так, для идеологии не представляет никакого интереса, будут ли для террора применяться взрывные или какие-либо иные средства и устройства. Это представляет интерес для самого террора, но безразлично для соответствующей идеологии. В связи с этим террор – это не идеология и даже не сама по себе идея, это метод решения вполне определенных политических задач. По этой же причине нельзя рассматривать в качестве идеологии и терроризм, который можно трактовать и в качестве вполне определенной системы действий с использованием насилия и угроз и как вполне определенное социальное негативное явление, ориентированное на системное использование насилия и угроз для решения конкретных политических задач. Не может быть так, чтобы вся система идеологии была посвящена только лишь методу и больше ничему. Именно поэтому не может быть террористической идеологии.

Но, как было сказано выше, идеологии могут быть самыми разными. Могут быть идеологии гуманистическими, основанными на ценностях демократического общества, но могут быть и человеконенавистнические идеологии, которые изначально ориентированы на презрение к определенным социальным слоям, национальностям, религиозным и иным группам. Так, наряду с идеологиями, которые основаны на идеях, восходящих еще к Сократу, Платону и Аристотелю, развивавшимися в различные исторические периоды наиболее выдающимися мыслителями, к сожалению, имеются и идеологии фашизма, национализма, тоталитаризма, а также идеологии, основанные на различных сектантских идеях презрения к человеческой личности. Причем велико многообразие идеологий, которые ставят под сомнение общекультурные гуманистические ценности, основанные на презрении к человеческой личности, правам и свободам человека, провозглашенным во Всеобщей декларации прав человека. Более того, такого рода идеологии не просто ставят под сомнение общечеловеческие ценности, они призывают к тому, чтобы их отбросить и не принимать их в качестве основы общества и государства. Такие идеологии деструктивны, и следование им ведет к разрушению современного общества и государства. По этой причине государство и общество должны уметь противостоять таким идеологиям.

Следует отметить, что целый ряд человеконенавистнических идеологий предполагает возможность использования методов террора для решения определенных политических задач. Однако также следует отметить, что далеко

не все из них предполагают возможность использования подобных методов. Общеизвестным фактом является то, что Адольф Гитлер пришел к власти в Германии в результате победы на выборах его партии (фракция национал-социалистов получила 37 % голосов избирателей, став крупнейшей фракцией в Рейхстаге) [6, с. 136–144]. Правда, данные факты вовсе не исключают того, что наряду с использованием демократических институтов партии и группы, являющиеся носителями антигуманной идеологии, могут использовать и террор. Это, в частности, доказала социал-демократическая партия Германии, которая, придя к власти, устроила террор внутри собственной страны, подразумевавший всевозможные гонения на евреев и представителей иных национальностей, а также на иные идеологии и партии. Данные идеологии, лежащие в основе названных партий, в настоящее время преследуются законом в силу того, что они способны привести к деструктивным социальным явлениям, способным расколоть общество, поставить человека в положение, унижающее его честь и достоинство, привести к массовому нарушению прав и свобод человека.

Человеконенавистнические идеологии при этом нельзя отождествлять с экстремизмом. Понятие экстремизма дано в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В п. 1 ст. 1 данного закона экстремизм определяется как особого рода деятельность. Причем в названной норме перечисляются все виды данной деятельности. Посредством такого перечисления дается определение названному социальному явлению. Из данного определения вовсе не усматривается того, что экстремизм является идеологией, закон определяет его лишь как особого рода деятельность. Причем анализ соответствующего определения позволяет увидеть некоторые пересечения данного понятия с понятием «терроризм». Так, экстремизм в соответствии с названной нормой определяется как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а также оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. Из этого видно то, что законодатель включает террористическую деятельность в понятие экстремистской деятельности. То есть террористическая деятельность рассматривается в качестве одного из видов экстремистской деятельности. Однако традиционно понятие экстремизма рассматривается несколько шире того, как оно определяется в названной норме закона. Экстремизм рассматривается и как деятельность, и как особого рода социальное явление, и как вполне определенная идеология. Экстремизм – это достаточно сложное, многогранное понятие, которое достаточно сложно изложить лаконичным языком закона [7, с. 128–132]. Видимо, поэтому понятие экстремизма часто используется не только в том значении, которое было определено в законе.

Но все же сводить экстремизм только к определенного вида деятельности – это значит сводить его только к одной из граней его проявления. Тем более, что уже в самой названной норме имеется внутреннее противоречие. Так, законодатель определяет экстремизм как определенного вида деятельность, но вместе с тем он п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» указывает, что экстремизм – это, в том числе, и оправдание терроризма. В то же время, как уже было сказано выше, в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006

№ 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется как идеология. Вполне очевидно то, что оправдание идеологии – это есть идеология, поскольку само по себе оправдание – это вполне определенные идеи, являющиеся частью идеологии, которая оправдывается. Исходя из этого, очевидным становится некоторое противоречие, состоящее в том, что частью экстремистской деятельности является не какая-либо система действий или просто действие, а идеология, т.е. понятие совершенно иного порядка, нежели деятельность. Именно уже по этой причине более логичным было бы рассматривать экстремизм не в качестве просто деятельности, а как вполне определенную идеологию, способную проявляться во вполне определенных видах деятельности, носящих деструктивный характер и ставящих под угрозу наиболее фундаментальные ценности современного общества и государства.

Но данный довод лишь иллюстрирует противоречивость тех определений, которые были на законодательном уровне даны понятиям «терроризм» и «экстремизм». Если же рассматривать то значение, которое за ними закрепилось еще до внесения названных определений в действующее законодательство, то обнаруживается, что терроризм – это вовсе не идеология, а способ реализации конкретных идей, в то время как экстремизм – это прежде всего идеология, а вовсе не деятельность (хотя и реализуется в конкретных действиях). От правильности определения данных понятий зависит правильность определения стратегии борьбы с социальными явлениями, которые должны быть предметом данной стратегии. Без правильности такого определения стратегия становится как бы беспредметной. Именно поэтому вопрос об определении данных понятий – это вовсе не схоластика, когда отсутствует какой бы то ни было практический выход соответствующих идей, а определение подходов к эффективной стратегии борьбы с названными опасными социальными явлениями.

В связи с этим действующее законодательство представляется не вполне согласованным, что не способствует единым подходам в определении мер, которые могут быть предприняты против терроризма и экстремизма. Данная несогласованность, как представляется, явилась следствием того, что соответствующее законодательство должно было стать быстрым ответом на соответствующие вызовы. Причем этот ответ должен был быть дан даже в условиях отсутствия единых подходов и взглядов на названные негативные социальные явления. К сожалению, далеко не всегда быстрота способствует основательности, а потому, как представляется, задачей сегодняшнего дня является уточнить то, что было сделано наспех, поскольку это способно серьезно оптимизировать работу в направлении предотвращения каких бы то ни было проявлений экстремизма и терроризма. На смену задаче оперативного ответа на вызовы сегодняшнего дня (терроризм и экстремизм) встают задачи максимальной оптимальности данного ответа (когда пресекаются проявления терроризма и экстремизма буквально в зародыше). Необходимо точно и четко определить то, с чем все же необходимо бороться. Это позволит определить ту систему действий, которая может стать наиболее эффективной для решения встающих перед обществом и государством задач, выработать соответствующую стратегию.

В соответствии с изложенным представлялось бы правильным определить терроризм как систему методов и средств насилия и угроз по отноше-

нию к населению, связанную с незаконным воздействием, направленную на принятие решений органами государственной власти и муниципального управления, а также международными организациями. Такое определение позволило бы более точно определить терроризм, помогая увидеть в нем прежде всего вполне конкретную систему действий, имеющих социально негативный подтекст. Кроме того, массовое проявление данной системы действий позволяет видеть в нем не только конкретное проявление терроризма, но и терроризм как общественно опасное явление, что позволяет его анализировать и на основе этого анализа определять наиболее эффективную стратегию борьбы. При этом предложенное определение вовсе не исключает того, что идеи, предполагающие использование насилия и угроз по отношению к населению, не являются частью соответствующей идеологии. То есть терроризм в этом случае предстает во всей своей многогранности, что предполагает возможность учитывать все его проявления с тем, чтобы эффективно оказывать им противодействие.

Помимо этого, важным является и необходимость более четкого определения экстремизма, который нельзя ввиду изложенного выше трактовать только как деятельность, поскольку важным для него является идеологическая составляющая. Прежде всего экстремизм нельзя отождествлять с экстремистской деятельностью, поскольку понятие «экстремизм» гораздо шире. Оно охватывает не только деятельность, но и прежде всего идеологию. Причем наибольшую опасность представляет именно идеология, поскольку экстремистская деятельность – это, по своей сути, ее тиражирование. Представляющий общественную опасность потенциал соответствующего вида деятельности находится в идеологии. Идеология побуждает людей, которые являются ее носителями, действовать. Поэтому борьба только с соответствующей деятельностью – это, по существу, борьба со следствием соответствующей идеологии. Для общества же и государства необходимо предотвращение названной деятельности, а это должно предполагать прежде всего борьбу с экстремистской идеологией. В этом случае становится возможным предотвращение соответствующей преступной деятельности еще задолго до ее воплощения даже в соответствующих планах. В связи с этим экстремизм следовало бы определить как особого рода идеологию, призывающую к антизаконной деятельности, которая ставит под угрозу основы общества и государства, а также основные права и свободы граждан, ставящие под угрозу безопасность всего населения или отдельных его слоев. При этом такая экстремистская идеология предполагает возможным использование крайних (чрезмерных) методов и средств, как правило основанных на насилии или угрозах, причем в адрес не одного, а целых групп населения.

Библиографический список

1. **Никонова, С. И.** Трансформация идеологической парадигмы в последние десятилетия советской власти / С. И. Никонова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 816.
2. **Мосолова, Д. О.** Идеология в КНДР: возникновение, история и современный этап / Д. О. Мосолова // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». – 2016. – № 11 (322). – С. 87–97.
3. **Колотков, М. Б.** Государство в условиях террора: технология правового регулирования и управления / М. Б. Колотков // Академический юридический журнал. – 2016. – Т. 4, № 4 (66). – С. 4–8.

4. **Шалахова, Е. Э.** Программа «Народной воли»: история и современность / Е. Э. Шалахова, В. С. Балакин // Политический вектор-L. Комплексные проблемы современной политики. – 2015. – № 1. – С. 102–109.
5. **Шанешкин, В. А.** Закономерности развития средств террора в истории человечества / В. А. Шанешкин, В. М. Бендик // Научный портал МВД России. – 2012. – № 2. – С. 67–74.
6. **Шульц, Э. Э.** Электоральная база нацистов на выборах 1928–1932 гг. в Германии / Э. Э. Шульц // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2014. – № 2. – С. 136–144.
7. **Какупшева, М. М.** Экстремизм. К вопросу о понятии / М. М. Какупшева // Закон и право. – 2016. – № 6. – С. 128–132.

References

1. Nikonova S. I. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 6, p. 816.
2. Mosolova D. O. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal «Obozrevatel'-Observer»* [Scientific analytical journal “Observer”]. 2016, no. 11 (322), pp. 87–97.
3. Kolotkov M. B. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal* [Academic juridical journal]. 2016, vol. 4, no. 4 (66), pp. 4–8.
4. Shalakhova E. E., Balakin V. S. *Politicheskiy vektor-L. Kompleksnye problemy sovremennoy politiki* [Political vector-L. Complex problems of modern politics]. 2015, no. 1, pp. 102–109.
5. Shaneshkin V. A., Bendik V. M. *Nauchnyy portal MVD Rossii* [Scientific portal of the MIA of Russia]. 2012, no. 2, pp. 67–74.
6. Shul'ts E. E. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* [Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political science]. 2014, no. 2, pp. 136–144.
7. Kakupsheva M. M. *Zakon i pravo* [Law and rights]. 2016, no. 6, pp. 128–132.

Кулешова Галина Петровна
доктор социологических наук, директор Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Казань, ул. Ф. Амирхана, 12а)

E-mail: kazf@rpa-mjust.ru

Kuleshova Galina Petrovna
Doctor of sociological sciences, director of Kazan Institute (branch) of Russian State University of Justice under the Ministry of Justice of Russia (12a F. Amirkhana street, Kazan, Russia)

УДК 343.9

Кулешова, Г. П.

Терроризм и экстремизм: соотношение понятий / Г. П. Кулешова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 17–24. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-2

УДК 343
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-3

А. В. Агутин, Г. В. Синцов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЦЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Противодействие коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства является одной из составляющих международного сотрудничества в деле борьбы с коррупцией. Возникает вопрос: что следует понимать под международным сотрудничеством по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства? В настоящее время ответа на данный вопрос не имеется.

Материалы и методы. В статье проведен анализ научной литературы по теме исследования.

Результаты. Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства осуществляется не ради удовлетворения праздного любопытства, а имеет конкретную цель – **противодействие коррупции**[1]. На уровне целого цель международного сотрудничества в рассматриваемой сфере определена в ст. 4 Закона о противодействии коррупции от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Она так и называется «Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия коррупции». В этой норме определено: «Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) на основе принципа взаимности сотрудничает в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями в целях: 1) установления лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям; 2) выявления имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения; 3) предоставления в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз; 4) обмена информацией по вопросам противодействия коррупции; 5) координации деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией»[2].

Выводы. Цель международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции и цель международного сотрудничества

[1] На современном этапе указанная цель имеет особую актуальность. Избирательность правосудия, круговая порука и уход от ответственности высокопоставленных коррупционеров, отсутствие действенной системы неизбежности и неотвратимости наказания усиливают в обществе сомнения в способности государства защитить законопослушных граждан, развращают, с одной стороны, массовое сознание вседозволенностью, а с другой – порождают такое явление, как самосуд. См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. – URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015 (дата обращения: 30.05.2016).

[2] О противодействии коррупции : Федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства соотносятся как целое к части. Подобное соотношение позволяет нам говорить о том, что свойства целого имманентны и части. Отсюда нетрудно сделать нижеследующий вывод. Целью международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства является: 1) установление лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям; 2) выявление имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения; 3) предоставление в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз; 4) обмен информацией по вопросам противодействия коррупции; 5) координация деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: понятие, цель, международное сотрудничество, противодействие, коррупция, полномочия, прокурор, уголовное судопроизводство.

A. V. Agutin, G. V. Sintsov

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND GOAL OF INTERNATIONAL COOPERATION IN COUNTERACTING CORRUPTION USING PROSECUTOR'S POWERS IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract.

Background. Counteraction against corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings is one of the constituent parts of international cooperation in the struggle against corruption. A question arises. What should be understood under international cooperation in counteracting corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings? At the present time there is no answer to the question.

Materials and methods. The article analyzes scientific literature on the subject matter.

Results. International cooperation in counteracting corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings has no such purpose as satisfying idle curiosity, but follows a concrete goal – **counteraction against corruption**. In generl, the goal of international cooperation in the given field is determined by article 4 of the Law on counteracting corruption from 25.12.2008 № 273-FZ. It is called "International cooperation of the Russian Federation in the field of counteraction against corruption". The document states that "In accordance with international agreements of the Russian Federation and/or on the basis of reciprocity the Russian Federation cooperates in the field of counteraction against corruption with foreign contries, their law-enforcement bodies and special services, as well as with international organizations for the following purposes: 1) to identify persons suspected (accused) of corruption, to locate their whereabouts, as well as whereabouts of other persons involved in corruption crimes; 2) to reveal assets obtained by means of corrupt activities or being the means of corruption committment; 3) in proper cases to give items and substance samples for investigation and forensic examination; 4) to exchange information on the issues of counteraction against corruption; 5) to coordinate activities in corruption prevention and struggle".

Conclusions. The aim of international cooperation of the Russian Federation in the field of counteraction against corruption and the aim of international cooperation

in counteracting corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings correlate as the whole to a part. Such correlation allows us to state that the properties of the whole are immanent. From this perspective we can make the following conclusion. The aim of international cooperation in counteracting corruption using prosecutor's powers in the field of criminal proceedings is: 1) to identify persons suspected (accused) of corruption, to locate their whereabouts, as well as whereabouts of other persons involved in corruption crimes; 2) to reveal assets obtained by means of corrupt activities or being the means of corruption committment; 3) in proper cases to give items and substance samples for investigation and forensic examination; 4) to exchange information on the issues of counteraction against corruption; 5) to coordinate activities in corruption prevention and struggle.

Key words: concept, goal, international cooperation, counteraction, corruption, powers, prosecutor, criminal proceedings.

Противодействие коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства является одной из составляющих международного сотрудничества в деле борьбы с коррупцией. В преамбуле Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции сказано: «…учитывая, что предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин» [1]. Возникает вопрос: а что следует понимать под международным сотрудничеством по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства? В настоящее время ответа на данный вопрос не имеется. Как в юридической науке, так и практике прокурорской деятельности не разработано и, как следствие, не сформулирована дефиниция (понятие) международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Отсутствие в юридической науке и практике понятия международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий дает нам основание восполнить имеющийся пробел.

Разработку признаков понятия международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства начнем с вычленения (выделения) соответствующих системообразующих признаков. По нашему глубокому убеждению, к системообразующим признакам понятия международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства следует отнести: 1) международное сотрудничество по противодействию коррупции (борьбе с коррупцией); 2) использование прокурорских полномочий; 3) сфера уголовного судопроизводства.

В представленном виде системообразующие признаки понятия международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства являются свернутыми. Их развертывание мы осуществим посредством конкретизации. С учетом сказанного приступим к конкретизации указанного признака для

последующего его развертывания. В эпистолярном виде международное сотрудничество по противодействию коррупции нашло практически тождественное проявление в наименовании ст. 4 Закона о противодействии коррупции, которая называется «Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия коррупции». В ч. 1 данной нормы указано: «Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) на основе принципа взаимности сотрудничает в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями…». Очевидно, что в изложенном виде трудно понять, что есть международное сотрудничество в области противодействия коррупции. Появившаяся трудность в понимании международного сотрудничества подталкивает нас к мысли обратиться к творческому наследию отечественной юридической науки, которое показывает, что в ней имеется близкое по смыслу определение понятия международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Известный в юридической науке специалист по международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства А. Г. Волеводз по этому поводу пишет: «Ныне международное сотрудничество в борьбе с преступностью – это урегулированная нормами международного и внутригосударственного права совместная деятельность субъектов международного права и внутригосударственных правоотношений по обеспечению правовой защиты личности, общества, государства и мирового сообщества от международных и имеющих международный характер преступлений, а также транснациональных преступлений, посягающих на внутригосударственный правопорядок» [2–4].

Приведенное определение понятие международного сотрудничества в борьбе с преступностью мы изберем в качестве базового определения. В последующих наших размышлениях оно будет нами использоваться для разработки и формулирования авторского определения понятия международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Такой подход к разработке искомой авторской дефиниции вполне оправдан. Он обуславливается тем, что, опираясь на творческое наследие наших предшественников, мы обеспечиваем преемственность, с одной стороны, в отечественной юридической науке, а с другой – в практике борьбы с преступностью. Это, во-первых. Во-вторых, при разработке авторской дефиниции международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства опора нашего мышления на базовое определение понятия в анализируемой сфере влечет весьма важное последствие.

Согласование понятийного аппарата в деле международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью, включая и ту его часть, которая имеет отношение к противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства, обеспечивает ясность, устойчивость и определенность самого международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Со своей стороны, ясность, устойчивость и определенность международного сотрудничества по противодействию коррупции

с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства выступают надежным критерием действенности прокурорской деятельности в рассматриваемой области.

Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий является идеальной формой взаимодействия. Именно в смысловом аспекте взаимодействия нашло свое проявление международное сотрудничество в УПК РФ. В частности, раздел XVIII УПК РФ имеет наименование «Порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями». Дух взаимодействия восприняла в себя и гл. 53 УПК РФ. Она имеет наименование «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями». Сквозь призму взаимодействия понимается международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства и в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» (далее – приказ Генпрокурора от 12.03.2009 № 67). Согласно п. 1.1 названного приказа «взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств, а также международными органами и организациями является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации» [5]. Таким образом, основным проявлением международного сотрудничества в борьбе с преступностью является взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями.

В настоящей статье мы рассматриваем не в целом международное сотрудничество по борьбе с преступностью как таковое, а международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства. При этом основной формой проявления международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий является взаимодействие. Даже можно сказать так: «Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства является конкретизированной формой соответствующего взаимодействия».

В настоящее время Генеральная прокуратура РФ взаимодействует с зарубежными коллегами почти 80 стран. Такое взаимодействие осуществляется на основе международных договоров или принципа взаимности, закрепленного в ст. 453, 457, 460, 462 УПК РФ. Кроме того, Генеральная прокуратура является единственным компетентным органом, который направляет запросы о выдаче лиц для привлечения их к уголовной ответственности или исполнения приговоров, а также принимает решения о выдаче лиц из Российской Федерации [6].

Взаимосвязь и взаимообусловленность международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий с соответствующим взаимодействием дает нам основание вести речь

о тождественности их научного инструментария. В свою очередь, словосочетание «использование прокурорских полномочий» во взаимосвязи и взаимообусловленности с рассматриваемым взаимодействием означает деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по реализации полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства.

Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства содержательно «представляет собой согласованную деятельность субъектов, направленную на достижение общих целей» [7]. В объединении сил и средств органов прокуратуры Российской Федерации с соответствующими компетентными органами, должностными лицами иностранных государств и международными организациями заключается «амплитудная сила их совместных усилий» [8].

Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации с органами, учреждениями и организациями иностранных государств, а также международными органами и организациями по противодействию коррупции в сфере уголовного судопроизводства не является абстракцией. Оно является собой одну из форм по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Такой подход к пониманию международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий вполне укладывается в канву Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [9] (далее – Закон о противодействии коррупции от 25.12.2008 № 273-ФЗ). Так, согласно ч. 2 ст. 1 указанного закона «противодействие коррупции представляет собой деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений» [9].

Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства является проявлением деятельности федеральных органов государственной власти по противодействию коррупции. В контексте международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства речь должна идти только о группе полномочий органов прокуратуры Российской Федерации, которая непосредственно направлена на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией), а также минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных преступлений. В этом смысле международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства представляет собой деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в пределах их полномочий: во-первых, по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследова-

нию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); во-вторых, по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных преступлений.

Международное сотрудничество по противодействию коррупции с использованием прокурорских полномочий в сфере уголовного судопроизводства осуществляется не ради удовлетворения праздного любопытства, а имеет конкретную цель – **противодействие коррупции**[1]. На уровне целого цель международного сотрудничества в рассматриваемой сфере определена в ст. 4 Закона о противодействии коррупции от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Она так и называется «Международное сотрудничество Российской Федерации в области противодействия коррупции». В этой норме определено: «Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) на основе принципа взаимности сотрудничает в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями в целях: 1) установления лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям; 2) выявления имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения; 3) предоставления в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз; 4) обмена информацией по вопросам противодействия коррупции; 5) координации деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией» [9].

Цель международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции и цель международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства соотносятся как целое к части. Подобное соотношение позволяет нам говорить о том, что свойства целого имманентны и части. Отсюда нетрудно сделать нижеследующий вывод. Целью международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства является: 1) установление лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождение, а также местонахождение других лиц, причастных к коррупционным преступлениям; 2) выявление имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения; 3) предоставление в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз; 4) обмен информацией по вопросам противодействия коррупции; 5) координация деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией.

[1] На современном этапе указанная цель имеет особую актуальность. Избирательность правосудия, круговая порука и уход от ответственности высокопоставленных коррупционеров, отсутствие действенной системы неизбежности и неотвратимости наказания усиливают в обществе сомнения в способности государства защитить законопослушных граждан, развращают, с одной стороны, массовое сознание вседозволенностью, а с другой – порождают такое явление, как самосуд. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. – URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015 (дата обращения: 30.05.2016).

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10. – С. 7–54.
2. **Волеводз, А. Г.** К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью / А. Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11–20.
3. **Волеводз, А. Г.** Международные правоохранительные организации: понятие и современная система / А. Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 2. – С. 9–12.
4. **Агутин, А. В.** Доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы организации и управления / А. В. Агутин, Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 102–107.
5. Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 67.
6. **Сухаренко, А. Н.** Международное сотрудничество России в сфере противодействия коррупции / А. Н. Сухаренко // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 2. – С. 32–34.
7. **Кобзарев, Ф. М.** Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства : автореф. … дис. д-ра юрид. наук / Кобзарев Ф. М. – М., 2006. – 66 с.
8. **Будай, С. Н.** Теория и практика взаимодействия органов исполнительной власти с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции / С. Н. Будай, Т. Л. Козлов, С. К. Илий // Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 3. – С. 59–157.
9. О противодействии коррупции : Федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

References

1. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international agreements]. 2006, no. 10, pp. 7–54.
2. Volevodz A. G. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International criminal law and international justice]. 2007, no. 1, pp. 11–20.
3. Volevodz A. G. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International criminal law and international justice]. 2011, no. 2, pp. 9–12.
4. Agutin A. V., Sintsov G. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 3 (39), pp. 102–107.
5. *Ob organizatsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii: Prikaz General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii ot 12.03.2009 № 67* [On establishment of international cooperation of prosecutor's bodies of the Russian Federation: the order of the Prosecutor General of the Russian Federation from 12.03.2009 № 67].
6. Sukharenko A. N. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International criminal law and international justice]. 2015, no. 2, pp. 32–34.
7. Kobzarev F. M. *Problemy teorii i praktiki protsessual'nykh i organizatsionnykh otnosheniy prokuratury i suda v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Theoretical and applied problems of procedural and organizational relationships

between prosecutor's offices and courts in the field of criminal proceedings: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow, 2006, 66 p.
8. Buday S. N., Kozlov T. L., Iliy S. K. *Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya* [Administrative law and administrating practice]. 2013, no. 3, pp. 59–157.
9. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2008, no. 52 (part 1), art. 6228.

Агутин Александр Васильевич
доктор юридических наук, профессор, кафедра прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1)

Agutin Aleksandr Vasil'evich
Doctor of juridical sciences, professor, sub-department of prosecutor's supervision over observance of laws in operation investigations and prosecutor's participation in criminal proceedings, Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation (building 1, 2 Azovskaya street, Moscow, Russia)

E-mail: agutin.av@yandex.ru

Синцов Глеб Владимирович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного и публичного права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Sintsov Gleb Vladimirovich
Doctor of juridical sciences, professor, head of sub-department of private and public law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

УДК 343
Агутин, А. В.
К вопросу о понятии и цели международного сотрудничества по противодействию коррупции с использованием полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Агутин, Г. В. Синцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 25–33. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-3

УДК 343.97
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-4

О. М. Овчинников

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Оперативно-разыскная характеристика отдельных видов преступлений позволяет отразить ключевые черты определенных преступных деяний, характерные особенности негласного применения сил и средств оперативно-разыскной деятельности, системное осмысление которых будет способствовать успешному предупреждению и раскрытию преступлений. Изучение оперативно-разыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, позволит обеспечить необходимый теоретико-прикладной базис для повышения эффективности противодействия рассматриваемым преступлениям. Цель работы – определить закономерности развития преступности в сфере незаконного оборота оружия.

Материалы и методы. Решение исследовательских задач достигалось посредством проведения анализа профильной научной литературы по теме исследования, изучения официальных статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Результаты. Оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, имеет специфические особенности и тенденции, обусловленные современными реалиями России.

Выводы. Констатируется необходимость дальнейшей разработки вопросов, связанных с совершенствованием оперативно-разыскной деятельности в области противодействия незаконному обороту оружия. Эффективное противодействие рассматриваемой преступности должно выстраиваться с учетом ее актуальных тенденций, с опорой на оперативно-разыскную характеристику преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Ключевые слова: оперативно-разыскная характеристика, незаконный оборот оружия, преступность, производственные объекты, криминогенные факторы.

O. M. Ovchinnikov

OPERATIVE CRIME DETECTION CHARACTERISTIC OF CRIMES ASSOCIATED WITH ILLEGAL ARMS TRAFFICKING

Abstract.

Background. Operative crime detection characteristics of certain types of crimes make it possible to reflect the key features of certain criminal acts, the characteristic features of secret application of forces and means of operational investigations, system comprehension of which will contribute to successful prevention and detection of crimes. The study of investigative characteristics of crimes associated with illegal arms trafficking will provide the necessary theoretical and applied basis to increase the efficiency of counteraction against the said crimes. The aim of this work is to identify patterns of crimes in the field of illegal arms trafficking.

Materials and methods. The research tasks were implemented by analysing the relevant scientific literature on the research topic and studying the official statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Results. Operating crime detection characteristics of the crimes associated with illegal arms trafficking have specific features and tendencies associated with today's realities of Russia.

Conclusions. The article establishes a necessity to further develop the questions related to the improvement of operational investigations in the field of combating illicit arms trafficking. The effective resistance to the considered crime should be organized following the current trends based on operational investigation characteristics of crimes associated with illegal arms trafficking.

Key words: operational investigation characteristic, arms trafficking, crime, industrial facilities, crime factors.

Изучение мнений различный исследователей показывает, что большинство включает в структуру оперативно-разыскной характеристики уголовно-правовые, криминологические и криминалистические признаки. Однако вместе с тем ряд ученых отмечает спорность обоснованности отождествления информации, охватываемой содержанием оперативно-разыскной характеристики с совокупностью сведений уголовно-правового, криминологического, криминалистического, виктимологического и иного блока, ввиду того что такая практика закономерно повлечет «размывание» предмета оперативно-разыскной науки. Принимая во внимание данную позицию, некоторые исследователи считают, что оперативно-разыскная характеристика искуственна и нежизнеспособна, констатируя, что для нужд этой науки более чем достаточно использовать криминалистическую характеристику [1, с. 22].

Однако в данной связи хотелось бы уточнить, что оперативно-разыскная характеристика отнюдь не представляет собой, как это может показаться кому-то, результат механического сложения характеристик, позаимствованных из других отраслей знаний, поскольку преступность и ее проявления рассматриваются здесь через призму собственных интересов, исключая тривиальное дублирование и клонирование. Важно понимать, что при тождестве понятийно-категориального аппарата каждая отдельно взятая наука рассматривает его конкретные закономерности в контексте своих потребностей, обусловленных специфическими предметом и целями. Для оперативно-разыскной теории было бы некорректным и безосновательным полностью дистанцироваться от других юридических наук, затрагивающих сферу преступности, поскольку это бы породило не самостоятельность науки, а ее изолированность и невостребованность.

Изложенное дает основание заключить, что оперативно-разыскная характеристика незаконного оборота оружия – это типовая информационная структура, отражающая ключевые черты указанных преступлений, характерные особенности негласного применения сил и средств оперативно-разыскной деятельности, интегративное изучение которых позволяет успешно предупреждать и раскрывать преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на происходящие государственные реформы, гуманизацию отечественной уголовной политики, реализацию принципа экономии репрессий [2], проблема противодействия незаконному обороту оружия сегодня становится особенно острой. Эскалация организованной преступности, проникновение коррупционных отношений во многие сферы общества и государства, высокое число престу-

плений террористической и экстремистской окраски и многие другие факторы активно стимулируют рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, находятся с ними в неразрывной диалектической связи.

Важным источником поступления оружия в криминогенную среду выступают организации, входящие в военно-промышленный комплекс. Не секрет, что представители организованных преступных групп постоянно нацелены на поиск уязвимых мест заводов-изготовителей оружия и боеприпасов. Предметом преступной деятельности могут стать не только оружие, но и его отдельные комплектующие.

Особенности производства боевого оружия дают возможность осуществлять его сборку в домашних условиях, ввиду чего с предприятий похищаются не только готовая продукция, но и «конструкторы» комплектующих с их последующей доработкой на финишном этапе. Хищения могут совершаться лицами, не связанными между собой и не предполагающими, для кого предназначены похищенные предметы.

Оружие, как правило, проходит сборку в тщательно законспирированных местах (мастерские, гаражи, квартиры, дачи), что значительно затрудняет процесс установления всех членов группы, причастных к хищению, сборке и продаже оружия.

Трансформация производства в конверсионную сферу обусловила рост хищений газового оружия для его дальнейшей адаптации под стрельбу боевыми патронами. Такая ситуация стала возможной ввиду того, что газовое оружие в основном разрабатывается на основе уже производящегося боевого оружия, а похищать газовое значительно проще в силу упрощенного алгоритма охраны.

Таким образом, можно сделать вывод, что ключевыми источниками и каналами незаконного оборота оружия могут являться:

– потеря оружия;

– завладение оружием, которое не было в установленном порядке изъято после смерти собственника;

– хищение с объектов, связанных с производством, хранением и использованием оружия (в том числе склады, оружейные комнаты воинских частей и т.д.);

– похищение оружия у лиц, которые по роду деятельности осуществляют его хранение, ношение и применение, а также у граждан, которые владеют им в соответствии с законом;

– хищение оружия у граждан, которые осуществляют его утилизацию;

– производство оружия кустарным способом, внесение конструктивных изменений в газовое и пневматическое оружие, а также его изготовление из похищенных деталей и узлов;

– официальное приобретение оружия для охранных агентств, служб безопасности на законных основаниях и в соответствии с имеющимися лицензиями и его последующая передача третьим лицам;

– целенаправленное обследование зон военных конфликтов, участков, где проходили военные действия со времен Великой Отечественной войны с целью обнаружения оружия, его реставрации и приведения в боевое состояние;

– транспортировка образцов оружия из участков текущих военных конфликтов, так называемых горячих точек, а также посредством использования маршрутов Министерства обороны Российской Федерации;

– контрабанда оружия из-за рубежа, стран ближнего зарубежья.

Изложенное подчеркивает необходимость пристального внимания к проблеме обеспечения безопасного оборота оружия: организация эффективной системы безопасности производственных объектов; установление особого контроля на всех этапах сборки, хранения, сбыта и учета; трудоустройство лиц, задействованных в производстве оружия через тщательную проверку со стороны силовых ведомств; создание единой электронной базы данных на оружие, находящееся в розыске, бесхозное или изъятое; установление устойчивого оперативного прикрытия на предприятиях, связанных с оборотом оружия и др.

Среди характерных мотивов преступников в сфере незаконного оборота оружия следует выделить: желание совершить преступление; стремление обеспечить безопасность (личную или другого лица); желание обеспечить охрану своей собственности, денег, других материальных благ; для спортивных занятий, охоты, коллекционирования и т.д.

Такими лицами, как правило, преследуются следующие цели:

– приобретение заведомо для лица оружия, незаконно находящегося в обороте;

– использование оружия для решения своих криминальных задач.

Наблюдающаяся негативная динамика, вытекающая из анализа статистических показателей, к сожалению, дает основание предполагать в ближнесрочной перспективе рост незаконного оборота огнестрельного оружия в Российской Федерации. Так, в 2015 г. в России было выявлено 27 320 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2016 г. число таких преступлений возросло до 27 994. Снижается число выявленных лиц, причастных к незаконному обороту оружия, с 13 542 в 2015 г. до 13 168 в 2016 г. Высокие и устойчивые темпы прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, прослеживаются в Республике Башкортостан, Калининградской, Липецкой, Саратовской областях [3, 4].

Основную часть (41,7 %) привлеченных к уголовной ответственности за совершенное преступление с использованием огнестрельного оружия составляют молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, как правило неработающие. Начиная с 1992 г. отмечается рост тяжких преступлений, посягательств на жизнь и здоровье граждан с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ [5].

Как показало проведенное исследование, незаконный оборот оружия обусловлен конгломератом взаимосвязанных факторов, который следует анализировать через призму конкретной социальной обстановки. Как правило, негативные социально-экономические, политические, психолого-физиологические, нравственно-культурные и другие явления, наполняющие жизнь современного социума, выступают в качестве ключевых криминогенных условий данного вида преступности.

Имеющиеся в настоящее время негативные результаты проведенных в свое время экономических реформ, неустойчивость и зависимость экономической отрасли, упущения в национально-демографической политике, политическое противостояние с другими странами дополнительно осложнили и без того напряженную ситуацию в российском государстве.

Необоснованное и непрозрачное распределение ресурсов, высокий уровень реальной безработицы, игнорирование прав и свобод человека, развитие коррупции, алкоголизма и наркомании в немалой степени воспроизводят агрессию и насилие в стране.

Неустроенность быта, значительное расслоение социума по уровням доходов и жизни негативно отразились на семейных отношениях, в производственной и других сферах взаимодействия, обусловив падение морально-нравственных устоев, общей и индивидуальной культуры, эскалацию бессмысленной жестокости. Это породило чувство психологического негативизма, желание сгладить которое нередко приводит к насильственным преступлениям, в том числе с использованием оружия. Ситуация осложняется демонстрацией и пропагандой сомнительных ценностей красивой жизни, культа силы в средствах массовой информации.

Мы солидарны с учеными [6, 7], констатирующими, что на состояние незаконного оборота оружия наибольшее негативное влияние оказывают такие социально-экономические и организационно-технические факторы, как социальная, экономическая и политическая нестабильность; стихийный раздел государственной собственности; рост безработицы и нищеты; социальная незащищенность населения в стране; недостаточная укрепленность границ Российской Федерации с рядом новых независимых государств, ранее составлявших СССР; наличие очагов локальных вооруженных конфликтов внутри России и вокруг нее; низкий уровень исполнительской, служебной и производственной дисциплины в учреждениях, на предприятиях и объектах, вовлеченных в оборот оружия, слабая техническая защищенность подобных объектов, ослабление государственного контроля в сфере законного оборота оружия; некачественный подбор кадров на замещение должностей, связанных с ответственностью за сохранность вооружения; ухудшение общей криминологической ситуации в России, связанной прежде всего с активизацией организованной преступности и ростом насильственных преступлений; криминализация большинства сфер общества; рост коррумпированности государственного аппарата, в том числе вооруженных сил, правоохранительных структур; недостаточная эффективность функционирования государственной системы выявления и пресечения источников и каналов незаконного оборота оружия в связи с их слабой материально-технической базой, проблемами кадрового обеспечения; слабая организация взаимодействия и координации между отдельными структурными звеньями, отсутствием единого централизованного учета находящегося в обороте оружия, боеприпасов, утраты ряда учетных возможностей в связи с распадом СССР.

Практика показывает, что зарекомендовали свою эффективность такие формы и методы работы оперативных подразделений, как:

1) разъяснительная работа с привлечением средств массовой информации о необходимости добровольной выдачи оружия, находящегося у граждан при отсутствии законных оснований;

2) непосредственная разъяснительная работа среди населения, в охотничьих сообществах;

3) установление доверительных отношений с гражданами;

4) проверки мест хранения оружия, своевременное изъятие оружия в случае выявления нарушений требований к его легальному обороту, установление нового адреса собственника оружия при смене им места жительства;

5) проведение проверочных закупок. В зависимости от сложности и специфики мероприятия проверочная закупка может проводится в форме разовой сделки либо в качестве составляющего элемента сложных многоходовых оперативных комбинаций, сопровождающихся легендированным прикрытием.

Вместе с тем оперативные подразделения, осуществляя свою деятельность, связанную с предотвращением незаконного оборота оружия, встречаются с немалым количеством проблемных моментов, снижающих результативность служебной деятельности, среди которых следует отметить:

– недостаточный уровень материально-финансового и технического обеспечения;

– неэффективная организация информационной и аналитической работы;

– слабое внутреннее и внешнее взаимодействие;

– низкий уровень эффективности установления и устранения источников и каналов незаконного оборота оружия;

– небольшое число уголовных дел, которые обеспечены оперативным сопровождением;

– малое количество рекомендаций и материалов, позволяющих систематизировать накопленный опыт противодействия хищениям оружия и криминальными взрывами;

– слабый уровень организации и формальное отношение к работе со стороны правоохранительных органов;

– слабая разработанность вопросов, связанных с детерминантами незаконного оборота оружия и мероприятиями по их выявлению и устранению;

– отсутствие устойчивого оперативного прикрытия объектов, связанных с оборотом оружия, позволяющих своевременно выявлять и пресекать готовящиеся преступления.

Изложенное дает основание констатировать необходимость дальнейшей разработки вопросов, связанных с совершенствованием оперативно-разыскной деятельности в области противодействия незаконному обороту оружия. Однако залогом успешности этих попыток должно стать серьезное осмысление теоретико-прикладных проблем, основанных на тщательном анализе текущей оперативной обстановки, разработка концептуальных основ борьбы с указанными преступными проявлениями с опорой на их оперативно-разыскную характеристику.

Библиографический список

1. **Белкин, А. Р.** Теория доказывания : науч.-метод. пособие / А. Р. Белкин. – М. : НОРМА, 1999. – 429 с.
2. **Макеева, Н. В.** Реформирование российской уголовной политики в условиях постмодернизационных процессов: проблемы и перспективы / Н. В. Макеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 27–36.

3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 29.03.2017).
4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 29.03.2017).
5. **Пермяков, М. В.** Оперативно-разыскное обеспечение противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств / М. В. Пермяков // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 52–55.
6. **Власов, В. П.** Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия : дис. ... канд. юрид. наук / Власов В. П. – М., 2001. – 172 с.
7. **Григорянц, С. А.** Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук / Григорянц С. А. – Ростов н/Д, 2011. – 203 с.

References

1. Belkin A. R. *Teoriya dokazyvaniya: nauch.-metod. posobie* [The theory of evidence: learner's guide]. Moscow: NORMA, 1999, 429 p.
2. Makeeva N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 2 (30), pp. 27–36.
3. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2015 goda* [The crime rate in Russia in January–December 2015]. Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (accessed March 29, 2017).
4. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2016 goda* [The crime rate in Russia in January–December 2016]. Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (accessed March 29, 2017).
5. Permyakov M. V. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Ural Institute of Law under MIA of Russia]. 2014, no. 4, pp. 52–55.
6. Vlasov V. P. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie nezakonnogo oborota oruzhiya: dis. kand. yurid. nauk* [Criminological charaacteristics and prevention of illigeal arms trafficking: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2001, 172 p.
7. Grigoryants S. A. *Nezakonnyy oborot oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniya: dis. kand. yurid. nauk* [Illegal trafficking of arms, ammunition, explosive substances and devices as objects of a criminological investigation: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Rostov-on-Don, 2011, 203 p.

Овчинников Олег Михайлович
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный гуманитарно-технологический университет (Россия, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, 22);
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности, Владимирский юридический институт ФСИН России (Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е)

Ovchinnikov Oleg Mikhailovich
Doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor at the sub-department of criminal law disciplines, State Humanitarian-Technological University (22 Zelenay street, Orekhovo-Zuevo, Moscow region, Russia);
professor at the sub-department of operative crime detection, Vladimir Institution of Law under FPS of Russia (67E Bolshaya Nizhegorodskaya street, Vladimir, Russia)

E-mail: omo33@mail.ru

УДК 343.97
Овчинников, О. М.
Оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия / О. М. Овчинников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 34–41. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-4

УДК 349.7
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-5

Г. Р. Хабибуллина

ПОНЯТИЯ «СЛОЖИВШАЯСЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА», «ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА» И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Современное законодательное регулирование организации и деятельности конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации наделяет органы конституционного (уставного) правосудия определенной свободой усмотрения в понимании и правоприменении таких элементов конституционного (уставного) судопроизводства, как «сложившаяся правоприменительная практика» и «правоприменительная практика». Цель работы – исследовать объем, содержание и соотношение понятий «сложившаяся правоприменительная практика» и «правоприменительная практика».

Материалы и методы. Реализация поставленной задачи была достигнута на основе анализа и итоговых решений конституционных и уставных судов. Методами исследования выступали сравнительно-правовой, формально-юридический, технико-юридический и метод системного анализа.

Результаты. В ходе исследования установлены особенности содержания и соотношения понятий «сложившаяся правоприменительная практика» и «правоприменительная практика».

Выводы. Понятия «сложившаяся правоприменительная практика» и «правоприменительная практика» оказывают существенное влияние на деятельность конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционные и уставные суды, сложившаяся правоприменительная практика, правоприменительная практика.

G. R. Khabibullina

THE CONCEPTS OF “EXISTING ENFORCEMENT PRACTICE”, “LAW-ENFORCEMENT PRACTICE” AND THEIR IMPORTANCE IN ACTIVITIES OF CONSTITUTIONAL AND STATUTORY COURTS

Abstract.

Background. The modern legislation regulating organization and functioning of the constitutional and statuary courts in regions of the Russian Federation endue the bodies of constitutional (statutory) justice with certain discretion of interpretating and enforcing such elements of the constitutional (statutory) proceeding as “existing enforcement practice” and “law-enforcement practice”. The aim of the study is to investigate the amount, content and correlation of the concepts of “existing enforcement practice” and “law-enforcement practice”.

Materials and methods. The research task was implemented through analyzing final decisions of the constitutional and statutory courts. The methodology included relatively legal, formal-legal, technical-legal methods and the method of system analysis.

Results. The study has revealed the features of the content and correlation of the concepts of “existing enforcement practice” and “law-enforcement practice”.

Conclusions. The concepts of “existing enforcement practice” and “law-enforcement practice” significantly impact of the activities of the constitutional and statutory courts in regions of the Russian Federation.

Key words: constitutional and statutory courts, existing enforcement practice, law-enforcement practice.

В соответствии с региональным законодательством об органах конституционной юстиции одним из требований, установленных для принятия итогового решения конституционного (уставного) суда, выступает его тесная взаимосвязь со всеми документами и материалами, исследованными в судебном заседании, в том числе формирующими конституционно-судебную практику, правоприменительную практику и, наконец, сложившуюся правоприменительную практику.

Так, конституционно-судебная практика упоминается в Законе Республики Карелия от 7 июля 2004 г. № 790-ЗРК «О Конституционном Суде Республики Карелия» в контексте взаимодействия законодательной и судебной властей: Конституционный Суд Республики Карелия к первому заседанию Законодательного Собрания Республики Карелия нового созыва на основе анализа и обобщения конституционно-судебной практики направляет послание Законодательному Собранию.

В отношении правоприменительной практики по конкретному делу, рассматриваемому в региональном органе конституционной юстиции, Конституционный закон Республики Северная Осетия – Алания от 15 июня 2001 г. № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия – Алания», в частности, отмечает, что позиция Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания относительно того, соответствует ли Конституции Республики Северная Осетия – Алания смысл закона, иного нормативного правового акта Республики Северная Осетия – Алания или их отдельных положений, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженной в постановлении Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, в том числе в постановлении по делу о проверке по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан, конституционности закона, иного нормативного правового акта Республики Северная Осетия – Алания, примененного в конкретном деле, или о проверке по запросу суда, Уполномоченного по правам человека в Республике Северная Осетия – Алания конституционности закона, иного нормативного правового акта Республики Северная Осетия – Алания, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, а также позиция Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, выраженная в постановлении о толковании Конституции Республики Северная Осетия – Алания, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания.

Кроме того, в своих итоговых решениях конституционные и уставные суды констатируют различные состояния правоприменительной практики: противоречивое, сложившееся, несложившееся и т.д.

Так, в Постановлении Конституционного Суда Республики Карелия от 2 декабря 2014 г. [1] отмечается в связи с предметом разбирательства, что

недостаточная регламентация последовательности действий, включая сроки их осуществления, создает неблагоприятные условия для граждан в публичных правоотношениях, порождает противоречивую правоприменительную практику и, как следствие, многочисленные обращения граждан в уполномоченные органы за защитой своих прав. При этом суд сослался на сведения надзорных органов, которые в период с 2012 по 2014 г. направили в судебные органы 387 заявлений в защиту права граждан на меры социальной поддержки по бесплатному изготовлению и ремонту зубных протезов, причем в период с 2012 по 2013 г. были удовлетворены 283 заявления.

В Постановлении Конституционного Суда Республики Татарстан от 17 июля 2003 г. № 10-П [2] констатируется, что по сложившейся правоприменительной практике принятию решений по кадровым вопросам в форме назначения предшествует персональный подбор кандидатов на соответствующие должности Президентом Республики Татарстан, соответственно, по своему конституционно-правовому смыслу полномочие Президента Республики Татарстан по формированию Кабинета министров Республики Татарстан означает право президента самостоятельно осуществлять персональный подбор кандидатов на должности членов Кабинета министров Республики Татарстан, к которым согласно ст. 100 Конституции Республики Татарстан относятся премьер-министр, заместители премьер-министра, министры, председатели государственных комитетов и руководители других самостоятельных органов государственной власти Республики Татарстан.

Наконец, по мнению Уставного Суда Свердловской области, выраженному в Постановлении от 1 октября 2013 г. [3], отказ в принятии к рассмотрению законопроекта, внесенного депутатом Г. М. Перским, не может считаться сложившейся правоприменительной практикой и быть положенным в основу признания оспариваемых заявителем нормативных положений не соответствующими Уставу Свердловской области.

Как известно, сложившаяся правоприменительная практика является одним из ключевых компонентов в деятельности конституционных (уставных) судов, поскольку предполагает конкретные формы судебного конституционного контроля (конституционная жалоба, судебный запрос). Вместе с тем и в тех субъектах Российской Федерации, в которых преобладают процедуры абстрактного нормоконтроля (Республика Тыва) либо абстрактного контроля в сочетании с конкретным (Калининградская, Свердловская области, Республика Карелия), органы конституционной юстиции вправе (и обязаны) обращаться к сложившейся правоприменительной практике для уяснения смысла, придаваемого ею рассматриваемым актам (нормам).

Однако региональное законодательство об органах конституционной юстиции не раскрывает параметров, составляющих объем и содержание понятия «сложившаяся правоприменительная практика», не отграничивает его от смежных понятий, в том числе правоприменительной практики, а также не дифференцирует те формы (правовые акты, в том числе ненормативные или индивидуальные правовые акты, документы, дела, сведения, разъяснения, заключения экспертов, данные проверок, исследований, профессиональное мнение), которые свидетельствуют о состоянии правоприменительной практики.

Отсутствие полноты законодательного регулирования приводит к тому, что в обосновании элементов, конституирующих сложившуюся правоприме-

нительную практику, участвуют практически все участники конституционного (уставного) судопроизводства, которым законодатель предоставляет определенные правовые возможности.

В частности, заявители, к числу которых относятся и правовые учреждения, обязаны отражать свои позиции по вопросу, поставленному в запросе, ходатайстве или жалобе. При этом им не запрещается использовать в качестве юридической аргументации имеющиеся формы сложившейся правоприменительной практики по предмету обращения.

Далее, доводы и доказательства, подтверждающие либо опровергающие состояние правоприменительной практики в качестве сложившейся, могут приводиться сторонами в ходе разбирательства при реализации предоставленных им процессуальных прав, как-то: право излагать свою позицию по делу; право давать пояснения по существу рассматриваемого вопроса; право приводить правовые аргументы и обосновывать свою позицию с подкреплением приводимых доводов необходимыми материалами.

Для конституционных и уставных судов юридическое значение приобретают и единичные случаи из правоприменительной практики. К примеру, если речь идет о делах по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод, то имеющиеся в деле копии официальных актов правоприменения, основанные на обжалуемом законе (Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия)) или ином нормативном правовом акте (Республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Татарстан), свидетельствующие о складывающихся тенденциях в практике правоприменения, определяют решение вопроса о допустимости жалобы к дальнейшему рассмотрению. Так, в Определении Конституционного Суда Республики Адыгея от 14 августа 2015 г. № 3-О [4] констатируется, что внесенная жалоба не соответствует критериям допустимости, установленным ст. 91 Закона Республики Адыгея «О Конституционном Суде Республики Адыгея» (ЗРА), поскольку заявителем не были представлены документы и доказательства, подтверждающие, что оспариваемое законодательное положение применялось или подлежало применению в отношении него в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином органе, применяющем названный закон.

Кроме того, региональное законодательство об органах конституционной юстиции предусматривает, что правоприменительная практика определенного типа, вида и уровня препятствует рассмотрению внесенного обращения в конституционном (уставном) суде. Здесь в первую очередь речь идет о запросах, ходатайствах или жалобах, в которых заявителем ставится вопрос, подведомственный иным судебным органам. Другим основанием для их отклонения выступает собственная практика конституционного (уставного) суда, в основании которой находятся итоговые решения, сохраняющие юридическую силу, а также итоговые решения Конституционного Суда Российской Федерации, имеющие в отдельных субъектах Российской Федерации пресекающий характер для судебного конституционного процесса.

В частности, в Республике Карелия одним из оснований для отказа Конституционным Судом Республики Карелия в принятии обращения к рассмотрению на этапе их предварительного рассмотрения выступает содержащаяся в ней просьба о проверке на соответствие Конституции Республики Карелия положений республиканского закона или иного нормативного пра-

вового акта, которому ранее уже была дана оценка Конституционным Судом Российской Федерации. В Республике Адыгея запрос о проверке конституционности закона, принятого по вопросам ведения Республики Адыгея или совместного ведения Российской Федерации и Республики Адыгея, поступивший, в том числе, от Верховного Суда Республики Адыгея и Арбитражного Суда Республики Адыгея, является допустимым, если в производстве Конституционного Суда Российской Федерации не находится дела по аналогичному запросу или же им не было принято решения.

В единичных субъектах Российской Федерации проверка конституционности отдельных правоприменительных актов из исполнительно-распорядительной сферы составляет одно из официальных полномочий регионального органа конституционной юстиции.

Так, Конституционный Суд Республики Саха (Якутия) полномочен проверять конституционность актов правоприменения, исходящих от исполнительных органов власти Республики Саха (Якутия), и, следовательно, понятие «сложившаяся правоприменительная практика» охватывает накопленный исполнительными органами власти Республики Саха (Якутия) объективированный опыт по разрешению конкретных юридических дел.

В зависимости от разновидности исполнительных органов власти Республики Саха (Якутия) соответствующая правоприменительная практика подразделяется на оперативно-распорядительную практику высшего исполнительного органа государственной власти Республики Саха (Якутия), а также на оперативно-распорядительную практику исполнительных органов власти Республики Саха (Якутия), наделенных специальной компетенцией. Законодательное разделение объектов конституционного нормоконтроля на две обособленные подгруппы, в одной из которых сосредоточены нормативные правовые акты Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Президента Республики Саха (Якутия), Правительства Республики Саха (Якутия), а в другой – уставы муниципальных образований и нормативные правовые акты органов местного самоуправления, позволяет предположить, что вопрос о конституционности актов правоприменительной практики исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления непосредственно не входят в юрисдикцию Конституционного Суда Республики Саха (Якутия).

Вместе с тем оперативно-распорядительная правоприменительная практика органов исполнительной власти, причем не только государственной, но и муниципальной, способна выступать вторичным (дополнительным) объектом конституционно-правовой оценки в региональных органах конституционной юстиции, официально не наделенных правом проверки конституционности актов правоприменения.

Речь идет о сравнительно новой группе дел, в которых предметом рассмотрения признается норма (акт), которая по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, нарушает конституционные права и свободы, гарантированные основным законом субъекта Российской Федерации. Подобная судебная практика не противоречит конституционному законодательству Российской Федерации, в котором содержится общий принцип о правах и свободах человека и гражданина как непосредственно действующих, определяющих смысл, содержание и применение законов, дея-

тельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемых правосудием.

Так, в Постановлении Конституционного Суда Республики Ингушетия от 29 июня 2010 г. № 1-П [5] предметом рассмотрения объявлялось положение ч. 1 ст. 5 Закона Республики Ингушетия от 29 февраля 2000 г. № 2-РЗ «О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим государственные должности и должности государственной службы в Республике Ингушетия», которое по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, не позволяло засчитывать в стаж государственной службы, дающей право на получение ежемесячной доплаты к трудовой пенсии, иные периоды работы, опыт и знание по которым являлись необходимыми для выполнения должностных обязанностей по занимаемой должности государственной гражданской службы Республики Ингушетия продолжительностью более пяти лет. По итогам судебного разбирательства обжалуемая норма была признана противоречащей Конституции Республики Ингушетия, в том числе принципам равенства и справедливости.

В другом Постановлении Конституционного Суда Республики Ингушетия изменятся от 19 марта 2015 г. № 10-П [6] предметом рассмотрения выступало положение ч. 8 ст. 5 того же Закона Республики Ингушетия от 29 февраля 2000 г. № 2-РЗ «О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим государственные должности и должности государственной гражданской службы в Республике Ингушетия», которое по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, предоставляло Министерству труда, занятости и социального развития Республики Ингушетия право не соглашаться с решением руководителя государственного органа об утверждении стажа государственной службы и пенсии за выслугу лет и отказывать гражданам на этом основании в предоставлении указанной социальной поддержки.

По результатам разбирательства рассматриваемая законодательная норма была признана не противоречащей Конституции Республики Ингушетия, поскольку она по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагала права Министерства труда, занятости и социального развития Республики Ингушетия отказывать в определении размера пенсии за выслугу лет или возвращать документы органу, принявшему решение об утверждении стажа государственной гражданской службы и пенсии за выслугу лет в связи с несогласием с этим решением.

О положительной динамике подхода, в соответствии с которым в конституционном (уставном) суде оспаривается норма, которому сложившаяся правоприменительная практика придает неконституционный смысл и содержание, свидетельствует, к примеру, Определение Конституционного Суда Республики Адыгея от 25 мая 2015 г. № 2-О [7]. В нем, в частности, отмечается, что основанием для обращения в Конституционный Суд Республики Адыгея послужила выявившаяся в процессе правоприменения неопределенность в вопросе о том, соответствует ли установлениям Конституции Республики Адыгея о свободе экономической деятельности, предпринимательства и труда, сбалансированности публичных и частных интересов при регулировании экономических отношений, равенстве прав и свобод человека и гражда-

нина, о государственной защите, включая судебную, от незаконных посягательств на права и свободы человека и гражданина (п. 2, 3 ст. 12, п. 1 и 2 ст. 20, п. 1 и 2 ст. 42) положения ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 13 Закона Республики Адыгея от 26 июля 2002 г. № 81 «О Контрольно-счетной палате Республики Адыгея» в той части, в какой они по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, ограничивают круг лиц, до сведения которых доводится информация о результатах контрольных мероприятий при проведении Контрольно-счетной палатой Республики Адыгея внешнего государственного финансового контроля, тем самым устанавливая ограничения конституционного права обжалования действий и решений органов государственной власти.

Несколько иной подход к конституционно-правовой оценке сложившейся правоприменительной практики во взаимосвязи с рассматриваемой нормой (актом) сформировался в Уставном Суде Свердловской области, который сформулировал следующую формулу при обосновании вывода о ее соответствии (несоответствии) Уставу Свердловской области: «в той мере, в какой нормативное содержание и практика его применения допускают».

В частности, в Постановлении Уставного Суда Свердловской области от 18 августа 2015 г. [8] одно из оспариваемых положений было признано не соответствующим Уставу Свердловской области в контексте общих принципов организации местного самоуправления «в той мере, в какой нормативное содержание и практика его применения допускают возможность лишения права на пенсионное обеспечение за выслугу лет лиц, замещавших должности муниципальной службы до момента вступления в силу Закона Свердловской области от 3 апреля 1996 г. № 17-ОЗ “О муниципальной службе в Свердловской области”».

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика, не имеющая формальных критериев в региональном законодательстве об органах конституционной юстиции, является обязательным условием принятия итоговых решений конституционных и уставных судов, особенно в отсутствие актов официального и иного толкования норм по предмету рассмотрения.

Вместе с тем некоторые представления об исходных элементах сложившейся правоприменительной практики содержат законодательные нормы, посвященные абстрактным и конкретным формам конституционного контроля. В частности, установленное требование о допустимости конституционной жалобы к рассмотрению при условии, что региональный закон или иной нормативный правовой акт применялся либо подлежал применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде (Санкт-Петербург) или ином органе, применяющем закон (Республики Адыгея, Ингушетия, Дагестан, Татарстан), означает, что в субъектах Российской Федерации сложившаяся правоприменительная практика разграничивается на судебную и внесудебную.

Как показывает опыт конституционных (уставных) судов, сложившаяся правоприменительная практика, основанная на нормах регионального законодательства, способна инициировать судебный конституционный процесс в контексте защиты основных прав и свобод человека и гражданина, но только в случае, если ею придается противоконституционный смысл правовым нормам [9]. При этом конституционные и уставные суды обладают свободой усмотрения в придании качества сложившейся правоприменительной прак-

тике даже единичному акту правоприменения, принятому на основе обжалуемого закона или иного нормативного правового акта субъекта Российской Федерации.

Для достижения целей, стоящих перед конституционными и уставными судами, юридическое значение приобретает и правоприменительная практика, которая влияет на решение вопроса о допустимости конституционной жалобы к рассмотрению, может выступать непосредственным объектом конституционно-правовой проверки и оценки, является предметом конституционной экспертизы во взаимосвязи с оспариваемой нормой (Свердловская область).

Библиографический список

1. По делу о проверке на соответствие Конституции Республики Карелия положений пунктов 15–18 Порядка представления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, предусмотренных Законом Республики Карелия «О социальной поддержке отдельных категорий граждан и признании утратившим силу некоторых законодательных актов Республики Карелия, утвержденного постановлением Правительства Республики Карелия от 17 января 2005 года № 1-П, в связи с обращением депутата Законодательного Собрания Республики Карелия Уханова Михаила Николаевича» : Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 2 декабря 2014 г. // Карелия. – 2014. – 11 декабря. – № 101 (2553).
2. По запросу Кабинета министров Республики Татарстан о толковании положений пунктов 7 и 8 части первой статьи 94 Конституции Республики Татарстан : Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 17 июля 2003 г. № 10-П // Республика Татарстан. – 2003. – 22 июля. – № 146.
3. По делу о соответствии Уставу Свердловской области подпункта 3 статьи 43 Областного закона от 10 марта 1999 года № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области» и пункта 7 положения о Комиссии по подготовке предложений в Устав Свердловской области при Губернаторе Свердловской области, утвержденного Указом Губернатора Свердловской области от 2 июня 2008 года № 580-УТ «О Комиссии по подготовке предложений в Устав Свердловской области при Губернаторе Свердловской области», в связи с запросом депутата Законодательного Собрания Свердловской области Г. М. Перского : Постановление Уставного Суда Свердловской области от 1 октября 2013 г. // Областная газета. – 2013. – 5 октября. – № 7112–7113.
4. Об отказе в принятии и рассмотрении жалобы гражданина Пономарева Геннадия Ивановича на нарушение его конституционных прав и свобод положениями части 1 статьи 6 Закона Республики Адыгея от 28 июня 2012 года № 100 «О выборах Главы Республики Адыгея» : Определение Конституционного Суда Республики Адыгея от 14 августа 2015 г. № 3-О. – URL: http://www.ksra.ru
5. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 5 Закона Республики Ингушетия от 29 февраля 2000 года № 2-РЗ «О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим государственные должности и должности государственной службы в Республике Ингушетия» в связи с жалобой гражданки Л. В. Мальсаговой» : Постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 29 июня 2010 г. № 1-П // Вестник Конституционного Суда Республики Ингушетия. – 2012. – № 1. – С. 135–146.
6. По делу о проверке конституционности части 8 статьи 5 Закона Республики Ингушетия от 29 февраля 2000 года № 2-РЗ «О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим государственные должности и должности государственной гражданской службы в Республике Ингушетия» в связи с жалобой гражданки

Л. В. Мальсаговой : Постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 19 марта 2015 г. № 10-П // Ингушетия. – 2015. – 14 апреля. – № 47–49.
7. О принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Проектный институт и Адыгеягражданпроект» на нарушение конституционных прав и свобод положениями части 2 статьи 8, части 1 статьи 13 Закона Республики Адыгея от 26 июля 2002 года № 81 «О Контрольно-счетной палате Республики Адыгея» : Определение Конституционного Суда Республики Адыгея от 25 мая 2015 г. № 2-О. – URL: http: //www.kzra.ru
8. По делу о соответствии Уставу Свердловской области пункта 1 главы 1 и части 1 абзаца 2 пункта 2 главы 2 Положения «О назначении и выплате пенсии за выслугу лет лицам, замещавшим муниципальные должности Артинского городского округа и муниципальные должности муниципальной службы Артинского городского округа», утвержденного Решением Думы Артинского городского округа от 31 июля 2008 года № 62, в связи с запросом гражданки Т. И. Подъячивой : Постановление Уставного Суда Свердловской области от 18 августа 2015 г. // Областная газета. – 2015. – 22 августа. – № 152.
9. **Романовский, Г. Б.** Исполнительная власть в субъектах Российской Федерации. Комментарии законодательства и судебной практики : монография / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. – Пенза : Инф.-изд. центр ПГУ, 2007. – 260 с.

References

1. *Kareliya*. 2014, 11 December, no. 101 (2553).
2. *Respublika Tatarstan* [The Republic of Tatarstan]. 2003, 22 June, no. 146.
3. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper]. 2013, 5 October, no. 7112–7113.
4. *Ob otkaze v prinyatii i rassmotrenii zhaloby grazhdanina Ponomareva Gennadiya Ivanovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav i svobod polozheniyami chasti 1 stat'i 6 Zakona Respubliki Adygeya ot 28 iyunya 2012 goda № 100 «O vyborakh Glavy Respubliki Adygeya»: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Respubliki Adygeya ot 14 avgusta 2015 g. № 3-O* [On denial of taking cognizance of the complaint submitted by citizen Ponomarev Gennadiy Ivanovich regarding violation of his constitutional rights and freedoms by part 1 article 6 of the Law of Republic of Adygeya from 28th June 2012 № 100 “On election of the head of the Republic of Adygeya”: a decision of the Constitutional Court of the Republic of Adygeya from 14th of August 2015 № 3-O]. Available at: http://www.ksra.ru
5. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Ingushetiya* [Bulletin of the Constitutional Court of the republic of Ingushetiya]. 2012, no. 1, pp. 135–146.
6. *Ingushetiya*. 2015, 14 April, no. 47–49.
7. *O prinyatii k rassmotreniyu zhaloby obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Proektnyy institut i Adygeyagrazhdanproekt» na narushenie konstitutsionnykh prav i svobod polozheniyami chasti 2 stat'i 8, chasti 1 stat'i 13 Zakona Respubliki Adygeya ot 26 iyulya 2002 goda № 81 «O Kontrol'no-schetnoy palate Respubliki Adygeya» : Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Respubliki Adygeya ot 25 maya 2015 g. № 2-O* [On taking cognizance of the complaint submitted by “Project institute and Adygeygrazhdanproekt” LLC. regarding violation of constitutional rights and freedoms by regulations of part 2 article 8, part 1 article 14 of the Law of the Republic of Adygeya from 26th Julya 2002 № 81 “On the Accounts-Checking Chamber of the Republic of Adygeya”: a decision of the Constitutional Court of the Republic of Adygeya from 25th of May 2015 № 2-O]. Available at: http: //www.kzra.ru
8. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper]. 2015, 22 August, no. 152.
9. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. *Ispolnitel'naya vlast' v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii. Kommentarii zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki: monografiya* [Executive authoritie in regions of the Russian Federation. Comments of legisltation and court practice: monograph]. Penza: Inf.-izd. tsentr PGU, 2007, 260 p.

Хабибуллина Гульнара Рушановна
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного
и административного права,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет (Россия,
г. Казань, ул. Кремлевская, 18)

E-mail: kons-kafedra@yandex.ru

Khabibullina Gul'nara Rushanovna
Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of constitutional
and administrative law, Kazan
(Volga region) Federal University
(18 Kremlyovskaya street, Kazan,
Russia)

УДК 349.7
Хабибуллина, Г. Р.
Понятия «сложившаяся правоприменительная практика», «правоприменительная практика» и их значение для деятельности конституционных и уставных судов / Г. Р. Хабибуллина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 42–51. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-5

УДК 342.24
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-6

Е. А. Агеева

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Несмотря на всю значимость такого института, как региональная конституционная юстиции, до настоящего времени порядок учреждения, функционирования и упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации так и не получил унифицированной регламентации на федеральном уровне. Цель работы – установить проблемы нормативно-правового регулирования организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в аспекте разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, а также предложить пути решения данных проблем.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как неотъемлемой части системы конституционной юстиции Российской Федерации. Федеральные и региональные нормативно-правовые акты содержат значительное количество противоречий и пробелов относительно регулирования деятельности указанных органов конституционного контроля субъектов Российской Федерации.

Результаты. Исследованы не только нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, практика Конституционного Суда России, но и статистические данные деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации. Проблемный характер носит не только нормативно-правовая регламентация деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, но и практическая реализация указанных положений. В этой связи в целях разрешения обозначенных проблем были предложены собственные варианты дальнейшего развития системы конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Выводы. Реализация правомочий субъектами Российской Федерации по разработке законов, регулирующих указанные вопросы, представляется не совсем рациональной. Данная сфера должна быть урегулирована унифицированными федеральными нормативно-правовыми актами, что в полной мере будет способствовать реализации принципа равноправия субъектов Российской Федерации и укреплению федеративных начал.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, федерализм, разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации.

E. A. Ageeva

PROBLEMS OF STANDARD AND LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE CONSTITUTIONAL (CHARTER) COURTS IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ASPECT OF DISTRIBUTION OF AREAS OF JURISDICTION AND POWERS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. Despite all the importance of such institution as regional constitutional justice, so far the order of organization, functioning and abolition of the constitutional (charter) courts regions of the Russian Federation has received no unified regulation at the federal level. The purpose of the work is to formulate problems of standard legal regulation of the organization and activities of the constitutional (charter) courts of territorial subjects of the Russian Federation in the aspect of distribution of areas of jurisdiction and powers between the Russian Federation and regions of the Russian Federation and also to offer solutions to these problems.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing legal acts regulating activities of the constitutional (charter) courts in regions of the Russian Federation as an integral part of the system of constitutional justice of the Russian Federation. Federal and regional regulatory legal acts contain a significant amount of contradictions and gaps concerning regulation of activities of the specified bodies of constitutional control in regions of the Russian Federation.

Results. The author has researched regulatory legal acts at the federal and regional levels, the practice of the Constitutional Court of Russia, as well as the statistical data on activities of the constitutional (charter) courts of the Russian Federation. The issues of standard and legal regulation of activities of the constitutional (charter) courts regions of the Russian Federation and the implementation of the specified provisions are quite problematic. In this regard, in order to solve the designated problems the author has offered own options of further development of the system of constitutional (charter) courts in regions of the Russian Federation.

Conclusions. The implementation of the competences by territorial subjects of the Russian Federation regarding elaboration of the laws regulating the specified questions is not absolutely rational. This sphere shall be regulated unified federal regulatory legal acts that will fully promote implementation of the principle of equality of territorial subjects of the Russian Federation and strengthening of the federal initiatives.

Key words: constitutional (charter) courts of territorial subjects of the Russian Federation, constitutions (charters) of regions of the Russian Federation, federalism, distribution of areas of jurisdiction and powers between the Russian Federation and regions of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации наделяет субъекты Российской Федерации правом самостоятельного учреждения собственной системы органов государственной власти, функционирующих на основе основополагающего принципа разделения властей и при этом подконтрольных самим субъектам Федерации [1]. Однако вместе с тем Конституция России прямо не предусматривает право субъектов Федерации на учреждение собственных конституционных (уставных) судов.

Наличие подобного пробела в Конституции России усугубляется и тем фактом, что в Российской Федерации отсутствует специальный федеральный закон, который бы регламентировал основы, общие принципы, механизмы организации и функционирования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, что, безусловно, вызывает значительную правовую неопределенность как в разрешении проблем выстраивания региональной системы органов конституционного контроля, так и проблем разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами.

Однако те немногие положения федерального законодательства, которые в той или иной мере регулируют вопросы создания и деятельности конституционных (уставных) судов на территории субъектов Российской Федерации, содержат явные противоречия и пробелы.

Вопросы регулирования правового статуса и организации деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Федерации впервые были предусмотрены в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [2]. Данный федеральный закон установил такие принципы, как:

– принадлежность конституционных (уставных) судов именно к судам субъектов Российской Федерации;

– главенствующая роль законов субъектов Федерации при учреждении и ликвидации конституционных (уставных) судов;

– диспозитивный характер положений, касающихся создания субъектами Российской Федерации соответствующих конституционных (уставных) судов.

Анализ указанного нормативно-правового акта свидетельствует как об отсутствии детального регулирования большинства вопросов функционирования конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, так и о наличии ряда правовых противоречий.

Так, при первоначальном анализе положений ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» можно сделать вывод, что они по своему смыслу носят императивный характер в силу закрепления общего правила, что на территории России действуют не только федеральные суды, но и конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, которые все вместе составляют российскую судебную систему. В данном контексте принципиальное значение играет формулировка «действуют», которая при толковании описанной нормы, указывает именно на необходимость создания соответствующих судов на территории всех без исключения субъектов Российской Федерации.

Однако нормы, содержащиеся в ст. 27 указанного федерального конституционного закона, устанавливают в отношении судов субъектов Российской Федерации некоторое изъятие из общего правила, согласно которому создание конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации является правом, но не обязанностью последних.

Так, конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации может создаваться последним с целью, во-первых, рассмотрения вопросов соответствия нормативно-правовых актов органов государственной власти

субъекта Федерации, органов местного самоуправления конституции (уставу) субъекта Российской Федерации; во-вторых, толкования данной конституции (устава) [3].

Наличие подобной возможности у субъектов Федерации производно от их правомочия самостоятельно учреждать собственную систему органов государственной власти.

Таким образом, как верно отмечает О. Х. Качмазов, можно констатировать наличие определенного правового пробела, который заключается в том, что, с одной стороны, законодателем допущена возможность существования судов субъектов Федерации и, как следствие, возможность реализации ими судебной власти, однако, с другой стороны, федеральный законодатель намеренно оставил нерешенными вопросы выстраивания судебной системы в федеративном государстве [4].

Причины указанных правовых пробелов и противоречий в базовом федеральном конституционном законе обусловлены прежде всего исторической и политической обстановкой, в которой происходила разработка и принятие указанного нормативно-правового акта.

Более полное урегулирования вопросов регионального конституционного правосудия было невозможно ввиду неспокойного для всего государства постперестроечного времени, когда происходило формирование новых государственно-правовых институтов и органов государственной власти. Разработка указанного закона проходила кулуарно, небольшим числом специалистов, без необходимого всестороннего обсуждения. Принятие же данного нормативно-правового акта было весьма спешным – после третьего голосования и под сильнейшим давлением со стороны Президента России Б. Ельцина. Главы субъектов Российской Федерации, будучи тогда еще членами Совета Федерации, были сосредоточены на расширении полномочий субъектов Федерации, в том числе и путем борьбы против централизации судебной власти. В этой связи спешно разработанный механизм, регулирующий вопросы об учреждении новых судов субъектов Федерации, был своеобразной компенсацией региональным властям взамен утраченных судов общей и арбитражной юрисдикции [5].

Как следствие, в настоящее время правоприменитель вынужден прибегать к использованию федерального законодательства, которое регулирует другие, но вместе с тем сходные институты судебной власти [3].

В целях разрешения подобной проблемы в 2014 г. Парламентом Республики Северная Осетия – Алания был внесен в Государственную Думу проект так называемого «рамочного» федерального закона [6], который преследовал следующие цели: преодолеть фрагментарность и неразвитость федеральной нормативно-правовой базы; положить начало формированию единой правоприменительной практики по вопросам реализации основных полномочий; способствовать дальнейшему развитию конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. Указанные цели должны были быть достигнуты путем закрепления следующих основ построения конституционной юстиции:

– расширения установленных в Федеральном конституционном законе «О судебной системе» полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Федерации путем нормативного закрепления дополнительных полномочий в конституциях (уставах) субъектов Федерации;

– исключительность подсудности конституционных (уставных) судов, которые должны были разрешать именно вопросы права;

– наделение субъекта Российской Федерации правомочием по упразднению соответствующего конституционного (уставного) суда [3].

Данная инициатива получила публичное одобрение со стороны не только многих известных ученых, в том числе на различных научно-практических конференциях, но и со стороны судьи Конституционного Суда РФ, доктора юридических наук, профессора Г. А. Жилина, отметившего целостность законопроекта в определении правовых основ организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и сосредоточение в нем соответствующих правовых позиций Конституционного Суда России [7].

Однако, несмотря на одобрение ученых и ряда правоприменителей, указанная законотворческая инициатива не был поддержана ни Государственной Думой, ни Правительством Российской Федерации. Последнее в официальном отзыве от 19 декабря 2014 г. отметило, что в законопроекте отсутствует самостоятельный предмет правового регулирования, при этом вопрос учреждения конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации относится к исключительной компетенции субъекта Федерации. Правительство России посчитало, что установление законодательного регулирования организации уставных судов на федеральном уровне подразумевает необходимость их создания в каждом субъекте Федерации. В этой связи принятие указанного законопроекта было бы расценено как попытка вторжения в сферу исключительного регионального ведения [3].

Рядом ученых-правоведов данная позиция федерального законодателя была воспринята как «саботаж» региональной конституциональной юстиции [8]. Однако данное определение не совсем оправданно, хотя, как верно отметил С. А. Авакьян, «для органов конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации так и не найдена ниша их деятельности» [9]. Так, давая оценку региональным нормативно-правовым актам, конституционные (уставные) суды субъектов Федерации в большинстве случаев сталкиваются с проблемой их соответствия федеральному законодательству. Стоит отметить, что порядка 70–80 % вопросов, которыми занимается субъект Федерации, относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, оценивать которые конституционные (уставные) суды не вправе, в отличие от Конституционного Суда России, который имеет право оценки как законов, так и иных актов субъектов Федерации в сфере совместного ведения [3].

Указанный законопроект мог бы способствовать процессу унификации основных вопросов организации и функционирования данных конституционных (уставных) судом субъектов Федерации, на необходимость которого неоднократно указывалось как прямо, так и косвенно в действующем законодательстве и в решениях высших судов Российской Федерации.

Например, до настоящего времени так и не урегулирован процесс наделения полномочиями председателей, заместителей председателей, других судей конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. В соответствии с базовым законом [2] данный порядок должен устанавливаться федеральными законами и законами субъектов Федерации. Однако в определении

Верховного Суда России от 15 августа 2002 г. № 78-Г02-39 установлено, что п. 2, 3 ст. 27 указанного федерального конституционного закона в предмет ведения субъекта Российской Федерации входит лишь финансирование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и установление порядка рассмотрения вопросов, отнесенных к его компетенции [5].

Конституционный Суд России придерживается правовой позиции, что субъекты Российской Федерации при самостоятельном определении порядка организации и деятельности конституционных (уставных) судов должны неизменно учитывать нормы федерального регулирования [10].

Регламентация вопросов организации деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Федерации именно в региональных законах прямо противоречит положениям федерального законодательства [2], устанавливающим механизм определения законом субъекта Федерации лишь порядка рассмотрения дел в соответствующем конституционном (уставном) суде субъекта Российской Федерации [5].

На основании изложенного можно сделать вывод о правильности и обоснованности изначальной идеи создания конституционных (уставных) судов как партнеров Конституционного Суда России в целях обеспечения верховенства федеральной Конституции, гармонизации и совершенствования федеративных отношений в соответствии с основополагающими принципами конституционного строя.

Однако возникновение проблем в выстраивании системы органов конституционного (уставного) контроля на уровне субъектов Федерации и, как следствие, реальные препятствия к практическому воплощению данной идеи были обусловлены прежде всего диспозитивностью нормы о возможности создания подобных органов и институциональной разобщенностью Конституционного Суда России и конституционных (уставных) судов, выражающейся в отсутствии их связи внутри единой судебной системы.

Так, Конституционным Судом России вполне обоснованно была сформулирована позиция, согласно которой конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, будучи призванными осуществлять проверку региональных нормативных правовых актов, в отличие от федеральных судов, составляют часть не только судебной системы Российской Федерации, но и системы органов государственной власти субъектов Федерации, являясь при этом самостоятельным органом конституционного контроля [11].

В этой связи можно выделить ряд особенностей, отличающих конституционные (уставные) суды от других судов:

– во-первых, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации имеют двойственных характер: с одной стороны, они являются высшими органами власти субъекта Федерации наряду с главой региона, а с другой стороны, представительным органом власти субъекта Федерации;

– во-вторых, деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Федерации направлена на разрешение лишь конституционных (уставных) споров;

– в-третьих, конституционные (уставные) суды при рассмотрении дел руководствуются конституциями (уставами), при этом воздерживаются от установления фактических обстоятельств во всех случаях, когда данная обязанность входит в компетенцию других судов;

– в-четвертых, деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Федерации реализуется лишь в форме конституционного (уставного) судопроизводства, на основе тех правил, которые закреплены в специальном законодательстве [12].

При этом стоит отметить, что ввиду существования единой федеральной судебной системы неправомерно и некорректно использовать формулировку «судебная система субъекта Российской Федерации», несмотря на тот факт, что она употребляется в региональных конституциях и уставах. Фактически же в субъектах Российской Федерации имеется не собственная судебная система, а лишь судебная власть, которая подразумевает под собой наличие функционирующих на территории субъектов Федерации федеральных судов, а также органов, формируемых самими субъектами и выполняющими функцию правосудия, т.е. конституционных (уставных) судов. При этом субъекты вполне правомочны обозначать в собственных конституциях (уставах) систему действующих на их территории подразделений единой федеральной судебной системы, но только путем дублирования положений федеральных норм и использования формулы «в соответствии с федеральным законодательством» [13].

Таким образом, нерационально и нецелесообразно оставлять на усмотрение региональным властям все принципиально важные вопросы учреждения и функционирования органов конституционного (уставного) контроля, такие как финансирование, порядок создания, упразднения и деятельности.

Факт зависимости конституционных (уставных) судов от региональных законодательных (представительных) органов государственной власти не позволяет последним в полной мере выполнять возложенные на них обязанности и признавать неконституционными законы субъекта Федерации и иные нормативно-правовые акты, разрешать споры о компетенции между региональными органами власти или осуществлять проверку на конституционность действий органов государственной власти и их должностных лиц.

Самое объективное тому подтверждение – нежелание со стороны абсолютного большинства региональных лидеров иметь орган, который бы контролировал законность их действий и проверял на конституционность принимаемые ими решения. В этой связи за практически двадцать один год, прошедший с момента принятия базового федерального конституционного закона, конституционные (уставные) суды были учреждены всего лишь на территории восемнадцати субъектов Федерации, два из которых в дальнейшем были ликвидированы ввиду недовольства региональной власти принятыми ими решениями [5]. Налицо также и небольшое количество рассмотренных дел в год теми немногочисленными конституционными (уставными) суда субъектов Федерации, которые еще функционируют [14]. Подобная статистика свидетельствует не об эволюции, а, напротив, о деволюции процесса построения системы органов конституционного контроля субъектов Федерации.

Таким образом, система общих принципов, механизм создания и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации должны быть регламентированы в первую очередь нормами федерального законодательства, что вполне согласуется с положениями ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, а именно в части того, что по вопросам, входящим в сферу

совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, должны быть изданы федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними региональные законы и иные нормативно-правовые акты.

Для этого в первую очередь необходимо закрепить не право, а обязанность каждого субъекта Федерации по созданию конституционного (уставного) суда на собственной территории пусть не на постоянной, а, предположим, на сессионной основе, например, в случае возникшей необходимости. Для реализации подобных преобразований необходимо внести соответствующие изменения в ст. 27 федерального конституционного закона о судебной системе [14]. Подобный подход, с одной стороны, способствовал бы явной экономии бюджетных средств субъекта Федерации, а с другой – гарантировал бы снижение асимметрии конституционно-правовых статусов субъектов Российской Федерации и обеспечивал конституционный принцип равноправия всех субъектов Российской Федерации.

В продолжение же начатых преобразований должен быть принят базовый федеральный закон, регулирующий вопросы компетенции, полномочий и механизма функционирования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, что реально позволит разрешить имеющиеся проблемы и восполнить существующие пробелы в нормативно-правовом регулировании организации и деятельности указанных органов конституционного контроля.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О судебной системе Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // Российская газета. – 1997. – 6 января. – № 3.
3. **Саломатин, А. Ю.** Региональная конституционная юстиция – завоевание судебного федерализма или системная ошибка? / А. Ю. Саломатин, А. Д. Гуляков, А. В. Дунаев // Российская юстиция. – 2016. – № 7. – С. 45–48.
4. **Качмазов, О. Х.** Проблемы формирования судебного федерализма в России / О. Х. Качмазов // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века : материалы 3-й науч.-практ. конф. – Владикавказ : СОГУ, 2011.
5. **Цалиев, А. М.** Об активизации образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ / А. М. Цалиев // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2016. – № 2. – С. 22–25.
6. Паспорт проекта Федерального закона № 516143-6 «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации» (об организации и порядке функционирования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации) (внесен Парламентом Республики Северная Осетия – Алания) (снят с рассмотрения) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2017).
7. **Жилин, Г. А.** Конституционное судопроизводство в субъектах Российской Федерации: некоторые проблемы становления и развития / Г. А. Жилин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 1.
8. **Курятников, В. В.** Конституционное судопроизводство в РФ: проблематика единства / В. В. Курятников // Журнал конституционного правосудия. – 2016. – № 3 (51). – С. 10.

9. **Авакьян, С. А.** Назревшие проблемы конституционного правосудия в субъектах РФ / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 47.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 16 Устава Санкт-Петербурга : Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2002 № 71-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2017).
11. По запросу Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 № 491-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.05.2017).
12. **Сидорова, Е. А.** Место конституционных (уставных) судов субъектов РФ в судебной системе Российской Федерации / Е. А. Сидорова // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 5. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mesto-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-subektov-rf-v-sudebnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.05.2017).
13. **Доцкевич, М. В.** О месте конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации / М. В. Доцкевич // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 3 (3). – С. 234–236.
14. **Поджидаева, М. В.** О дальнейшем развитии конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации / М. В. Поджидаева // Петербургский юрист. – 2016. – № 2. – С. 98–111.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, no. 31, art. 4398.
2. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper]. 1997, 6 January, no. 3.
3. Salomatin A. Yu., Gulyakov A. D., Dunaev A. V. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2016, no. 7, pp. 45–48.
4. Kachmazov O. Kh. *Federalizm i regionalizm: prioritety XXI veka: materialy 3-y nauch.-prakt. konf.* [Federalism and regionalism: priorities of the XXI century: proceedings of III Scientific and practical conference]. Vladikavkaz: SOGU, 2011.
5. Tsaliev A. M. *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International journal of constitutional and state law]. 2016, no. 2, pp. 22–25.
6. *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 516143-6 «O konstitutsionnykh (ustavnykh) sudakh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii» (ob organizatsii i poryadke funktsionirovaniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov Rossiyskoy Federatsii) (vnesen Parlamentom Respubliki Severnaya Ossetiya – Alaniya) (snyat s rassmotreniya)* [Draft of the Federal law № 516143-6 “On constitutional (charter) courts in regions of the Russian Federation” (on organization and procedures of constitutional (charter) courts in regions of the Russian Federation) (brought in by the parliament of the Republic of North Ossetiya – Alaniya) (excluded from consideration)]. RRS “ConsultantPlus” (accessed May 01, 2017).
7. Zhilin G. A. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice]. 2014, no. 1.
8. Kuryatnikov V. V. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice]. 2016, no. 3 (51), p. 10.
9. Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2014, no. 6, p. 47.

10. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda o proverke konstitutsionnosti polozheniya punkta 1 stat'i 16 Ustava Sankt-Peterburga: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.04.2002 № 71-O* [On denial of taking cognizance of the request by Saint-Petersburg municipal court to examine constitutionality of the regulation of item 1 article 16 of the Charter of Saint-Petersburg: a decision of the Constitutional Court of Russia from 09.04.2002 № 71-O]. RRS "ConsultantPlus" (accessed May 01, 2017).
11. *Po zaprosu Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Federal'nogo konstitutsionnogo zakona «O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii», Zakona Rossiyskoy Federatsii «O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii» i Federal'nogo zakona «Ob organakh sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii»: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.12.2005 № 491-O* [On the request by Saint-Petersburg municipal court to examine constitutionality of the regulations of the Federal Constitutional Law "On the court system of the Russian Federation", the law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation" and the Federal Law "On judicial community bodies in the Russian Federation": a decision of the Constitutional court of Russia from 27.12.2005 № 491-O]. RRS "ConsultantPlus" (accessed May 26, 2017).
12. Sidorova E. A. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Mari State University. Series: Historical sciences. Juridical sciences]. 2016, no. 5. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/mesto-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-subektov-rf-v-sudebnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii (accessed May 09, 2017).
13. Dotskevich M. V. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development]. 2016, no. 3 (3), pp. 234–236.
14. Podzhidaeva M. V. *Peterburgskiy yurist* [Petersburg's lawyer]. 2016, no. 2, pp. 98–111.

Агеева Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного (конституционного) права, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Россия, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2)

E-mail: elenaageeva2013@mail.ru

Ageeva Elena Aleksandrovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, head of sub-department of state (constitutional) law, Saint-Petersburg State Agricultural University (2 Peterburgskoe highway, Pushkin, Russia)

УДК 342.24
Агеева, Е. А.
Проблемы нормативно-правового регулирования организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в аспекте разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации / Е. А. Агеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 52–61. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-6

УДК 342
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-7

Е. В. Портнова

ГРАЖДАНЕ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА ОБРАЩЕНИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СУДЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность поднимаемых в статье вопросов обусловлена научно-теоретической и практической значимостью. Факт провозглашения России демократическим правовым государством означает, в том числе, что защита прав и свобод граждан является обязанностью государства. Следовательно, организация правозащитной деятельности требует наличия в государстве специализированных органов, осуществляющих постоянную работу в этой сфере. Одними из таких органов являются Конституционный Суд РФ, а также конституционные (уставные) суды субъектов РФ. В соответствии с законом граждане и их объединения вправе обратиться в органы конституционной юстиции с жалобой на нарушение основных прав и свобод. Однако законодательство в основном не конкретизирует круг субъектов права конституционной жалобы. Цель работы – провести комплексный анализ нормативно-правовых актов, а также судебной практики органов конституционного правосудия.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа регионального законодательства, а также судебных решений, в которых происходит конкретизация круга лиц, полномочных обращаться в органы конституционного правосудия за защитой основных прав и свобод. Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется таким субъектам, как граждане и их объединения.

Результаты. Анализ законодательства показал, что типичными субъектами права подачи конституционной жалобы являются граждане и их объединения. Однако в своем большинстве нормативно-правовые акты не расшифровывают указанные термины, что само по себе порождает правовую неопределенность. В связи с этим в статье приводятся и анализируются правовые позиции органов конституционной юстиции (федерального и регионального уровней), касающиеся толкования рассматриваемых понятий.

Выводы. Установлено, что реализовать право на судебную защиту, провозглашенное в ст. 46 Конституции РФ, путем подачи конституционной жалобы вправе как физические лица (граждане, иностранцы, лица без гражданства), так и их объединения (в том числе юридические лица). Кроме того, в статье отмечено, что эффективность деятельности региональных органов конституционной юстиции напрямую зависит от круга субъектов, правомочных инициировать рассмотрение дела о конституционности закона или иного нормативно-правового акта.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, конституционная жалоба, субъекты права подачи конституционной жалобы.

E. V. Portnova

CITIZENS AND THEIR ASSOCIATIONS AS SUBJECTS OF RIGHTS OF APPEAL TO THE CONSTITUTIONAL (CHARTER) COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. The urgency of the issues raised in the article is caused by the scientific-theoretical and practical significance. Efficiency the fact of proclamation

of Russia a democratic righful state means, inter alia, that the protection of rights and freedoms is the duty of the state. Consequently, the organization of human rights activities in the state requires specialized bodies engaged in the ongoing work in this area. Some of these bodies are the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as constitutional (charter) courts of Russian regions. According to law, citizens and their associations have the right to appeal to the bodies of constitutional justice with complaints of fundamental rights and freedoms violation. However, the legislation generally does not specify the range of legal subjects of the constitutional complaint. The purpose of the study is to carry out a comprehensive analysis of legal acts, as well as judicial practice of the constitutional bodies.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing regional legislation and court decisions specifying a circle of persons authorized to apply to the authorities for protection of constitutional rights and fundamental freedoms. A particular attention in this study is given to such subjects as citizens and their associations.

Results. The analysis of the legislation has shown that typical subjects of the right to file a constitutional complaint are the citizens and their associations. However, in its majority the regulations do not decode these terms, which in turns gives rise to legal uncertainty. In this regard, the article describes and analyzes the legal position of constitutional justice bodies (federal and regional levels), concerning the interpretation of the concepts.

Conclusions. It has been found that the right to judicial protection, enshrined in Article 46 of the Constitution, exercised by a constitutional complaint is given to individuals (citizenns, foreigners, stateless persons) and their associations (including legal entities). In addition, the article points out that the effectiveness of the regional bodies of constitutional justice depends on the range of subjects eligible to initiate consideration of a case on constitutionality of a law or another legal act.

Key words: constitutional (charter) courts of subjects of the Russian Federation, constitutional complaint, subjects of the right to file a constitutional complaint.

Несмотря на то, что право граждан на обращение в региональные органы конституционного контроля становится все более востребованным, существуют обстоятельства, свидетельствующие о несовершенстве модели конституционной жалобы [1]. Эти несовершенства касаются прежде всего установления круга лиц, правомочных обратиться в конституционный (уставной) суд субъекта РФ с жалобой на нарушение основных прав и свобод.

Круг лиц, которые вправе обратиться в конституционный (уставной) суд субъекта РФ с жалобой на нарушение основных прав и свобод, достаточно обширен. Законы о конституционных (уставных) судах с позиции установления в них субъектов права на подачу жалобы условно можно подразделить на три группы.

Первую группу представляют региональные законы, в которых положения о рассмотрении дел по жалобам на нарушение прав и свобод выделены отдельной главой, где содержится специальная норма, определяющая круг субъектов права обращения в конституционный (уставной) суд. Как правило, данная норма содержит примерно следующий перечень: граждане, чьи права нарушены, объединения граждан, а также иные органы и лица (Адыгея, Коми, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская и Чеченская Республики). Нетрудно заметить, что приведенная норма подлежит расширительному толкованию. Отдельные законы об органах конституционной юстиции (Татарстан, Бурятия, Санкт-Петербург) хотя и содержат специальную

главу, регламентирующую порядок рассмотрения конституционной жалобы, но сужают круг лиц, обладающих правом на подачу жалобы в конституционный (уставной) суд, устанавливая, что данным правом наделяются граждане и их объединения [2, 3].

Во вторую группу региональных законов можно включить те, которые не содержат специальной главы, посвященной порядку рассмотрения конституционной жалобы, однако есть главы, регулирующие порядок судопроизводства по делам о конституционности законов и иных нормативно-правовых актов [4–7]. В этом случае региональные органы конституционного правосудия рассматривают конституционные жалобы не в порядке особого производства, а при проверке конституционности закона или иного нормативно-правового акта. Правом подачи обращения в конституционный (уставной) суд субъекта РФ наделяются, как привило, глава исполнительной власти региона, Законодательное собрание субъекта Российской Федерации, в том числе его депутаты, прокурор, уполномоченный по правам человека, органы местного самоуправления, общественные объединения, юридические лица, а также граждане. Следует отметить, что самый широкий круг субъектов права подачи обращения в конституционный (уставной) суд в связи с рассмотрением дел о конституционности нормативно-правовых актов закреплен в Калининградской области (ст. 83 Закона «Об Уставном суде Калининградской области»).

В третью группу можно определить законы, в которых не выделены правила рассмотрения отдельных категорий дел, однако установлен общий порядок судопроизводства. В законах данной группы называется общий термин «заявители», который требует конкретизации. Под заявителями следует понимать органы и лица, подавшие обращение в региональный орган конституционной юстиции [8, 9].

Следует особо сказать о законе Республики Тыва о собственном органе конституционного контроля, где граждане прямо не наделены правом инициировать проверку закона или иного нормативного правового акта на предмет соответствия республиканской конституции. Вместе с тем смысл отдельных законоположений не исключает наличия у граждан права подачи конституционной жалобы.

Таким образом, анализ регионального законодательства позволяет выделить круг лиц, наделенных правом обращения в конституционный (уставной) суд субъекта РФ с жалобой на нарушение основных прав и свобод. К таким лицам можно отнести, во-первых, граждан, том числе иностранцев и апатридов, во-вторых, объединения граждан, в-третьих, прокурора субъекта РФ, в-четвертых, регионального уполномоченного по правам человека. В рамках данной статьи остановимся на более детальном рассмотрении таких субъектов конституционной жалобы, как граждане и их объединения.

Граждане, основные права и свободы которых нарушены законом либо другим нормативно-правовым актом, применимым или подлежащим применению в деле, являются самым распространенным субъектом конституционной жалобы.

Представляется, что первично право на подачу конституционной жалобы данными субъектами должно устанавливаться региональными конституциями (уставами), как это сделано в конституциях (уставах) Адыгеи, Буря-

тии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Коми, Марий Эл, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Санкт-Петербурга [10–19]. После первоначального конституционного закрепления права на подачу конституционной жалобы указанное правомочие детализируется в региональных законах о конституционных (уставных) судах.

В учредительных актах Башкортостана, Карелии, Республики Тыва, Чеченской Республики, Калининградской и Свердловской областей граждане непосредственно не наделены правом инициировать конституционное судопроизводство. Вместе с тем некоторые положения конституций (уставов) в перечисленных субъектах РФ не исключают наличия у них данного правомочия. Например, в конституции Башкортостана закреплено, что республиканский конституционный суд создается для защиты основ конституционного строя, а также основных прав и свобод человека и гражданина. Однако граждане прямо не названы в числе лиц, обладающих правом подачи конституционной жалобы [20].

Таким образом, проанализировав региональное законодательство, можно обозначить две основные модели нормативного наделения граждан правом подачи жалобы в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

Во-первых, указанное правомочие первоначально провозглашается в региональных учредительных актах, а затем развивается в законах о региональных органах конституционной юстиции.

Во-вторых, право граждан на подачу конституционной жалобы в основном региональном законе не провозглашается, однако смысл специальных законов об органах конституционного правосудия не лишает их данного правомочия.

Законодательство субъектов Российской Федерации о конституционных (уставных) судах содержит, как правило, формулировку «гражданин», не указывая на гражданство субъекта РФ.

Следует отметить, что в федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации», принятом 31 мая 2002 г., не содержится упоминание о том, что субъекты РФ, в частности республики, вправе устанавливать собственное гражданство, как в предыдущем законе [21]. К настоящему времени положения республиканских учредительных актов, содержавшие нормы касательно гражданства республик, признаны утратившими силу. До недавнего времени конституция Республики Тыва содержала положение о том, что граждане РФ, проживающие в республике, одновременно являются гражданами Республики Тыва. Но в силу внесенных в 2010 г. изменений в основной закон республики данные положения утратили силу: ст. 4, которая называлась «Гражданство в Республике Тыва», отредактирована и переименована в «Институты гражданского общества».

Следует сказать и о том, что региональные законы об органах конституционной юстиции, называя граждан в числе лиц, которые вправе подать конституционную жалобу, не ставят возможность реализации данного права в зависимость от факта постоянного проживания на территории соответствующего субъекта Российской Федерации [22].

Следовательно, инициировать рассмотрение дела о конституционности закона или иного нормативного правового акта в региональном конституци-

онном (уставном) суде вправе любой, у кого есть гражданство Российской Федерации, независимо от места жительства.

Важно ответить на вопрос, вправе ли обратиться с конституционной жалобой в конституционный (уставной) суд субъекта РФ иностранец или лицо без гражданства [23].

В основном законодательство субъектов РФ прямо не называет данную категорию лиц в качестве субъектов права на обращение в региональный орган конституционного контроля. Исключение составляют законы Калининградской и Свердловской областей о собственных органах конституционной юстиции, называющие иностранцев и лиц без гражданства среди лиц, которые вправе инициировать рассмотрение дела о конституционности закона или иного нормативного правового акта. Но как быть с теми регионами, в которых иностранцам прямо не предоставляется право на обращение в конституционный (уставной) суд с жалобой на нарушения прав и свобод? Причем особое внимание привлекают те регионы, где перечень лиц, которым предоставлено право подачи конституционной жалобы, ограничен формулировкой «граждане и их объединения» и не используется подлежащий расширительному толкованию термин «иные органы и лица».

На наш взгляд, наделение иностранцев правом подачи жалобы в конституционный (уставной) суд субъекта РФ является правомерным. Во-первых, ст. 62 Конституции устанавливает национальный режим для иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на территории РФ, т.е. им предоставляются те же права и такие же обязанности, что собственным гражданам, за исключением случаев, установленных федеральным законодательством и международными договорами РФ. Во-вторых, в силу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, где под словом «каждый» подразумевается любой человек, вне зависимости от наличия у него гражданства России.

В связи со сказанным нелишне привести правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, высказанную в Постановлении от 17 февраля 1998 г. по жалобе иностранца Яхья Дашти Гафура. Суд, исследовав взаимосвязь положений ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и некоторых положений Конституции РФ (в частности ст. 46, 17, 62, 125), указал, что возможность защиты нарушенных основных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, должна обеспечиваться каждому, в том числе иностранным лицам и лицам, не имеющим гражданства. Таким образом, Конституционный Суд РФ придерживается широкого понимания термина «гражданин» применительно к праву подачи конституционной жалобы, включая в него, кроме национальных лиц, также лиц иностранных государств и лиц без гражданства.

Правовая позиция, высказанная федеральным Конституционным Судом, представляет собой правило, сформулированное на основе норм Конституции РФ, имеющее общеобязательное значение на всей территории России для всех правоприменительных органов, в том числе и для региональных органов конституционного правосудия. В связи с этим полагаем, что региональное законодательство о конституционных (уставных) судах необходимо дополнить положением о том, что не только граждане и их объединения

вправе подать конституционную жалобу, но и иностранцы и лица без гражданства, как это сделано в Калининградской и Свердловской областях.

Правом на подачу обращения в конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации, помимо граждан, обладают также их объединения, если закон или иной нормативно-правовой акт, применимый или подлежащий применению в конкретном деле, нарушает основные права и свободы. Следует отметить, что законы о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, содержащие институт конституционной жалобы, прямо предоставляют объединениям граждан право на подачу обращения. В данном случае термин «объединение граждан» подразумевает любое объединение граждан, в том числе только для подачи жалобы в суд с целью защиты основных прав и свобод.

Однако законы о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, называя объединения граждан в числе лиц, наделенных правом подачи конституционной жалобы, не конкретизируют этого понятия.

Анализ федерального законодательства показывает, что объединением граждан может признаваться любое самоуправляемое, некоммерческое формирование на добровольной, общественной основе, которое создается по инициативе граждан на основе общности интересов для достижения целей, обозначенных в уставе данного объединения [24].

Российским гражданским законодательством установлено, что правоспособность общественного объединения, т.е. его способность обладать правами и обязанностями, наступает с момента государственной регистрации объединения. Справедливо возникает вопрос: вправе ли объединение граждан обратиться в конституционный (уставной) суд субъекта РФ с жалобой на нарушение основных прав и свобод, т.е. выступить в качестве стороны в конституционном судопроизводстве, если оно не прошло процедуры государственной регистрации?

Правоспособность объединений граждан, включая право на обращение в конституционный (уставной) суд с жалобой, приобретается ими при наличии, во-первых, принятых в установленном законом порядке учредительных документов, во-вторых, образованных согласно им руководящих органов. Именно в силу выполнения названных условий объединение граждан вправе вступать в разнообразные правоотношения, включая отношения, связанные с его государственной регистрацией.

Объединение граждан вправе инициировать проверку конституционности закона или иного нормативно-правового акта в конституционном (уставном) суде субъекта РФ в том случае, если его деятельность касается реализации основных прав и свобод отдельных граждан, имеющих членство в данном объединении.

Достаточно продолжительное время оставался открытым вопрос о том, вправе ли юридические лица подать конституционную жалобу [25]. Ответ на него дал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 октября 1996 г. Суд высказал правовую позицию, согласно которой акционерные общества, товарищества, общества с ограниченной ответственностью, подавшие конституционную жалобу, являются объединениями – юридическими лицами, которые создаются гражданами с целью совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои

способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [26]. Следовательно, Конституционный Суд Российской Федерации отнес юридические лица различных форм собственности к числу субъектов права подачи конституционной жалобы. Действительно, право юридических лиц на обращение в органы конституционного контроля является использованием ими механизмов защиты конституционных прав и свобод. Основные права и свободы прекратили бы быть действенным звеном правовой системы, если ограничить круг субъектов, способных обратиться в орган конституционной юстиции, только физическими лицами [27].

Таким образом, реализовать право на судебную защиту, провозглашенное в ст. 46 Конституции РФ, путем подачи конституционной жалобы вправе как физические лица (граждане, иностранцы, лица без гражданства), так и их объединения (в том числе юридические лица).

Подводя общий итог сказанному, необходимо отметить, что эффективность деятельности региональных органов конституционной юстиции напрямую зависит от круга субъектов, правомочных инициировать рассмотрение дела о конституционности закона или иного нормативно-правового акта.

Библиографический список

1. **Кухливский, В. С.** Модель конституционной жалобы в законодательствах стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / В. С. Кухливский // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 183.
2. Статья 100 закона Республики Татарстан от 22 декабря 1992 г. № 1708-XII «О конституционном суде Республики Татарстан» (в ред. от 26.03.2016) // Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992. – № 11–12. – С. 188.
3. Статья 78 закона Санкт-Петербурга от 5 июня 2000 г. № 241-21 «Об уставном суде Санкт-Петербурга» (в ред. от 23.04. 2014) // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – 2000. – 25 сентября. – № 9.
4. Статья 97 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» от 15 июня 2002 г. № 16-3 № 36-3-II (в ред. от 15 июня 2005) // Якутские ведомости. – 2002. – 3 июля.
5. Статья 83 Закона Республики Карелия «О Конституционном Суде Республики Карелия» от 7 июля 2004 г. № 790-ЗРК (ред. от 04.04.2016) // Собрание Законодательства Республики Карелия. – 2004. – Июль. – № 7. – Ст. 772.
6. Статья 83 Закона Свердловской области «Об Уставном Суде Свердловской области» от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ (ред. от 20 июня 2016 г.) // Собрание законодательства Свердловской области. – 1997. – 15 декабря. – № 5.
7. Статья 83 Закона Калининградской области «Об Уставном Суде Калининградской области» от 7 сентября 2000 г. № 247 (в ред. от 22.12.2009).
8. Статья 56 Закона Республики Башкортостан «О Конституционном Суде Республики Башкортостан» от 27 октября 1992 г. № ВС-13/7 (в ред. 29.94.2014) // Законы Республики Башкортостан. Офиц. издание Президиума ВС РБ. – 1993. – Вып. IV.
9. Статья 42 Закона Республики Дагестан «О Конституционном Суде Республики Дагестан» от 2 февраля 2010 г. № 8 (в ред. от 08.05.2015) // Дагестанская правда. – 2012. – 5 февраля. – № 41–42.
10. Часть 4 ст. 101 Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (в ред. от 29 апреля 2016 г.) // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея. – 1995. – 10 марта.
11. Часть 3 ст. 100 Конституции Республики Бурятия от 22 февраля 1992 г. (ред. от 27.11.15) // Бурятия. – 1994. – 9 марта. – № 43.

12. Статья 93 Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. (в ред. от 04.12.2015) // Дагестанская правда. – 2003. – 26 июля.
13. Часть 4 ст. 122 Конституции Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. № 28-РЗ (ред. от 12.07.2006) // Кабардино-Балкарская правда. – 2005. – 18 марта. – № 53.
14. Статья 96 Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 г. (в ред. от 23.10.2015) // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. – 1994. – № 2. – Ст. 21.
15. Часть 4 ст. 95 Конституции Республики Марий Эл от 24 июня 1995 г. (в ред. от 31.07.2014) // Марийская правда. – 1995. – 7 июля.
16. Статья 88 Конституции Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1994 г. (в ред. от 15.06.2015) // Якутские ведомости. – 1994. – 20 декабря.
17. Статья 101.1 Конституции Республики Северная Осетия – Алания от 12 ноября 1994 г. (ред. от 04.12.2013).
18. Часть 4 ст. 109 Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (в ред. от 22.06.2012) // Республика Татарстан. – 2002. – 30 апреля. – № 87–88.
19. Статья 50 Устава Санкт-Петербурга от 28 февраля 1998 г. (в ред. от 25.05.2016) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (специальный выпуск). – 1998. – 23 января.
20. Статья 106 Конституции Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. (в ред. от 04.03.2014) // Республика Башкортостан. – 2002. – 6 декабря. – № 236–237 (25 216–25 217).
21. О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 01.05.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
22. **Овчаренко, А. А.** Классификация субъектов, обладающих правом подачи конституционной жалобы в региональные органы конституционной юстиции / А. А. Овчаренко // Пробелы в российском законодательстве : юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 43.
23. **Лабанова, С. А.** О категориях лиц, имеющих право обращения в Конституционный Суд России за защитой прав и свобод / С. А. Лабанова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 2 (24). – С. 25.
24. Об общественных объединениях : Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
25. **Жеребцова, Е. Е.** Виды и процессуальное положение сторон-заявителей в конституционном судопроизводстве: российский и зарубежный опыт / Е. Е. Жеребцова // Юридическая наука. – 2012. – № 2. – С. 26.
26. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1992–1996. – М., 1997. – С. 459–465.
27. **Рывкин, К. А.** Юридические лица как носители основных прав: российская и европейская практика / К. А. Рывкин // Журнал российского права. – 2007. – № 11. – С. 31.

References

1. Kukhlivskiy V. S. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. 2014, no. 6 (39), p. 183.
2. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Tatarstana* [Bulletin of the Supreme Court of Tatarstan]. 1992, no. 11–12, p. 188.
3. *Vestnik Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga* [Bulletin of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg]. 2000, 25 September, no. 9.
4. *Yakutskie vedomosti* [Yakutiya bulletin]. 2002, 3 July.
5. *Sobranie Zakonodatel'stva Respubliki Kareliya* [Collected laws of the Republic of Kareliya]. 2004, July, no. 7, art. 772.

6. *Sobranie zakonodatel'stva Sverdlovskoy oblasti* [Collected laws of Sverdlovsk region]. 1997, 15 December, no. 5.
7. *Stat'ya 83 Zakona Kaliningradskoy oblasti «Ob Ustavnom Sude Kaliningradskoy oblasti» ot 7 sentyabrya 2000 g. № 247 (v red. ot 22.12.2009)* [Article 83 of the Law of Kaliningrad region "On the Charter Court of Kaliningrad region" from 7th September 2000 № 247 (revised on 22.12.2009)].
8. *Zakony Respubliki Bashkortostan. Ofits. izdanie Prezidiuma VS RB* [Laws of the Republic of Bashkortostan. Official publication of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan]. 1993, iss. IV.
9. *Dagestanskaya pravda* [Dagestan truth]. 2012, 5 February, no. 41–42.
10. *Vedomosti Zakonodatel'nogo Sobraniya (Khase) – Parlamenta Respubliki Adygeya* [Bulletin of the Legislative Assembly – the Parliament of the republic of Adygeya]. 1995, 10 March.
11. *Buryatiya* [Buryatia]. 1994, 9 March, no. 43.
12. *Dagestanskaya pravda* [Dagestan truth]. 2003, 26 July.
13. *Kabardino-Balkarskaya pravda* [Kabardino-Balkaria truth]. 2005, 18 March, no. 53.
14. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Komi* [Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Komi]. 1994, no. 2, art. 21.
15. *Mariyskaya pravda* [Mari trith]. 1995, 7 July.
16. *Yakutskie vedomosti* [Yakutiya bulletin]. 1994, 20 December.
17. *Stat'ya 101.1 Konstitutsii Respubliki Severnaya Ossetiya – Alaniya ot 12 noyabrya 1994 g. (red. ot 04.12.2013)* [Article 101.1 of the Constitution of the Republic of North Ossetiya – Alaniya from 12th November 1994 (revised on 04.12.2013)].
18. *Respublika Tatarstan* [The Republic of Tatarstan]. 2002, 30 April, no. 87–88.
19. *Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga (spetsial'nyy vypusk)* [Bulletin of the Legislative Assembly of Saint-Peterburg (special edition)]. 1998, 23 January.
20. *Respublika Bashkortostan* [The Republic of Bashkortostan]. 2002, 6 December, no. 236–237 (25 216–25 217).
21. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, no. 22, art. 2031.
22. Ovcharenko A. A. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve: yuridicheskiy zhurnal* [Gaps in the Russian legislation: juridical journal]. 2013, no. 1, p. 43.
23. Labanova S. A. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University under the MIA of Russia]. 2014, no. 2 (24), p. 25.
24. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1995, no. 21, art. 1930.
25. Zherebtsova E. E. *Yuridicheskaya nauka* [Juridical science]. 2012, no. 2, pp. 26.
26. *Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii. Postanovleniya. Opredeleniya. 1992–1996* [The Constitutional Court of the Russian Federation. Ordinances. Decisions. 1992–1996]. Moscow, 1997, pp. 459–465.
27. Ryvkin K. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian Law]. 2007, no. 11, p. 31.

Портнова Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра частного и публичного права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Portnova Elena Vitalevna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of private and public rights, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: Elena_v_portnova@rambler.ru

УДК 342
Портнова, Е. В.
Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации / Е. В. Портнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 62–71. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-7

УДК 342.72 + 342.722
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-8

М. Ю. Рузляев

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА КАК МАСШТАБ КОНСТИТУЦИОННОГО И УСТАВНОГО ПРАВОСУДИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Abstract.

Актуальность и цели. Принцип равенства со времен Античности рассматривается в связке с принципом справедливости как основа правопорядка. Однако согласно позиции Ганса Кельзена нет необходимости рассматривать такую связку как необходимую. Только принцип равенства присущ всякому цивилизованному правопорядку и системе правосудия, включая и систему конституционного контроля в субъектах РФ. Более того, предполагаемая связка является избыточной, поскольку для эффективного правопорядка необходимым и достаточным является лишь принцип равенства. Принцип же справедливости по Кельзену является этической, а не юридической категорией. Целью исследования является проверка, насколько монистический подход Кельзена с опорой только на принцип равенства востребован в практике конституционных и уставных судов РФ.

Материалы и методы. Реализация поставленной задачи была достигнута посредством анализа двух дел, рассмотренных Конституционным судом Республики Северная Осетия – Алания и Конституционным судом Республики Саха (Якутия). Методологический потенциал включает формально-юридический, систематический и сравнительный методы.

Результаты. Исследован монистический тезис Ганса Кельзена о самодостаточности принципа равенства как базового и единственного принципа правопорядка. Проанализирован вопрос о том, насколько принцип справедливости является исключительно этическим. Рассмотрен также вопрос о том, насколько принцип равенства является чисто юридическим.

Выводы. Доказано, что между принципом равенства и принципом справедливости нет строгой понятийной границы. Опираясь на принцип равенства, судья параллельно решает и проблему справедливости. Так, совместное или альтернативное применение судьями двух техник, а именно «негативной дискриминации» и «позитивной дискриминации», побочно могут решать и проблему социальной или индивидуальной справедливости.

Ключевые слова: конституционное правосудие, принцип равенства, негативная дискриминация, позитивная дискриминация, право на труд, права на жилище.

M. Yu. Ruzlyaev

THE EQUALITY PRINCIPLE AS A STANDARD FOR TRIAL IN CONSTITUTIONAL AND STATUTE COURTS IN REGIONS OF RUSSIA

Abstract.

Background. The equality principle is deemed to be concomitant to the principle of justice since the Antiquity. Both of them are regarded as indispensable for any effective legal order. According to Hans Kelsen, however, there is no necessity to

regard both principles as concomitant. Only the equality principle is inherent to any civilized legal order and system of justice, including the constitutional control system in regions of Russia. Moreover, this alleged tie is excessive, because the equality principle is both necessary and sufficient for an effective legal order. As for the justice principle, according to Kelsen it is an ethical, not a legal category. The goal of this brief investigation is to test the instrumentality of this Kelsenian monistic approach as a tool in hands of constitutional judges in Russian regions.

Materials and methods. The investigation task was realized by means of an analysis of two cases adjudicated by the Constitutional Court of North Ossetia – Alania and by the constitutional Court of Saha – Yakutia, correspondingly. The methodology of the investigation includes the normativist, systematic and comparative methods.

Results. The monistic thesis of Hans Kelsen concerning the alleged self-sufficiency of the equality principle was investigated. This principle is regarded by Kelsen as the only fundamental principle of legal order. The question concerning the legal or ethical status of the justice principle was analyzed as well. The author also dwelt upon the question, whether the equlity principle may be regarded as a "pure" legal principle.

Conclusions. It is proved that there is no strict conceptual boundary between the equality principle and the justice principle. When and if a judge appeals solely to the equality principle the justice principle is tacitly involved as well. When a judge applies two techniques, namely a tool of negative discrimination or a tool of positive discrimination, he/she inevitably (though collaterally) may solve the problem of social or individual justice.

Key words: constitutional justice, equality principle, negative discrimination, positive discrimination, freedom of labour, dwelling rights.

Как известно, принцип равенства является базовым принципом любого эффективного правопорядка и, соответственно, любой более или менее эффективной системы правосудия. С другой стороны, принцип равенства еще со времен Античности всегда рассматривался в контексте принципа справедливости или как атрибут равенства. Более того, для школы естественного права приоритетным является как раз принцип справедливости, а не принцип равенства. Другими словами, в ракурсе теории естественного права для надежности правопорядка необходимым и достаточным является неукоснительное следование принципу справедливости, тогда и принцип равенства будет реально обеспечен.

Так, еще Цицерон различал два возможных способа попрания справедливости: «Но несправедливость бывает двух видов: один – со стороны тех, кто совершает ее; другой – со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозакония от тех, по отношению к кому его совершают» [1]. Второй вид несправедливости в контексте судебной системы, как известно, именуется отказ в правосудии, когда судья обязан разрешить дело, но не делает этого, ссылаясь на неопределенность или отсутствие позитивного закона.

Согласно нормативистской теории Ганса Кельзена принцип равенства «работает» сам по себе, т.е. изолированно от принципа справедливости [2]. Последний, по мнению Кельзена, является этическим, не юридическим понятием [3]. Кельзен аргументирует свое мнение тем, что термин «справедливость» не поддается формализации, т.е. обобщению в духе принципа равенства. Иначе говоря, справедливость не бывает общей для всех, она у каждого

своя, как гласит формула справедливости римских юристов: “suum quique tribuere”[1]. Для Кельзена справедливость – это общественное счастье или благоденствие, гарантированное социальным порядком [3]. Социальный порядок может быть «социально счастливым», но не обязан им быть. Рассмотрим в рамках монистического постулата Кельзена (принцип равенства не нуждается в принципе справедливости) два дела.

Первое дело посвящено вопросу о негативной дискриминации и суммировано в Определении Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания от 30 декабря 2011 г. В этом Определении представлен аргументированный отказ принять к рассмотрению обращение гражданки Асламурзаевой Алины Асланбековны по поводу толкования ч. 1 ст. 38 Конституции Республики Северная Осетия – Алания [4].

Заявительница подала заявление в Конституционный Суд Республики Северная Осетия – Алания по поводу интерпретации ч. 1 ст. 38 Конституции Республики Северная Осетия – Алания. Как гласит указанное положение республиканской конституции, «материнство, отцовство и детство, семья находятся под защитой государства».

Заявительница просит разъяснить, не превысил ли республиканский законодатель свои полномочия в «адресной» защите отцовства, учитывая, что в аналогичной статье Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 38) гарантирована защита лишь материнства и детства, семьи, но отцовство в качестве предмета дифференцированной защиты не выделяется.

В связи с запросом гражданки Асланмурзаевой А. А. Конституционный Суд Северной Осетии истолковал ст. 2 Конституции Российской Федерации в том смысле, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права мужчины-отца наравне с правами матери.

Идеологически и социологически запрос гражданки Асламурзаевой А. А. вполне можно рассматривать в контексте теории «рессентимента» [5], или специфической гендерной (женской) затаенности, опасливости или настороженности в отношении мужчин. В этой гендерной позиции нет ничего патологического, она основана на объективных данных, достаточно в этой связи указать на статистику и гендерный характер сексуальных преступлений во всех странах, даже самых «цивилизованных». Продолжающаяся дискуссия среди юристов и представителей общественности в РФ по поводу так называемых бытовых побоев свидетельствует о том, что мужчина объективно воспринимается (даже самими мужчинами) как потенциальный источник бытовой агрессии, т.е. агрессивного поведения, прежде всего в отношении жены и детей.

В таком ракурсе гражданка Арсланмурзаева А. А. фактически ставит под сомнение сопоставимость материнства и отцовства. Опять-таки социология и статистика на ее стороне: безотцовщина – крайне негативная вещь, особенно для мальчиков, но отсутствие матери почти всегда превращает ребенка в объект социальной защиты, т.е. в сироту.

Однако *юридически* мотив запроса гражданки Арсланмурзаевой А. А. интересен тем, что им фактически опротестован сам факт принципа равенства в гендерных вопросах. Здесь тоже есть своя железная логика, например,

[1] Лат. «каждому свое причитается».

беременная женщина неравна небеременной женщине, но не мужчине, который вообще несовместим с беременностью. Иначе говоря, по логике запроса Арсланмурзаевой А. А. принцип равенства в гендерных проблемах никогда не пересекает границы полов: соответственно, юридический, но не биологический отец неравен биологическому, но не юридическому отцу примерно в том же смысле, как роженица неравна нероженице и т.п.

Следующий вывод из запроса Арсланмурзаевой А. А., если толковать его одновременно гендерно и контекстуально, сводится к тому, что позитивная дискриминация одной группы субъектов (в данном случае отцов) может автоматически приводить к негативной дискриминации другой группы субъектов (в данном случае матерей). При этом за скобками остается юридическая несоразмерность различия между юридическими и биологическими отцами, с одной стороны, и юридическими «мамами»-нероженицами и биологическими «немамами»-роженицами, так называемыми суррогатными матерями, с другой.

Запрос Арсланмурзаевой А. А. поднимает важный вопрос о взаимной пропорциональности негативной и позитивной дискриминации: насколько первая в той или иной ситуации предполагает наличие второй, и наоборот. Ясно, что негативная дискриминация какой-либо группы в некотором тоталитарном государстве не обязательно означает позитивную дискриминацию других групп. Скажем, если какая-то социальная группа (например, дворяне при большевиках) получила статус «лишенцев», то это вовсе не означает, что *юридически* тут же улучшился статус каких-то других групп.

Запрос Арсланмурзаевой А. А. интересен также тем, что он фактически сопрягает позитивную дискриминацию в одном отношении с негативной дискриминацией в другом. Иначе говоря, подтекст запроса таков: если мы будем защищать «отцов как таковых», то останутся ли у государства ресурсы для защиты материнства, что в социальном плане гораздо важнее? Такая постановка вопроса, разумеется, открыта для дискуссии, но в логике ей отказать трудно [6].

Второе дело, которое мы проанализируем в рамках заявленной темы, было рассмотрено Конституционным Судом Республики Саха (Якутия) от 28 марта 2013 г. № 3-П [7]. В Постановлении суда речь идет о проверке конституционности нормативных правовых актов главы администрации муниципального образования «Ленский район» Республики Саха (Якутия) об обеспечении жильем работников бюджетной сферы.

По ходатайству народного депутата Республики Саха (Якутия) С. А. Никонова Конституционный Суд проверил на соответствие Конституции РФ и Конституции Республики Саха (Якутия) нормативные акты главы муниципального образования «Ленский район» Республики Саха (Якутия) об обеспечении жильем работников бюджетной сферы [8].

Из материалов дела следует, что Решением районного совета муниципального образования «Ленский район» и его главы от 13 декабря 2006 г. была утверждена муниципальная Программа под названием «Обеспечение работников муниципальной бюджетной сферы жильем на 2006–2011 годы» (далее – Программа).

Также Постановлением главы муниципального образования «Ленский район» от 26 июля 2007 г. был утвержден Порядок предоставления ипотеч-

ных кредитов (далее – Порядок) бенефициарам указанной Программы. Источником финансирования Программы являлись кредитные средства, собственные средства заемщика и средства в виде безвозмездной субсидии из муниципального бюджета.

В соответствии с этой программой 30 августа 2007 г. заключено соглашение между муниципалитетом и врачом-эпидемиологом Кайновым Д. А. В результате семья Кайнова получила субсидия в размере 436 000 рублей для приобретения жилья в городе Ленске. В соглашении содержался пункт, по которому Кайнов Д. А. принимал на себя обязательство отработать в бюджетной сфере не менее семи лет с момента получения финансовой помощи.

Однако, отработав неполные два года, Кайнов Д. А. уволился по собственному желанию. По иску муниципалитета решением Ленского районного суда от 13 августа 2009 г. с ответчика было взыскано 436 000 рублей в пользу администрации МО «Ленский район». Верховный Суд Республики Саха (Якутия) своим определением от 18 ноября 2009 г. оставила решение Ленского районного суда без изменения.

По мнению депутата Республики Саха (Якутия) С. А. Никонова, установление произвольных сроков трудовых отношений является недопустимым, так как препятствует осуществлению гражданами конституционных прав на жилище и противоречит принципу свободы труда (ст. 18 и 24 Конституции Республики Саха (Якутия)). Кроме того, по мнению С. А. Никонова, упомянутый Порядок является нормативным актом, он затрагивает права и свободы граждан, но не был опубликован для предварительного ознакомления и потому не должен был применяться.

В принципе, муниципалитет вправе устанавливать порядок возврата оказанной финансовой помощи при увольнении работника по собственному желанию. К указанным трудовым правоотношениям применяются правила о предельном сроке трудового договора, установленные ст. 58 Трудового кодекса Российской Федерации, т.е. пять лет.

Конституционный Суд Республики Саха (Якутия) признал, что, во-первых, муниципально-правовые нормы, которые обязывают работника отработать в муниципальной бюджетной сфере не менее пяти лет с момента получения финансовой помощи, не противоречат ст. 18 и 24 Конституции Республики Саха (Якутия). Эти нормы не препятствуют реализации прав граждан на жилище.

Во-вторых, муниципально-правовые нормы, устанавливающие требование отработать в муниципальной бюджетной сфере *свыше* пяти лет с момента получения финансовой помощи, не соответствуют ст. 18 Конституции Республики Саха (Якутия). Эти нормы необоснованно ограничивают свободу труда и прежде всего свободу выбора рода занятий.

В-третьих, несоблюдение администрацией муниципального образования порядка опубликования муниципальных правовых актов не согласуется со ст. 98 Конституции Республики Саха (Якутия), предусматривающей законность и открытость деятельности органов местного самоуправления.

Рассмотренное дело примечательно тем, что в отношении врача-эпидемиолога Кайнова Д. А. категория «бюджетный работник» применяется судьями Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) одновременно как

масштаб позитивной дискриминации и как масштаб негативной дискриминации. Конфигурация дела такова, что интересы Кайнова Д. А. сразу же сублимируются и переводятся в контекст позитивной дискриминации: они рассматриваются не просто в контексте общей категории «бюджетный работник», а в категории «*привилегированный* бюджетный работник».

Вместе с тем привилегия (т.е. получение жилищной субсидии) в данном случае уже обременена дополнительным обязательством (требованием определенного срока отработки от муниципалитета). Такая «спаренность» привилегии с дополнительным (специальным) обременением вполне соответствует базовым принципам правопорядка, а именно принципу равенства и принципу справедливости. В просторечье данная аксиома гласит: «За все надо платить» (в том числе и за приобретенную выгоду). Соответственно, те привилегии, которые не связаны с какими-либо *специальными* обязательствами, не соответствуют базовым принципам правопорядка и подлежат демонтажу.

В аргументации судей Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) в отношении Кайнова Д. А. применяется также инструмент негативной дискриминации. Это инструмент выходит на первый план в части анализа сроков обязательной отработки бюджетного работника. Факт первоначального предоставления жилищной субсидии Кайнову Д. А. в рамках семилетнего трудового соглашения был расценен Конституционным Судом Якутии как несоответствие федеральной и республиканской конституциям, а также как нарушение стандартного, а именно пятилетнего срока трудового договора, закрепленного в Трудовом кодексе РФ.

Соответственно, пролонгированный до семи лет трудовой договор был признан как факт негативной дискриминации Кайнова Д. А. по сравнению со стандартными условиями труда для категории «бюджетный работник» независимо от вопроса о (не)предоставлении каких-либо специальных льгот, т.е. независимо от вопроса о позитивной дискриминации. Таким образом, логика судей Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) такова, что категория «*привилегированный* бюджетный работник» имеет юридический смысл лишь в части предоставления бонусов, т.е. в контексте позитивной дискриминации. Какие-либо дополнительные специальные обременения привилегированного бюджетного работника недопустимы, поскольку в части обязательств такой работник ничем не отличается от обычного бюджетного работника. Другими словами, в части обязательств Кайнов Д. А. ничем не отличается от обычного бюджетного работника. Это значит, что в отношении Кайнова Д. А. допустима и даже приаетствуется позитивная дискриминация, выделяющая его на фоне обычных бюджетных рабоников, но категорически возбраняется негативная дискриминация, которая ставила бы его в худшее положение по сравнению с обычными бюджетными работниками.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что судьи как Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, так и судьи Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) осознанно или нет в тенденции придерживаются монистического постулата Кельзена: принцип равенства не нуждается в принципе справедливости. При этом проблему юридического равенства, т.е. нарушение этого принципа, почти всегда можно переформу-

лировать в терминах соотношения негативной и позитивной дискриминации. Более того, в рамках конституционного и уставного судопроизводства в субъектах РФ по одному и тому же делу заявителя и суд нередко применяет как аргументы от негативной, так и от позитивной дискриминации. Но здесь есть нюансы: позитивная дискриминация индивида или социальной группы часто означает негативную дискриминацию другого индивида или социальной группы. С другой стороны, первичная негативная дискриминация кого-то не означает автоматически, что кто-то другой выиграл от этого в социальном и особенно в имущественном плане.

Библиографический список

1. **Цицерон.** О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон ; пер. В. О. Горенштейна. – М. : Наука, 1974.
2. **Kelsen, H.** General Theory of Law and State / H. Kelsen. – New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 2006.
3. **Kelsen, H.** Was ist Gerechtigkeit / H. Kelsen. – Stuttgart : Reclam, 2000.
4. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2013. – № 4. – С. 26–29.
5. **Шелер, М.** Рессентимент в структуре моралей / М. Шелер ; пер. с нем. А. Н. Малинкина. – СПб. : Наука : Университетская книга, 1999.
6. **Безруков, А. В.** Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в условиях модернизации государственного управления / А. В. Безруков // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). – 2013. – № 2. – С. 21–31.
7. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. – 2013. – № 3. – С. 21–27.
8. **Хабибуллина, Г.** Принцип сбалансированности публичных и частных интересов в практике конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации / Г. Хабибуллина // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 40–42.

References

1. Tsitseron. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [On old age. On friendship. On responsibilities]. Moscow: Nauka, 1974.
2. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2006.
3. Kelsen H. *Was ist Gerechtigkeit* [What is righteousness?]. Stuttgart: Reclam, 2000.
4. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Acts of constitutional justice in regions of the Russian Federation]. 2013, no. 4, pp. 26–29.
5. Sheler M. *Ressentiment v strukture moraley* [Ressentiment in the moral structure]; transl. from German by A. N. Malinkin. Saint-Petersburg: Nauka : Universitetskaya kniga, 1999.
6. Bezrukov A. V. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21, Management (state and society)]. 2013, no. 2, pp. 21–31.
7. *Daydzhest operativnoy informatsii. Akty konstitutsionnogo pravosudiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Operative information digest. Acts of constitutional justice in regions of the Russian Federation]. 2013, no. 3, pp. 21–27.
8. Khabibullina G. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2013, no. 6, pp. 40–42.

Рузляев Михаил Юрьевич
старший прокурор, отдел по надзору за следствием в аппарате ГУ МВД России по Московской области, Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции, прокуратура Московской области (Россия, г. Москва, Малый Кисельный переулок, 5)

E-mail: ruzlyaev@gmail.com

Ruzlyaev Mikhail Yurevich
Senior prosecutor, the division for Supervision of Investigation in the Main Department of the Ministry of Internal Affairs in Moscow Region, the department for Supervision of Criminal Procedural and Operational Investigative Activities of Internal Affairs and Justice, Prosecutor's Office of Moscow Region (5 Maliy Kiselniy lane, Moscow, Russia)

УДК 342.72 + 342.722
Рузляев, М. Ю.
Принцип равенства как масштаб конституционного и уставного правосудия в субъектах Российской Федерации / М. Ю. Рузляев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 72–79. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-8

УДК 347.235
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-9

О. А. Тимошкина

ПЕРЕДАЧА ЗАЯВЛЕНИЙ И (ИЛИ) ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ДРУГИМ ФИЗИЧЕСКИМ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ПУТЕМ ВНЕСЕНИЯ НОТАРИУСОМ ПОДЛЕЖАЩИХ ПУБЛИКАЦИИ СООБЩЕНИЙ В ЕДИНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЕСТР ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СВЕДЕНИЙ О ФАКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ НОТАРИАТА

Аннотация.

Актуальность и цели. Совершение нотариального действия по внесению сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности – это нововведение законодательства, повсеместно оно совершается только с октября 2016 г. Однако уже нотариусы столкнулись с рядом проблем, которые заключаются в необходимости дополнительного технического оснащения рабочего места, обучения сотрудников нотариальной конторы по соответствующим программам дополнительного образования. Цель работы – конкретизация порядка совершения нотариального действия по внесению подлежащих публикации сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности хозяйствующих субъектов.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа требований, предъявляемых к Автоматизированному рабочему месту «Нотариус», с целью определения порядка совершения нотариального действия. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового анализа, которые позволяют, проанализировав ряд нормативных документов, определить и сформулировать конкретные требования, предъявляемые к техническому оснащению нотариальной конторы и практическим навыкам нотариуса для осуществления нотариального действия.

Результаты. Определены требования, предъявляемые к техническому оснащению нотариальной конторы, на предмет работы в модуле Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. Уточнен порядок совершения нотариального действия – внесения подлежащих публикации сообщений в указанный реестр деятельности хозяйствующих субъектов.

Выводы. Автоматизированное рабочее место «Нотариус» должно отвечать требованиям, предъявляемым к подобным модулям, в целях своевременного и корректного совершения нотариальных действий и недопущения совершения правонарушений и преступлений, а также нарушения социально-экономических прав и свобод граждан, вовлеченных в предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: функция, нотариальное действие, нотариус, автоматизированное рабочее место нотариуса, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности.

O. A. Timoshkina

TRANSFER OF APPLICATIONS AND (OR) OTHER DOCUMENTS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES TO OTHER INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES BY INTRODUCING NOTICES TO THE UNIFIED FEDERAL REGISTER OF LEGALLY SIGNIFICANT INFORMATION ON THE ACTS OF ECONOMIC ENTITIES AS A WAY OF IMPLEMENTING THE NOTARIAL FUNCTION OF THE NOTARY

Abstract.

Background. The execution of a notarial act by entering information into the Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Act of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Operators is an innovation of legislation; it has been introduced throughout Russia only since October 2016. However, notaries have already encountered a number of problems, which consist in the need for additional technical equipment of the workplace, training of employees of notary's offices at the corresponding programs of additional education. The purpose of the work is to specify the procedure for executing a notarial act of entering information to be published in the Unified Federal Register of Legally Significant Information on the activities of economic entities.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing the requirements for the Notary's Automated Workplace, with a view to determine the procedure for executing a notarial act. The methodological potential includes methods of comparative legal analysis that allow, having analyzed a number of normative documents, to define and formulate specific requirements for the technical equipment of a notary's office and practical skills of a notary to execute of a notarial act.

Results. The requirements for the technical equipment of a notary's office for operating in a module of the Single Federal Register of Legally Significant Information on the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Operators have been determined. The article specifies the procedure of executing a notarial act – posting information to be published in the specified register of activities of economic entities.

Conclusions. "Notary" automated workplace must meet the requirements for such modules in order to timely and correctly perform notarial acts and prevent the committment of offenses and crimes, as well as violations of social and economic rights and freedoms of citizens involved in entrepreneurial activities.

Key words: function, notarial act, notary, "Notary" automated workplace, legal entity, individual entrepreneur, Unified federal register of legally significant information on the activities of legal entities, individual entrepreneurs and other economic entities.

Выявить место нотариата в современном обществе, а также отразить специфику его деятельности позволяет разделение нотариальных функций.

В литературе остается дискуссионным вопрос правовых функций. Неоднократно высказывалась позиция о перераспределении функций нотариата и их передачи иным органам.

Г. Г. Черемных определяет нотариальные функции как «основные направления деятельности, отражающие особенности нотариата как уникального правового института» [1, с. 17].

Кроме того, в литературе встречается мнение о тождественности принципов и функций нотариата [2, с. 9, 10]. Однако для принципов характерна нормативная закрепленность и воздействие на процессы правового регулирования и правореализации, в связи с чем представляется, что необходимо разделять функции и принципы.

Что касается количественного состава функций нотариата, то здесь тоже нет единого мнения.

В. В. Ярков подразделяет функции нотариата на общие и специально-юридические [3]. Иную классификацию функций нотариата представляет упомянутый ранее Г. Г. Черемных. Он разделяет все функции на вытекающие из публично-правового характера нотариальной деятельности (в эту группу входят правоохранительная, правоприменительная, фискальная и предупредительно-профилактическая) и вытекающие из частноправового содержания нотариальной деятельности (правореализующая, правоустанавливающая, консультационная, регулятивная, охранительная, контрольная).

Важнейшее место в классификации функций нотариата принадлежит правореализационной функции, так как именно на нее всегда указывают как на функцию, которая определяет место нотариата в системе осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей. В структуре правореализационной функции выделяют исполнение, использование, соблюдение и применение права.

В рамках реализации указанной функции нотариус обеспечивает условия правомерного поведения участников гражданского оборота, в отношении которых совершается нотариальное действие, а также самостоятельно осуществляет исполнение, использование и соблюдение требований правовых норм (материального и процедурного характера) в связи с предоставленными ему полномочиями.

Основной задачей нотариата является обеспечение правомерности действий участников гражданского оборота, в связи с чем применение права осуществляется нотариусом в ограниченном числе случаев [4, с. 42]. Осуществление правореализационной функции обеспечивает превентивный характер нотариальной деятельности, так как совершение тех или иных нотариальных действий ведет к снижению риска и возможных потерь от участия в гражданском обороте.

Одним из примеров осуществления правореализационной функции является совершение нотариального действия по передаче заявлений и (или) иных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам в соответствии с п. 11 ст. 35 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [5].

Одним из способов совершения указанного нотариального действия является внесение подлежащих публикации сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности.

Субъект предпринимательской деятельности обязан в соответствии со ст. 7 Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6] вносить следующие сведения: о создании юридического лица; о реорганизации юри-

дического лица; о процессе ликвидации юридического лица; о решении об исключении юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц; об исключении юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц или о ликвидации юридического лица; о прекращении унитарного предприятия, имущественный комплекс которого продан в порядке приватизации или внесен в качестве вклада в уставный капитал открытого акционерного общества; об увеличении или уменьшении уставного капитала; о назначении или прекращении полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица; о недостоверности содержащихся в едином государственном реестре юридических лиц сведений о юридическом лице; о принятии решения об изменении места нахождения юридического лица; об изменении адреса юридического лица; о стоимости чистых активов юридического лица, являющегося акционерным обществом, на последнюю отчетную дату; о стоимости чистых активов юридического лица, являющегося обществом с ограниченной ответственностью, в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7]; о возникновении признаков недостаточности имущества; о финансовой и (или) бухгалтерской отчетности в случаях, если установлена обязанность по раскрытию такой информации в средствах массовой информации; о получении лицензии, изменении статуса или о прекращении действия лицензии на осуществление конкретного вида деятельности; о вынесении арбитражным судом определения о введении наблюдения; об обременении залогом движимого имущества; о выдаче независимой гарантии, ее реквизитов, а также существенных условий данной гарантии; о заключении клиентом договора финансирования под уступку денежного требования между субъектами, его реквизитов, за исключением сведений, составляющих охраняемую законом тайну; иные сведения, за исключением сведений, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Для осуществления нотариального действия в помещении нотариальной конторы должно быть оборудовано автоматизированное рабочее место нотариуса, которое представляет собой модуль Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности.

В процессе осуществления нотариального действия нотариус создает сообщение только для того юридического лица, физического лица, индивидуального предпринимателя, оценщика или компании-нерезидента, имеющих намерение опубликовать сообщение при участии нотариуса, при этом данные о соответствующем юридическом лице, индивидуальном предпринимателе, оценщике должны уже содержаться в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, а данные о физическом лице и компании-нерезиденте нотариус может внести самостоятельно.

Нотариус подписывает публикуемое сообщение с использованием электронно-цифровой подписи (реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного документа от подделки, который формирует-

ся в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи, позволяет идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в документе). При этом сообщение публикуется от имени юридического лица, физического лица, индивидуального предпринимателя, оценщика или компании-нерезидента с указанием, что совершено нотариусом, фамилии, имени, отчества и наименования должности.

Для своевременного и корректного размещения соответствующих сведений должностное лицо, являющееся пользователем автоматизированного рабочего места нотариуса, должно иметь следующие навыки:

– работы на персональном компьютере с графическим пользовательским интерфейсом (клавиатура, мышь, управление окнами и приложениями, файловая система);

– использования стандартного веб-браузера (Microsoft Internet Explorer 8.0 и выше или Mozilla FireFox 30-х версий) в Интернете (настройка подключений, доступ к веб-сайтам, навигация);

– использования стандартной почтовой программы (создание, отправка и получение e-mail);

– знание основ информационной безопасности.

В связи с этим на нотариуса возлагается обязанность по повышению соответствующего уровня профессиональной квалификации заблаговременно, что для определенной части нотариального сообщества представляется затруднительным.

Кроме того, существуют требования, которые предъявляются для оборудования самого автоматизированного рабочего места, к ним относятся: процессор – не ниже Pentium-IV 1,6 ГГц; оперативная память – объем не менее 256 Мб; диск – объем свободного пространства не менее 10 Гб; дисплей – 1024 × 768, 16 млн цветов; сетевой адаптер; операционная система – Microsoft Windows XP или выше; веб-браузер – MS Internet Explorer 8.0 и выше или Mozilla FireFox 30-х версий; антивирусное программное обеспечение; программы для просмотра документов в формате PDF, DOC; средство криптографической защиты информации, предназначенное для создания электронной цифровой подписи, сертифицированное уполномоченным органом, в настоящее время Федеральной службой безопасности Российской Федерации, на соответствие ГОСТ 28147–89 «Системы обработки информации. Защита криптографическая. Алгоритм криптографического преобразования», ГОСТ Р 34.11–94 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования», ГОСТ Р 34.10–2001 «Информационная технология, криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи» и требованиям ФСБ России к средствам криптографической защиты информации класса КС1 и реализующее программный интерфейс CryptoAPI v. 2.0; наличие на компьютере действующего сертификата ключа пользователя, полученного в Удостоверяющем центре нотариата России.

Наличие соответствующих информационных ресурсов носит рекомендательный характер, что, на наш взгляд, не является правильным. Министерству юстиции Российской Федерации совместно с Федеральной нотариальной палатой следовало бы конкретизировать и закрепить указанные требова-

ния в форме инструкции, письма или методических рекомендаций. Указанный документ, несомненно, облегчит нотариусу процесс оборудования рабочего места и нотариальной конторы в целом.

Кроме того, информационное общество предполагает активное использование современных интернет-ресурсов. Как и другие государственные органы и частные структуры, нотариус, в целях осуществления нотариального действия по передаче сведений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, создает свой личный кабинет пользователя. К сожалению, существующая практика парольной защиты доступа к личным кабинетам, в том числе к личному кабинету на соответствующем портале, обладает существенной уязвимостью. Пользователи не способны запоминать длинные случайные пароли. Владелец информационного ресурса не может быть уверен в том, что к личному электронному кабинету получил доступ именно нотариус. Пароль может быть перехвачен программной закладкой, также не составляет проблемы подменить IP-адрес интернет-пользователя.

Таким образом, у лица, обратившегося за совершением нотариального действия по передаче соответствующих сведений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, могут возникнуть сомнения в сохранности персональных данных.

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным уделяется особое внимание защите информационных ресурсов. 28 апреля 2017 г. Президент РФ дал поручение председателю правительства по повышению информационной безопасности государственных информационных систем и защищенности персональных данных граждан.

Назрела необходимость внести поправки, предусмотрев ряд принципов обработки данных в государственных информационных системах, в частности минимизацию состава таких данных, обязательность учета и регистрации всех действий и идентификации участников, хранение данных в электронном виде в информационных системах по месту их возникновения, определение межведомственного запроса как преимущественного способа получения сведений в информационных системах.

Кроме того, для усиления защиты доступа к электронным кабинетам в настоящее время разрабатываются технологии биометрической аутентификации личности путем преобразования личных биометрических данных человека в его криптографический ключ или длинный пароль доступа. В США, Канаде разрабатываются так называемые «нечеткие экстракторы», преобразующие рисунок отпечатка пальца, голосовой пароль или рисунок радужной оболочки глаза в код криптографического ключа доступа [8, с. 10].

Несомненно, в целях усиления информационной защиты сведений, передающихся нотариусом в процессе совершения нотариального действия, необходимо оборудовать автоматизированное рабочее место нотариуса новейшими средствами биометрической защиты персональных данных.

Автоматизированное рабочее место нотариуса представлено в виде веб-интерфейса. Дистрибутивный носитель данных отсутствует. Однако требуется установка на локальный компьютер пользователя программного обеспече-

ния средств криптографической защиты информации и ActiveX-компонента для электронной подписи. Загрузка автоматизированного рабочего места нотариуса осуществляется автоматически с помощью веб-браузера посредством перехода с открытого сайта Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности и прохождения процедуры авторизации.

Установка средства криптозащиты информации и инициализация сертификата ключа пользователя производится в соответствии с инструкцией, предоставляемой Удостоверяющим центром нотариата, которым был выдан сертификат ключа пользователя, или производителем средств криптографической защиты информации. Выбор средства криптографической защиты информации осуществляет нотариус, исходя из своих требований, однако представляется возможным использовать и средство криптографической защиты информации, установленное ранее.

Для осуществления нотариального действия автоматизированному рабочему месту нотариуса необходимо пройти процедуру авторизации, при этом осуществить вход, используя индивидуальный сертификат, который предварительно устанавливается на жестком диске или специальном носителе. При этом сертификат должен отвечать определенным требованиям к нему:

1) он должен быть выдан соответствующим подразделением, как правило, это Удостоверяющий центр нотариата;

2) должен быть выдан только нотариусу или лицу, временно исполняющему обязанности нотариуса;

3) иметь соответствующие сроки действия;

4) не должен быть заблокирован соответствующим Удостоверяющим центром нотариата или администратором Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности.

Процедура авторизации проходится единожды, при дальнейших обращениях нотариус входит через личный кабинет, при этом нотариус имеет возможность просмотреть сведения о себе (свои атрибуты), к которым относятся: ФМО, ИНН, должность, регистрационный номер нотариуса в реестре Министерства юстиции Российской Федерации. Часть атрибутов размещаются автоматически из сертификата, часть нотариус вносит самостоятельно и имеет возможность их изменять.

Для осуществления нотариального действия по публикации сообщения нотариус, выбрав раздел «Создать сообщение», осуществляет поиск соответствующего юридического лица, физического лица, индивидуального предпринимателя, оценщика или компании-нерезидента, сообщение о котором будет опубликовано. Поиск осуществляется с использованием следующих фильтров:

1. Наименование – поиск по совпадению введенного слова (нескольких слов) со словом (словами) в названии юридического лица. Порядок расположения введенных слов не учитывается. Поиск ведется без учета регистра символов.

2. Адрес – поиск ведется по адресу юридического лица, аналогично описанному алгоритму поиска по наименованию.

3. Код (ИНН, ОГРН) – поиск ведется по совпадению введенного ИНН или ОГРН с ИНН (ОГРН) юридического лица. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности автоматически распознает, какой тип кода введен.

4. ФИО – поиск ведется по фамилии, имени и отчеству.

5. Код (ИНН, ОГРНИП) – поиск ведется по ИНН или ОГРНИП индивидуального предпринимателя.

6. Код (ИНН, СНИЛС) – поиск ведется по ИНН или СНИЛС, аналогично описанному выше поиску по коду юридического лица.

Как правило, самый простой и быстрый вариант поиска – по ИНН, СНИЛС, ОГРН или ОГРНИП, поскольку они уникальны и в результате отбирается одна запись.

После выбора соответствующего юридического лица, физического лица, индивидуального предпринимателя, оценщика или компании-нерезидента, нотариус выбирает тип публикуемого сообщения, согласно варианту размещаемых сведений, заполняя все необходимые атрибуты. После этого нотариус обязан осуществить подписание сообщения с использованием электронно-цифровой подписи. Для этого необходимо выбрать сертификат, которым будет подписываться сообщение. Это должен быть тот же сертификат, по которому осуществлялась авторизация в автоматизированном рабочем месте нотариуса.

Далее создается счет на оплату публикации, который выставляется на имя соответствующего юридического лица, физического лица, индивидуального предпринимателя, оценщика или компании-нерезидента, сведения о котором публикуются, при этом сообщение разместится на открытом сайте только после оплаты счета. Оплата счета может быть осуществлена третьим лицом, для чего создается заявка на оплату счета третьим лицом. Важным является тот момент, что нотариус должен помнить, что если размещаются сведения о компании-нерезиденте, для которой в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности не введены сведения о представительствах на территории Российской Федерации, то создание заявки на оплату счета третьим лицом является обязательной частью совершения нотариального действия.

В заключение хотелось бы отметить, что совершение нотариального действия по передаче заявления и (или) иных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам путем внесения сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности – это скорее нововведение законодательства, повсеместно оно совершается только с октября 2016 г. Однако уже нотариусы столкнулись с рядом проблем. Это и необходимость дополнительного технического оснащения рабочего места, и обучение сотрудников нотариальной конторы, и самостоятельной обучение по соответствующим программам дополнительного образования, кроме того, в Россий-

ской Федерации все еще остаются регионы, где существуют проблемы с наличием интернет-соединений, а также их отдаленность. Согласно действующему законодательству юридическое лицо, физическое лицо, индивидуальный предприниматель, оценщик или компания-нерезидент обязаны размещать сведения в течение трех рабочих дней, что иногда не представляется возможным. Соответствующие изменения вступили в действие не так давно, в связи с чем должно пройти время для правовой и практической их оценки. Кроме того, назрела необходимость усилить защиту доступа к электронным кабинетам, которыми пользуются нотариусы в процессе передачи сведений с помощью внедрения технологий биометрической аутентификации личности нотариуса.

Библиографический список

1. **Черемных, Г. Г.** Нотариальное право Российской Федерации / Г. Г. Черемных, И. Г.Черемных. – М. : Эксмо, 2006. – 714 с.
2. **Таргабаева, Е. Б.** Нотариат в Российской Федерации / Е. Б Таргабаева. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. – 200 с.
3. **Ярков, В.** Нотариат в правовой системе России / В. Ярков // Нотариус. – 1997. – № 2. – С. 4–6.
4. **Румянцева, В. Г.** Институт нотариальной деятельности: понятие, сущность, содержание / В. Г. Румянцева, А. В. Тутинас // История государства и права. – 2009. – № 6. – С. 7–13.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – 11 марта. – № 10. – Ст. 357.
6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. – 2001. – 10 августа. – № 153–154.
7. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 16 февраля. – № 7. – Ст. 785.
8. **Иванов, А. И.** Многомерная нейросетевая обработка биометрических данных с программным воспроизведением эффектов квантовой суперпозиции : монография / А. И. Иванов. – Пенза : АО «ПНИЭИ», 2016. – 131 с.

References

1. Cheremnykh G. G., Cheremnykh I. G. *Notarial'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [The Notary Law of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2006, 714 p.
2. Targabaeva E. B. *Notariat v Rossiyskoy Federatsii* [The Notarial System of the Russian Federation]. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2001, 200 p.
3. Yarkov V. *Notarius* [Notary]. 1997, no. 2, pp. 4–6.
4. Rumyantseva V. G., Tutinas A. V. *Istoriya gosudarstva i prava* [The history of state and law]. 2009, no. 6, pp. 7–13.
5. *Vedomosti SND i VS RF* [Bulletin of CPD and SC of Russia]. 1993, 11 March, no. 10, art. 357.
6. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper]. 2001, 10 August, no. 153–154.
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1998, 16 February, no. 7, art. 785.
8. Ivanov A. I. *Mnogomernaya neyrosetevaya obrabotka biometricheskikh dannykh s programmnym vosproizvedeniem effektov kvantovoy superpozitsii: monografiya* [Multidimensional neural netweok processing of biometric data with software reproduction of quantum superposition effects: monograph]. Penza: AO «PNIEI», 2016, 131 p.

Тимошкина Олеся Альбертовна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правоохранительной деятельности, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pd.pgu@yandex.ru

Timoshkina Olesya Al'bertovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of law-enforcement, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 347.235
Тимошкина, О. А.
Передача заявлений и (или) иных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам путем внесения нотариусом подлежащих публикации сообщений в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности хозяйствующих субъектов как способ осуществления правореализационной функции нотариата / О. А. Тимошкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 80–89. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-9

УДК 340
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-10

Н. И. Сухова

О НЕДОСТАТОЧНОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОГО, СУБЪЕКТНОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Необходимость быстрого и адекватного регламентирования общественных отношений возможна только с помощью качественного и эффективно действующего закона, а также посредством принимаемых в строгом соответствии с ним иных правовых актов, совершаемых действий. Однако сам закон нуждается в комплексе обеспечивающих его действие условий и факторов. Какой этот комплекс и как его применять, зависит от понимания того, что отражает и каково содержание категории «действие закона». Поэтому основной целью данной работы выступает оценка распространенной трактовки действия закона во времени, пространстве и по кругу лиц с точки зрения имеющейся системы теоретических знаний о законе и с учетом проблем его реализации.

Материалы и методы. Достижение поставленных целей обеспечивалось применением совокупности инструментов научного познания, обеспечившей получение объективных результатов. Генеральным методом исследования стал диалектический, сопутствующими ему – сравнительно-правовой и формально-юридический. Эмпирическая база исследования представлена действующим законодательством и практикой его применения.

Результаты. В ходе исследования проанализировано распространенное понимание действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц, изучены имеющиеся в литературе мнения по указанному вопросу, проанализировано действующее законодательство и практика реализации Конституции РФ.

Выводы. Установлена недостаточность потенциала указанного выше понимания для решения задач теоретического содержания и для объяснения проблем практической реализации законов. Предложено рассматривать действие закона как процесс, состоящий из сменяющих друг друга стадий, обеспечиваемый комплексом средств различной природы.

Ключевые слова: закон, действие закона, эффективность законодательства, процесс действия закона, механизм действия закона.

N. I. Suhova

ON THE LACK OF TEMPORAL, SUBJECTIVE AND SPATIAL CRITERIA FOR DETERMINING THE OPERATION OF LAW

Abstract.

Background. The need for quick and adequate regulation of social relations can be achieved only through the use of a qualitative and effective law, as well as through other legal acts that are adopted in strict accordance with it, and actions taken. However, the law itself needs a set of conditions and factors that ensure its operation. What this set should be and how it should be applied depends on understanding of what the category “operation of law” reflects and what content it has. Therefore, the main purpose of this research is to evaluate the widespread interpretation of operation of law in time, space and in personal scope in terms of the existing

system of theoretical knowledge of law and taking into account the problems of its implementation.

Materials and methods. The set goals were achieved by using a complex of instruments of scientific knowledge, which could provide objective results. The main role in the research was assigned to the dialectical method accompanied by comparative-legal and formal-legal methods. Empirically the research was based on the current legislation and the practice of its application.

Results. The study analyzes the widespread understanding of the operation of law in time, in space and in personal scope. The article examines the opinions on the issue in the literature, the current legislation and the practice of implementing the Constitution of the Russian Federation.

Conclusions. The research has revealed a lack of the above-mentioned potential for solving tasks of theoretical meaning and for explaining the problems of practical implementation of laws. The author suggests to consider the operation of law as a process consisting of successive stages, provided by a complex of means of various nature.

Key words: law, operation of law, effectiveness of legislation, process of operation of law, mechanism of law.

Вопрос о действии закона для юридической науки считается скорее достаточно изученным, чем способным стать объектом сомнения, ведущим в конечном счете к появлению нового знания, вновь вызвать исследовательский интерес и привести к появлению иных оценок рассматриваемых проблем.

Обращение к теоретическим наработкам по указанной проблематике и их анализ позволяет сделать вывод о доминировании прикладных вопросов, таких как вступление в юридическую силу отдельных групп законов и отдельных их видов, неоднозначность начала правовой регламентации общественных отношений, ее продолжения действующим или вновь принятым актом, конкуренция актов высшей юридической силы при решении конкретных ситуаций и т.п. В итоге действие закона как научная и практическая задача формирует лишь фрагментарный, «попутный» интерес в исследовательских кругах.

Вместе с тем считаем, что в современных условиях проблема действия закона приобретает новые стороны, обусловленные усложнением общественных отношений и их правового регулирования, не попадающие в поле зрения предыдущих разработок теоретиков, а потому заслуживает пристального внимания по причинам теоретического и эмпирического характера.

В частности, среди последних развивающаяся теория индивидуального (частного) правового регулирования указывает на особенности действия закона в случаях, допускающих индивидуальное регламентирование осуществления прав и обязанностей участников правоотношений; теория экономического анализа права, ранее существовавшая в формуле «право и закон соответствуют экономическому базису и зависят от экономических отношений» доказывает вариативную детерминацию действия и эффективности закона.

В далеко не полный перечень остающихся без должного внимания вопросов можно включить вопросы о функциональных и генетических связях элементов механизма правового регулирования и закона; возможности разработки категории «механизм осуществления закона» как основной формы отечественного права; причин и средств нейтрализации действия закона и др.

Приведенное подтверждает актуальность проблем действия закона, ее сложность и неоднозначность, наличие в ней философского, психологического, идеологического, экономического, юридического аспектов, совместное изучение которых и даст максимально объективную картину действия закона.

Известно, что действие закона предполагает наличие средств претворения его требований в поведении субъектов социального общения, целей и способов воздействия права на общественные отношения. Поэтому процесс перевода закона из статического состояния в динамическое протекает циклически и обеспечивается комплексом инструментов различного характера [1, с. 17].

Однако такой взгляд на процесс действия закона не имеет своего должного продолжения в теоретическом плане и остается мало известным в практической сфере. Для теории и тем более для практики действие закона позиционируется чаще всего лишь с его временными пределами. В содержании самих законов вопрос об их действии решается указанием именно на временные [2] и субъектные характеристики [3].

Неопределенность временных рамок введения закона в действие, сложность процедур вступления закона в юридическую силу или ее утраты порождают неясность правовой регламентации общественных отношений, сбои в очередности применения существующих законодательных актов, их коллизионность, иные затруднения в практическом воплощении требований закона. Субъекты правоприменения, решая поставленные перед ним задачи, прежде всего проверяют действенность и действительность реализуемых ими правовых норм, их «актуальность». При этом первая сложность как раз и порождается ситуацией, когда одно общественное отношение регламентируется принятыми в разное время законами, непосредственно в которых не указано, с какого момента прекращает действовать один и начинает действовать другой. Выработанные теорией и практикой правила преодоления коллизий правовых норм также не упрощают ситуацию.

Кроме этого, понимание действия закона с позиций устоявшейся традиции определения его временных, пространственных границ и круга субъектов, которому адресован закон, не объясняет ряд других проблем, например, эффективности закона, прямого и опосредованного действия конституции, различных форм противодействия реализации закона и др.

Не останавливаясь подробно на существующих подходах к пониманию эффективности правовых явлений, отметим, что согласно распространенному формально-логическому подходу под эффективностью права и закона как основной формы его выражения понимается соотношение цели правового регулирования (цели нормы права или механизма правового регулирования) и фактически достигнутого результата. При этом на уровень эффективности рассматриваемого явления оказывает влияние комплекс факторов как внутреннего, так и внешнего свойства. Принимая традицию определения действия закона без должного внимания и критики, вряд ли можно ставить проблему его эффективности и рассуждать о ней, и вот почему.

Если действие закона – его способность влечь определенные юридические последствия в соответствии с нормативными предписаниями, выраженными в нем, как отмечается в научной литературе, то законодатель, определив, например, территориальные или временные границы его действия, создал условия и запустил процесс действия закона. Получается, что для того,

чтобы закон начал регулировать общественные отношения на должном уровне и эффективно проявлял свои регулятивные способности, влек те самые последствия, указанного вполне достаточно. В условиях определенного времени начала вступления закона в силу акт высшей силы начинает действовать, т.е. влечь те последствия, которые указаны в нем и на которые рассчитывал законодатель.

Однако в ходе правовой регламентации и установления правопорядка то и дело возникают проблемы «слабых», «недействующих», «неэффективных», «неисполнимых» законов, часто говорят о несовершенстве законодательства, ведущем, по большому счету, к отсутствию надлежащего правового регулирования. Законы всегда оцениваются на предмет их эффективности, когда они являются именно действующими. Так, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [4] в части регламентирования порядка привлечения к ответственности и реализации принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 1.5, оценивается как неработающий, недействующий. Однако КоАП РФ давно вступил в юридическую силу, а на практике имеют место проблемы его реализации, обусловленные не столько технико-юридическими изъянами, сколько нивелированностью решениями и толкованием высших судебных инстанций [5].

Кстати говоря, в дореволюционной юридической науке ситуацию, когда предписания закона фактически не исполнялись и не применялись, предлагалось, наряду с изданием отменяющего акта, рассматривать как один из способов внешней отмены – утраты законом силы под влиянием обычая [6, с. 100]. Отметим, что такой подход заслуживает внимания с точки зрения его оригинальности и значения в познавательном плане, но довольно опасен в условиях современной российской действительности, поскольку сулит оставить без большей части системы нормативных правовых актов. Кроме этого, он не соответствует правилу lex semper loqui praesumitur: закон существует, пока он не отменен верховной властью (хотя бы его никто и не исполнял).

Ряд аргументов о недостаточности темпорального, субъектного, пространственного аспектов понимания действия закона возникает в связи с практикой реализации положений Основного закона страны.

Все нормы современной Конституции РФ [7] являются действующими с точки зрения времени и пространства, но не все признаются эффективными, реализуемыми. Многие положения о правах и свободах человека и гражданина имеют проблемы реализации по причине отсутствия механизма, основными составляющими которого являются корреспондирующие правам обязанности контрагентов и блок обеспечительных средств, включая средства защиты. Нормы, предусматривающие юридические обязанности, как известно, являются первичными и элементарными условиями реализации управомочивающих предписаний, без них реализуемое право становится простым дозволением, использовать которое в юридическом смысле для достижения юридически значимой цели весьма проблематично.

Важной составляющей действия закона является наличие механизма правовой защиты, т.е. совокупность материальных и процессуальных средств, обеспечивающих предотвращение нарушения права (прав) или его (их) восстановление, когда нарушение имело место. Отсутствие надлежащих средств,

способов и процедур защиты нарушенных прав ведет к невозможности реализации нормативных предписаний закона и оценки их как действующих.

Еще одним камнем преткновения понимания действия закона становится принцип прямого действия Конституции. Знание содержания рассматриваемых параметров действия закона позволяет сделать вывод о том, что Конституция определяет основные принципы государственного и общественного устройства, является непосредственным регулятором всех общественных отношений, распространяется на неограниченный круг субъектов, вступающих в них, способствует установлению законности и правопорядка. Такое заключение и верно, поскольку она есть разновидность закона, содержит нормы права и согласно ст. 15 самой Конституции имеет прямое действие и верховенство и ложно одновременно. О последнем подробнее.

Утверждение ложности представления о прямом действии Конституции, конечно же, формируется на теоретическом уровне на основе анализа положений ее самой и практики ее применения. На практическом уровне сомнения в безоговорочном прямом действии Конституции вряд ли существуют: правоприменитель знает принцип прямого действия Основного закона, часто мотивирует свои решения ссылкой на Конституцию, но резолютивная часть все же основана на специальном законе, регламентирующем конкретный тип отношений. Хотя на уровне обобщения судебной практики высшими судебными инстанциями прямое действие Конституции подвергалось оценке и объяснению, содержание которых свидетельствует скорее о ложности прямого действия Конституции.

Прямое действие Конституции не получило легального определения ни как принцип, ни как процесс, а потому этот вопрос остается достаточно дискуссионным. Согласно сложившимся в литературе представлениям оно понимается либо как информативное воздействие ее положений на сознание субъектов [8, с. 3], либо как юридическое свойство, выражающееся в способности указанного закона быть регулятором общественных отношений, когда непосредственно на основе ее предписаний разрешаются все дела в судах, органах законодательной и исполнительной власти; указывается на две формы прямого действия – непосредственную и опосредованную [9, с. 5] (что, на наш взгляд, не исключает тавтологичности). Весьма оригинальное объяснение прямого действия Конституции представил С. А. Авакьян, по мнению которого в нем просматривается три аспекта: а) прямое действие состоит в оценке общего влияния Конституции на политическую, экономическую, социальную структуры жизни общества и государства. В этом случае воздействие направлено преимущественно на законодателя, который не должен принимать законы, сужающие установленные Конституцией сферы правового регулирования; б) прямое действие положений Конституции выступает в качестве основы определенных видов общественных отношений; в) прямое действие связано с толкованием конституционно-правовых норм, отражающим связь с «духом и смыслом Конституции» [10, с. 233, 234].

Практически все исследователи современной Конституции при исследовании вопросов действия прибегают к рассмотрению ее способности быть непосредственным регулятором общественных отношений. Однако анализ исследований содержания Конституции и техники его оформления, а также практики реализации конституционных норм показывает, что эта способ-

ность осложняется несколькими моментами, не позволяющими говорить о ее «чистом» прямом действии:

– обусловленностью применения положений Конституции РФ, по крайней мере, не менее чем в 70 случаях принятием конкретизирующего нормативного правового акта, что заведомо делает невозможным реализацию принципа прямого действия [11, с. 16]. Кстати говоря, Верховный Суд РФ прямо указал, что в случаях, когда статья Конституции РФ является отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения [12];

– абстрактностью и неопределенностью содержания конституционных положений (например, декларативные положения о правовом государстве, гражданском обществе и др. на практике трудно реализуемы);

– необходимостью адаптации ее положений к современным условиям, что невозможно без ее легального толкования;

– наконец, ограничением прямого действия Конституции в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, который указал, что *непосредственно* Конституция РФ применяется: а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; б) когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны [12]. Как бы это ни выглядело странно, но ненормативный акт, даже не органа, управомоченного комментировать текст Конституции, ограничивает реализацию принципа ее прямого действия, установленного ею самой, и случаи непосредственного применения ее норм.

Рассуждения о специфике действий и реализации Основного закона страны позволяют показать, что он, будучи действующим (во времени, в пространстве, по кругу лиц), не может оказывать непосредственное регулятивное воздействие вне связи с другими отраслевыми, конкретизирующими нормативными правовыми актами, которые обеспечивают реализацию конституционных положений [10, с. 234]. А это еще раз подтверждает утверждение о недостаточности временной, пространственной и субъектной характеристики для представления реальной картины действия закона.

Действие закона разворачивается во времени и в конкретных условиях исторического и общественного развития, а потому детерминируется множеством факторов объективного и субъективного характера. Прав Ю. А. Тихомиров, указывающий на комплекс средств, участвующих в осуществлении закона, помня и беря во внимание которые и можно познать этот сложный процесс [1, с. 19].

Полагаем, что действие закона – действительно процесс, разворачивающийся во времени и состоящий из объединения нескольких крупных этапов, в рамках которых субъектами юридической деятельности совершается определенный набор действий, подчиненных одной или нескольким проме-

жуточным целям, обеспечивающих развертывание абстрактной формулы общественных отношений в конкретных их видах, конечным результатом которого выступает упорядоченность общественных отношений, выраженная в высоком уровне законности и правопорядка.

Рассмотрение действия закона как процесса позволяет максимально учесть все стороны этого сложного явления и представить не только момент приобретения им юридической силы, но и динамику превращения его в реальный инструмент правового регламентирования. При этом вступление закона в юридическую силу – первый этап процесса его действия, без которого невозможно представить дальнейшее функционирование. Основное содержание этого этапа связано с совершением действий, направленных на установление пределов его действия, где время, пространство и социальные субъекты есть не что иное, как средства их определения.

Библиографический список

1. **Тихомиров, Ю. А.** Действие закона / Ю. А. Тихомиров. – М. : Известия, 1992. – 162 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; 2017. – № 1 (ч. I). – Ст. 32.
3. Об использовании государственных ценных бумаг Российской Федерации для повышения капитализации банков : Федер. закон от 18.07.2009 № 181-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3618 ; 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7543.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.03.2016).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еременко Анатолия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 1.5 и примечанием к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 64-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. **Пахман, С. В.** Гражданское право: общая часть. Лекции / С. В. Пахман. – СПб., 1868.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
8. **Кравец, И. А.** Проблемы реализации принципа прямого действия Конституции / И. А. Кравец // Российский юридический журнал. – 2001. – № 3. – С. 3–11.
9. **Эбзеев, Б. С.** Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 5–15.
10. **Авакьян, С. А.** Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М. : РЮИД : Сашко, 2000. – 528 с.
11. **Тихомиров, Ю. А.** Конституция. Закон. Подзаконный акт / Ю. А. Тихомиров. – М. : Юридическая литература, 1994. – 135 с.
12. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

References

1. Tikhomirov Yu. A. *Deystvie zakona* [Operation of law]. Moscow: Izvestiya, 1992, 162 p.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 25, art. 2954; 2017, no. 1 (part I), art. 32.
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2009, no. 29, art. 3618; 2014, no. 52 (part I), art. 7543.
4. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 09.03.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.03.2016)* [The Code of Administrative Violations of the Russian Federation from 30.12.2001 № 195-FZ (revised on 09.03.2016) (with alterations and supplements effective from 20.03.2016)]. RRS "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru (accessed March 22, 2016).
5. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Eremenko Anatoliya Evgen'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu 3 stat'i 1.5 i primechaniem k stat'e 1.5 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25 yanvarya 2012 g. № 64-O-O* [On denial of taking cognizance the complaint submitted by Eremenko Anatoliy Evgenyevich regarding violation of his constitutional rights by part 3 article 1.5 and annotation to article 1.5 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation: a decision of the Constitutional Court of Russia from 25th January 2012 № 64-O-O]. RRS "ConsultantPlus".
6. Pakhman S. V. *Grazhdanskoe pravo: obshchaya chast'. Lektsii* [Civil law: general provisions. Lectures]. Saint-Petersburg, 1868.
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, no. 31, art. 4398.
8. Kravets I. A. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian juridical journal]. 2001, no. 3, pp. 3–11.
9. Ebzeev B. S. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2008, no. 7, pp. 5–15.
10. Avak'yan S. A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: nature, evolution, present times]. Moscow: RYuID: Sashko, 2000, 528 p.
11. Tikhomirov Yu. A. *Konstitutsiya. Zakon. Podzakonnyy akt* [Constitution. Law. Subordinate act]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1994, 135 p.
12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of Russia]. 1996, no. 1.

Сухова Надежда Ивановна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия (Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104)

Suhova Nadezhda Ivanovna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of theory of state and law, Saratov State Law Academy (104 Chernyshevskogo street, Saratov, Russia)

E-mail: sukhova777@yandex.ru

УДК 340

Сухова, Н. И.

О недостаточности темпорального, субъектного и пространственного критериев определения действия закона / Н. И. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 90–97. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-10

УДК 316.733
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-11

Л. В. Климович, Л. Ю. Лукичева

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ, ЭМИГРИРОВАВШИХ ЗА РУБЕЖ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА)[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Современное образование призвано помочь молодым людям определиться не только с выбором профессии, но и с жизненными планами. Образование на сегодняшний момент способствует формированию у современной молодежи особой социокультурной идентичности. Создание высшей школой условий социальной мобильности актуализирует проблему сохранения эмигрантами своей этнокультурной идентичности и позитивного отношения к российскому государству. С целью изучения проблемы сохранения этнической и культурной идентичности был проведен анализ социокультурной идентичности современной российской молодежи за рубежом (по результатам социологического исследования в рамках гранта РФФИ № 15-33-01044-а1).

Материалы и методы. На базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в первом квартале 2016 г. было проведено социологическое исследование «Социокультурная идентичность современной русскоязычной молодежи за рубежом». В интернет-опросе приняли участие выпускники российских вузов, эмигрировавшие в 2001–2015 гг. из России в возрасте от 18 до 35 лет в количестве 106 человек.

Результаты. Современный молодой человек-эмигрант высокообразован, имеет опыт пребывания за границей, владеет иностранным языком на достаточно высоком уровне. Также эмигранты характеризуются низким уровнем религиозности, что непосредственно влияет на желание сохранять свою культурную идентичность за рубежом. Молодые люди осознают себя русскими (россиянами), но не готовы к действиям, направленным на поддержание своей культурной и этнической идентичности, сохранению коллективных образцов поведения и традиций. Востребованность общественных организаций, призванных поддержать соотечественников за рубежом, низкая. При этом данные организации помощи, клубы по интересам могли бы выступить механизмом сохранения культурной и этнической идентичности.

Выводы. Исследование современного состояния культурной и этнокультурной идентичности молодых русскоязычных эмигрантов показало, что большинство поддерживает культурную идентичность страны исхода. При этом сохранение культурной идентичности происходит на индивидуальном, а не коллективном уровне, что подтверждается низкой потребностью и значимостью общественных и диаспоральных организаций соотечественников.

Ключевые слова: идентичность, социокультурная идентичность, молодежь, миграция, эмигрант.

---

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-33-01044-а1.

L. V. Klimovich, L. Yu. Lukicheva

FEATURES OF SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF MODERN GRADUATES FROM RUSSIAN UNIVERSITIES WHO EMIGRATED ABROAD (BASED ON MATERIALS OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY)

Abstract.

Background. Modern education is designed to help young people decide not only with the choice of profession, but also with life plans, self-determination. Education at the moment contributes to the formation of today's youth in particular socio-cultural identity. Creating a higher education social mobility conditions actualizes the problem of preservation of their ethnic and cultural identity of immigrants and a positive attitude to the Russian state. In order to study the problem of preserving ethnic and cultural identity with the support of the Russian Humanitarian Scientific Fund the sub-department of philosophy, sociology and political science of Ulyanovsk State University carried out a sociological study named "Social and cultural identity of modern Russian youth abroad".

Materials and methods. On the basis of the sub-department of philosophy, sociology and political science at Ulyanovsk State University with the support of the Russian Humanitarian Scientific Fund we conducted a sociological study "Socio-cultural identity of the modern Russian-speaking youth abroad" in the first quarter of 2016. The online survey involved 106 graduates of Russian universities, who emigrated in the years 2001–2015 from Russia at the age of 18 to 35.

Results. A modern young man-emigrant is highly educated, has the experience of being abroad, speaks a foreign language fluently. Also, immigrants are characterized by a low level of religiosity, which directly affects the desire to preserve their cultural identity abroad. Young people recognize themselves as Russian (the Russians), but are not ready to take action aimed at the maintenance of their cultural and ethnic identity, preservation of collective patterns of behavior and traditions. The demand for non-governmental organizations aimed at supporting compatriots abroad is low. At the same time, these organizations of assistance, interest clubs could become mechanism for cultural and ethnic identity preservation.

Conclusions. A study of the current state of cultural and ethnic identity of young Russian-speaking immigrants showed that the majority supports the cultural identity of the country of origin. The preservation of cultural identity happens at the individual and collective level, as evidenced by low need and importance of public and diaspora organizations of compatriots. Public and diaspora organizations do not perform the function of broadcasting of the continuity.

Key words: identity, socio-cultural identity, youth, migration, immigrant.

Введение

Молодое поколение сегодня – это стратегический пласт нашей страны. От его грамотного использования зависит процветание всей нации. На сегодняшний момент образование призвано помочь молодым людям не только получить профессию. Оно способствует формированию у современной молодежи особой социокультурной идентичности.

Создание высшей школой условий социальной мобильности актуализирует проблему сохранения эмигрантами своей этнокультурной идентичности и позитивного отношения к российскому государству.

Говоря об идентичности, следует учитывать ее многогранный характер. В своей статье мы будем придерживаться подхода В. А. Ядова, который определяет идентичность как «чувство принадлежности к социальной общности, обеспечивающее подчинение индивида социальной группе, а также групповую защиту, критерий оценки и самооценки» [1, с. 159.] Таким образом, социокультурная идентичность включает в себя другие виды идентичностей: культурную, этническую, гражданскую и др.

Существует несколько подходов к определению этнической идентичности. В рамках первого подхода – примордиализма – этничность выступает как исходная характеристика, которой обладает член реальной этнической группы. Эта характеристика основывается на общности происхождения, территории и кровном родстве. В примордиализме выделяются два направления: социобиологическое, в рамках которого этничность рассматривается как явление, определяемое генетическими и географическими факторами, т.е. формируется «расширенная родственная группа»; эволюционно-историческое направление трактует этнос как историческую человеческую общность, объединенную территорией, языком и культурой.

Второй подход – инструментализм. Здесь этничность выступает в качестве средства управления общественными массами. Она призвана обеспечивать социальный контроль элиты над общественными массами. Этого подхода придерживаются отечественные социологи (Л. М. Дробижева, В. А. Ядов, М. Н. Губогло) [1–3].

Третий подход – конструктивистский, в центр понятия об этничности ставится представление об общности территории, культуры. Этнические чувства и представления являются интеллектуальным конструктом политиков, ученых и писателей. Этнос является социальным конструктом, но при этом ученые признают его реальностью особого рода, которая способна предопределять поступки и мобилизировать действия людей. К конструктивизму в зарубежной литературе можно отнести работы П. Бурдье, Ф. Барта, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, Э. Геллнера [4–8]. В своем исследовании при анализе проблемы сохранения культурной и этнической идентичности мы будем придерживаться конструктивистского подхода.

Проблема идентичности молодежи всегда была в центре внимания, вопросу идентификации студентов посвящено исследование Л. В. Рожковой, проведенное в 2009 г. среди студентов выпускных курсов Пензенского государственного университета [9]. Изучение религиозной идентичности молодежи стало предметом исследования Т. А. Сыпачевой на материалах Пермского края [10].

Вопрос национальной идентичности и проблему сохранения «русскости» затрагивает в своем прикладном исследовании В. А. Базанов, особо он отмечает сложности с идентификацией в среде «русских немцев»: «прибывая в Германию, чтобы жить как “немцы среди немцев”… но реакция принимающего населения заставляет их жить “как русские среди немцев”, называя “не ту” этничность… так, с одной стороны, образуются объединения “русских немцев”, которые позиционируют себя как часть немецкой культуры. С другой стороны, определенную роль начинает играть и отношение к языку и собственной культуре как к ресурсу» [11, с. 87].

Материал и методика

С целью изучения проблемы сохранения этнической и культурной идентичности при поддержке Российского гуманитарного научного фонда на базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета в первом квартале 2016 г. было проведено социологическое исследование «Социокультурная идентичность современной русскоязычной молодежи за рубежом». В интернет-опросе приняли участие респонденты, получившие высшее образование в России в 2001–2015-е гг. и эмигрировавшие за рубеж в количестве 106 человек. Было опрошено 74 % женщин и 26 % мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Одной из задач исследования являлось составление коллективного портрета молодого человека, покинувшего Россию после получения высшего образования. В выборке акцент был сделан на выпускников Ульяновского региона (49 % опрошенных респондентов).

Результаты

Составим социально-демографический портрет молодого эмигранта.

Несмотря на распространенное мнение, что специалисты технических специальностей (в частности программисты) востребованы и могут быстрее трудоустроиться за рубежом, 21 % опрошенных получили гуманитарное образование, 16 % – образование экономического профиля, лингвистами являются 14 %, специалистами информационного и технического профиля – по 7 %. Среди девушек лидируют специалисты гуманитарного и лингвистического профиля, среди юношей больше получивших образование экономического или технического направления.

Как мы видим, процент технических специальностей достаточно низок, преобладают «гуманитарии». Можно предположить, что они, еще обучаясь в вузе в России, планировали продолжить обучение за рубежом. Такая причина переезда была названа 19 % опрошенными. Основные причины переезда представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Назовите причины, побудившие Вас покинуть страну и поселиться заграницей», %

Варианты ответа	%
Поиск лучшей жизни	32
Получение образования, неудовлетворенность качеством полученного в России образования	19
Материальные причины	14
Замужество, переезд супруга, родителей	9
Забота о будущем детей	8
Социальная незащищенность	6
Неприятие новой политической системы	4
Иное	9

Современный молодой человек-эмигрант – это высокообразованный человек с опытом пребывания за границей. Большинство опрошенных имеют степень специалиста (67 %) и бакалавра (21 %), магистерскую степень имеет лишь 4 % респондента. Это связано с тем, что основной поток эмигрантов зафиксирован в данном исследовании после 2010 г., т.е. с момента первого выпуска студентов по новой двухуровневой системе образования в регионе.

Эмиграция для любой страны, как и для региона, является неблагоприятным показателем. В основном молодежь эмигрируют в возрасте до 27 лет. По данным социологического исследования, в возрасте 20–22 лет уехало 45 % респондентов (сразу после окончания вуза), еще 40 % опрошенных выехали в последующие четыре года – в 23–27 лет. Современный молодой человек-эмигрант был за границей до этого переезда, так ответили 87 %. Это, естественно, является положительным моментом при последующем переезде, так как человек знаком с культурой и социальной средой страны эмиграции. Основываясь на результатах, можно разделить эмигрантов на тех, кто решение об отъезде принял еще во время обучения в университете, целенаправленно готовился к этому, и тех, кто решился на этот шаг, уже проработав в России.

На настоящий момент выпускники-эмигранты работают за границей. 60 % опрошенных имеют постоянную и временную работу, 31 % опрошенных продолжают обучение за границей, из них 18 % сами себя обеспечивают в материальном плане, только 9 % респондентов являются безработными. Высокий процент тех, кто еще учится, связан с тем, что многие получают за рубежом магистерскую степень после окончания вуза в России. Около 50 % респондентов считают свой сегодняшний уровень дохода достаточным для того, чтобы приобретать вещи длительного пользования. Проблемы с покупкой вещей длительного пользования испытывают 36 % опрошенных, однако денег на продукты и одежду им хватает. В основном это студенты, которые имеют частичную занятость (на должностях студенческих ассистентов) и частично живут на попечении родителей. Высокий процент удовлетворенности своим материальным положением у респондентов, возможно, связан с тем фактом, что большинство эмигрировало сразу после окончания университета, когда их материальное положение было нестабильное.

Одним из показателей адаптированности эмигранта выступает уровень владения языком той страны, в которой он проживает: хороший и отличный уровень владения языком отмечается у 90 % опрошенных, что позволяет им не чувствовать себя ущемленным по языковому признаку. Также важна культурно-религиозная составляющая идентичности эмигранта при переезде. Низкий уровень религиозности молодого поколения влияет на желание сохранять свою культурную идентичность за рубежом. 40 % респондентов ответили, что не исповедуют никакой религии. К православным себя причисляют 37 %, к мусульманам 1 %, другие религии исповедуют 14 %. При этом ни один из отвечавших небезразличен к религии, 36 % эмигрантов назвали себя атеистами, 30 % респондентов допускают существование высших сил (табл. 2).

Социальное самочувствие выпускников-эмигрантов находится на достаточно высоком положительном уровне. Респонденты не спешат создавать семью и заводить детей: 59 % опрошенных находятся в свободном поиске,

37 % эмигрантов имеют семью. Дети есть только у 22 % опрошенных. Чаще межнациональные браки встречаются среди девушек-эмигрантов, парни предпочитают выбирать супругу своей национальности.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень своей религиозности?», %

Варианты ответов	%
Я убежденный атеист	36
Безразличен к религии	0
Допускаю существование высших сил	30
Я верующий человек	13
Я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии	6
Затрудняюсь ответить	15

Роль общественных объединений в поддержке русскоязычной диаспоры

Современные эмигранты считают, что общественные организации необходимы соотечественникам (55 %), но при этом обращались в них только 26 % респондентов. Это связано с тем, что такие организации носят формальный характер деятельности (23 %), а реальную адаптационную помощь в них увидело только 20 % опрошенных.

Низкая потребность в организациях соотечественников за рубежом объясняется непосредственным опытом эмигрантов в поиске соотечественников. Только 68 % респондентов пытались самостоятельно искать своих «земляков». Мотивами поиска стали дружеские отношения, совместное проведение досуга, поиск старых знакомых, помощь в оформлении документов и аренда жилья. Поиск они осуществляли самостоятельно через социальные сети (72 %), знакомых (25 %), ни один не обращался для этого в организации соотечественников.

Востребованность общественных организаций, призванных поддержать соотечественников за рубежом, низкая. При этом данные организации помощи, клубы по интересам могли бы выступить механизмом сохранения культурной и этнической идентичности.

Взаимоотношения с соотечественниками как форма трансляции традиций культуры и сохранения языка

Эмигранты, проживая в другой социокультурной среде, проводят время не только с иностранцами (44 % опрошенных), но и с русскоязычными людьми и иностранцами, знающими русский язык (30 % опрошенных). Это достаточно высокий показатель с учетом того, что это требует приложения определенных усилий по поиску русскоговорящих людей, хотя молодые эмигранты не обладают высокой степенью потребности в поддержке своих соотечественников, что показывает низкая востребованность общественных организаций.

На эмоциональном уровне респонденты осознают потребность в поддержке, результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что русские (россияне) должны поддерживать друг друга за рубежом, создавать клубы по интересам?», %

Варианты ответа	%
Русские (россияне) должны держаться вместе и постоянно помогать друг другу	16
Русские (россияне) должны поддерживать друг друга время от времени	32
Русские (россияне) должны помогать друг другу только в экстренных ситуациях	3
Необходимо поддерживать только друзей-соотечественников	19
Каждый сам за себя	17
Затрудняюсь ответить	13

Эмоциональная потребность не становится стимулом к действию, 53 % опрошенных не готовы стать инициатором создания клубов по интересам для русскоговорящих соотечественников за рубежом (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы сами создать сообщество, клуб по интересам для русскоговорящих соотечественников за рубежом?», %

Варианты ответов	%
Да, это было бы интересно	9
Возможно, все зависит от обстоятельств	22
Нет, меня не интересует деятельность такого рода	53
Другое	17
Затрудняюсь ответить	0

О существовании русскоговорящей диаспоры за рубежом знают 53 % опрошенных, 22 % респондентов иногда посещают ее мероприятия. Однако 74 % эмигрантов никогда там не были. Интересно соотношение с восприятием значимости и необходимости существования диаспоры: «за» высказалось 63 % респондентов, и только 18 % опрошенных против. Ответы на эти два вопроса демонстрируют, что происходит разрыв между когнитивным и эмоциональным составляющими идентичности и ее деятельностным компонентом. Молодые люди осознают себя русскими (россиянами), но не готовы к действиям, направленным на поддержание своей культурной и этнической идентичности, сохранению коллективных образцов поведения и традиций.

Диаспора, с точки зрения респондентов, должна оказывать моральную поддержку и помогать в период адаптации (14 %), содействовать обмену информацией среди соотечественников (10 %). Диаспору как механизм решения реальных вопросов (юридическая помощь, трудоустройство, поиск жилья)

видят только 13 % эмигрантов. Полученные данные подтверждают отсутствие в диаспоре механизма реальной помощи для отдельного индивида, приехавшего в чужую страну.

Выводы

Исследование современного состояния культурной и этнокультурной идентичности молодых русскоязычных эмигрантов показало, что большинство поддерживает культурную идентичность страны исхода. При этом сохранение культурной идентичности происходит на индивидуальном, а не коллективном уровне, что подтверждается низкой потребностью и значимостью общественных и диаспоральных организаций соотечественников. Социально-демографический портрет эмигранта представляет собой высокообразованного молодого человека, имеющего определенные амбиции, не боящегося трудностей.

Исследование показало, что в современных условиях глобализации при изучении идентичности русскоязычной диаспоры за рубежом следует обращать внимание на такие вопросы, как: какими способами эмигранты достигают соответствия с их новой культурной средой, насколько они готовы приобрести новую культурную идентичность или сохранить старую?

Библиографический список

1. **Ядов, В. А.** Социальные и социопсихологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.
2. **Дробижева, Л. М.** Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – Вып. 7. – С. 214–228.
3. **Губогло, М. Н.** Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М. : Наука, 2003. – 764 с.
4. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. – М. : Новое изд-во, 2006. – 198 с.
5. **Бурдье, П.** Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдье // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 45–61.
6. **Hobsbawm, E.** Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity / E. Hobsbawm // Living as Equals / ed. by P. Barker. – Oxford : Oxford UP, 1997. – P. 85–98.
7. **Андерсон, Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с.
8. **Геллнер, Э.** Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм : пер. с англ. – М. : Праксис, 2002. – С. 146–200.
9. **Рожкова, Л. В.** Идентичность современной студенческой молодежи / Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2 (14). – С. 55–63.
10. **Сыпачева, Т. А.** Специфика религиозной идентичности студенческой молодежи / Т. А. Сыпачева // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3, Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 125–133.

11. **Базанов, В. А.** Языковые навыки переселенцев с территории России (СССР) в Германию / В. А. Базанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 84–94.

References

1. Yadov V. A. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 1995, no. 3–4, pp. 158–181.
2. Drobizheva L. M. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [A reforming Russia: yearbook]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008, iss. 7, pp. 214–228.
3. Guboglo M. N. *Identifikatsiya identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Personal identity. Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003, 764 p.
4. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic groups and social borders: social organization of cultural differences]. Ed. by F. Barta; transl. from English by I. Pil'shchikov. Moscow: Novoe izd-vo, 2006, 198 p.
5. Burd'e P. *Ab Imperio*. 2002, no. 2, pp. 45–61.
6. Hobsbawm E. *Living as Equals.* Ed. by P. Barker. Oxford: Oxford UP, 1997, pp. 85–98.
7. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origin and dissemination of nationalism]; transl. from English by V. Nikolaev. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole, 2001, 288 p.
8. Gellner E. *Natsii i natsionalizm: per. s angl.* [Nations and nationalism: translation from English]. Moscow: Praksis, 2002, pp. 146–200.
9. Rozhkova L. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 2 (14), pp. 55–63.
10. Sypacheva T. A. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of Perm State University of Pedagogical Sciences and Humanities. Series 3, Humanities and social sciences]. 2013, no. 2, pp. 125–133.
11. Bazanov V. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 4 (28), pp. 84–94.

Климович Людмила Валерьевна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Россия, г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4)

E-mail: lusek84@yandex.ru

Klimovich Liudmila Valeryevna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (4 100-letia so dnya rozhdeniya V. I. Lenina square, Ulyanovsk, Russia)

Лукичева Любовь Юрьевна
младший научный сотрудник, отдел исследования современных проблем, Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина (Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 13/91А)

E-mail: lubonika@mail.ru

Lukicheva Lyubov' Yur'evna
Researhc assistant, department of modern problems, Research Institute of History and Culture of Ulyanovsk region named after N. M. Karamzin (13/91A Goncharova street, Ulyanovsk, Russia)

УДК 316.733
Климович, Л. В.
Специфика социокультурной идентичности современных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж (по материалам Ульяновского региона) / Л. В. Климович, Л. Ю. Лукичева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 98–107. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-11

УДК 316
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-12

А. Н. Осянин

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПАТРИОТИЗМ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Актуальность и цели. Целью данной статьи является рассмотрение структуры мнений и представлений исследователей о патриотизме, теоретическом наполнении данного понятия, а также методологических подходах, используемых при его изучении. Патриотизм как один из элементов национального самосознания является многоаспектным и многоплановым явлением, которое сочетает в себе различные компоненты и противоречия, что затрудняет анализ данного явления социальной жизни. Актуальным представляется комплексный анализ, который позволит охарактеризовать патриотизм, формируемый на властно-государственном уровне и на уровне индивидуальных практик населения.

Материалы и методы. Основные положения данной статьи основаны на результатах работ отечественных и западноевропейских ученых: Л. Д. Гудкова, В. А. Ядова, П. Решетникова, Н. Баханова, Н. П. Смолина, М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, Ю. Г. Волкова, Н. И. Лапина, Н. Е. Тихоновой, Л. М. Дробижевой, Ж. Т. Тощенко, И. Г. Ясавеева, Л. Болтански и Л. Тевено и других. Статья представляет собой рассмотрение теоретических направлений изучения патриотизма с целью выявления актуальных методов его изучения, а также смыслового наполнения.

Результаты и выводы. Рассмотрена особенность конструирования патриотизма на властно-государственном уровне, а также на уровне индивидуальных практик населения. Выделены основные теоретические направления отечественной и западноевропейской социологической мысли, в которых раскрывается смысловое наполнение понятия патриотизма. Сформулирован вывод о том, что при изучении указанных аспектов целесообразно использовать прагматический метод, метод конструирования социальных проблем, социологию «градов», концепцию «усталости сострадать».

Ключевые слова: патриотизм, национальное самосознание, центральные СМИ, пассивный патриотизм, индивидуальные практики россиян, советский патриотизм, государственно-державнический патриотизм, исследовательское поле патриотизма.

A. N. Osyanin

SEMANTIC CONTENT OF THE NOTION OF “PATRIOTISM”: THEORETICAL ASPECTS

Abstract.

Background. The purpose of this article is to examine the structure of opinions and views of researchers about patriotism, theoretical filling of this concept, as well as the methodological approaches used in his study. As an element of national identity, patriotism is a multifaceted and multidimensional phenomenon that combines a variety of components and contradictions, which complicates the analysis of the phenomenon in social life. It seems to be topical to analyze patriotism formed at the state-authority level and at the level of individual practices of population.

Materials and methods. The main provisions of this article are based on results obtained by Russian and West European scientists: L. D. Gudkov, V. A. Yadov, P. Reshetnikov, N. Bahanova, N. P. Smolin, M. K. Gorshkov, Yu. A. Zubok, Y. G. Volkov, N. I. Lapin, N. E. Tikhonova, L. M. Drobizheva, Z. T. Toshchenko, I. G. Yasaveeva, L. Boltanski and L. Thevenot and others. The article is a review of the theoretical field of the study of patriotism for the purpose of identifying the actual methods of its study and semantic content.

Results and conclusions. The article considers the features of patriotism building at the state-authority level and at the level of individual practices of population; describes the basic theoretical directions of the Russian and West European sociological thought, which reveals the semantic content of the concept of patriotism; and concludes that for the study of these aspects is advisable to use the pragmatic method, the method of social problems construction, the sociology of worlds, the concept of "compassion fatigue".

Key words: patriotism, national consciousness, national media, passive patriotism, individual practices of Russians, Soviet patriotism, public-sovereign patriotism, research field of patriotism.

Патриотизм представляет собой базовую характеристику национального сознания. В содержательном смысле патриотизм можно определить как духовно-нравственный принцип, который включает в себя сложный комплекс чувств, эмоций, верований, традиций, стереотипов массового сознания, коллективные установки и действия [1, с. 143].

Современные исследователи патриотизма фиксируют противоречивость феномена патриотизма, а также сложность в процессе его операционализации. Две трети граждан страны (64 %) отождествляют патриотизм с любовью к Родине, но готовность к активным действиям во имя ее процветания и во благо проживающего там народа высказала только треть россиян (30 %) [2].

Это указывает на то, что существует противоречие между декларацией о намерениях и реальными социальными практиками. Но сами граждане уверены в том, что каждый должен сам для себя определять, что значит быть патриотом [2].

Таким образом, с одной стороны, ответы граждан синхронизированы с нормативной моделью, которая предлагается в рамках системы государственного воспитания в качестве общепринятой и легитимной. Это позволяет формировать достаточно высокий кредит доверия к реализуемым государством программам патриотического воспитания. В частности, половина россиян уверена в необходимости реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В качестве причин такой необходимости отмечаются «внешние и внутренние угрозы», требующие от государства воспитания «патриотов, готовых защищать интересы страны» [2]. Эксперты Левада-Центра делают вывод о том, что одним из факторов, стимулирующих патриотизм, выступает создание образа врага: две трети граждан поддерживают закон об «иностранных агентах», выступают за ограничение въезда мигрантов, треть обвиняют представителей мигрантского сообщества в проблемах страны [3, с. 45, 46].

С другой стороны, менее десятой части россиян гордятся достижениями в социальной сфере (5,2 %), в экономической сфере (5,4 %). Соотечественники вызывают чувство гордости только у 7,9 % граждан России [2].

Указанные данные свидетельствуют о том, что наиболее успешно был сформирован эмоционально-оценочный элемент государственной идентичности, однако только эмоциями трудно сформировать конструктивный патриотизм, гражданское общество и реальную поддержку государства [3, с. 49].

В процессе формирования патриотической самоидентификации граждан необходимо учитывать, что на первый план у рядовых россиян выходят рациональные и витальные аспекты жизни: улучшение материального и социального положения, запрос на стабильность и уверенность в будущем и др. Проводимые исследования свидетельствуют о том, что воспитание государственного патриотизма происходит без учета истинного положения дел в этой области и индивидуальных практик россиян, которые оказывают определяющее влияние на их наличное существование и мировоззренческие установки. В качестве индикаторов успешности реализуемых проектов властными структурами выступают количественные показатели в форме проведенных мероприятий, потраченных средств на их реализацию, наклеенных баннеров, проведенных конференций и социологических опросов и т.д.

Поэтому в деле конструирования и реализации государственной политики в области формирования патриотизма необходимо отталкиваться от частных категорий и личностного компонента, учитывать требования прагматического характера, а не затушевывать их в угоду статистическим категориям и государственно признанным показателям, так как с формальной точки зрения три четверти граждан страны позиционируют в качестве патриотов (78 %) и гордятся фактом проживания в своей стране (83 %). При этом идею активного, деятельностного патриотизма разделяют менее трети граждан страны. Таки образом, патриотизм представляет собой инструмент поддержания национальной идентичности, но непродуманное манипулирование патриотическими чувствами может привести к росту национализма и ксенофобии [2].

Теоретическое содержание понятия патриотизм. В настоящее время в исследовательском поле предлагается три основных направления, которые рассматривают феномен патриотизма. Первое (Л. Д. Гудков, В. А. Ядов) подчеркивает державнический, государственный характер патриотизма, который выступает анахронизмом и является средством воздействия на массовое создание с целью поддержания кредита доверия существующей политической системе [4, 5].

Второе рассматривает патриотизм как идеологию возрождения России (Л. П. Решетников, А. Н. Боханов, Н. П. Смолин, О. Б. Неменский) [6].

В данном научном направлении российский патриотизм выступает в качестве альтернативы глобалистским тенденциям, которые нивелируют его значение как консолидирующей национальной идеи. С другой стороны, исследователи делают акцент на существующих традициях российской государственности, консолидирующей роли патриотизма, роли российского народа. Государство, с точки зрения авторов подхода, играет ведущую роль в деле формирования патриотизма и контролирует образно-символическое и образно-смысловое пространство. Таким образом, индивидуальные патриотические практики и стратегии граждан отходят на второй план и выступают в качестве объекта воздействия.

Третье направление (М. К. Горшков, Ю. А. Зубок, Ю. Г. Волков, Н. И. Лапин, Н. Е. Тихонова, Л. М. Дробижева) предлагает рассматривать патриотизм как многомерное социальное явление, которое формируется в рамках массовых социальных практик. Институционализация рассматриваемого понятия возможна в рамках сочетания формальных и неформальных социальных правил и формирования «портфеля» идентичностей, свойственных современному обществу [7–11].

Таким образом, современные российские исследования предлагают следующие интерпретации патриотизма:

– современный патриотизм – это разновидность советского варианта патриотизма, который государственные структуры пытаются адаптировать к текущим российским социально-политическим и культурно-историческим условиям, используя для этого агитационно-пропагандистские методы воздействия на общественное сознание. Индикатором успеха проводимой работы выступает статистическая отчетность и уровень сформированности политико-идеологической идентичности;

– патриотизм выступает в роли культурно-исторической традиции российского народа, консолидирующей национальной идеи, которая противостоит глобалистским, мультикультуралистским тенденциям. Указанное направление концентрирует внимание на формировании гражданской идентичности, важную роль в котором играет государство;

– патриотизм представляет собой многомерный сложноорганизованный феномен социальной жизни, включающий в себя сочетание формальных и неформальных социальных практик и правил, на основе которых происходит конструирование содержания данного понятия.

Не менее важным является вопрос содержательно-смыслового наполнения понятия патриотизма. Современные исследователи отмечают (А. Г. Санина, С. А. Магарил, Ж. Т. Тощенко) противоречивый характер патриотизма, который включает в себя элементы досоветского державнического, советского идеолого-милитаристского и современного демократическо-гражданского [1, 3, 12]. Последний представляет собой симбиоз предшествующих вариантов и применяет схожие методы воздействия на общественное сознание. К ним можно отнести в первую очередь агитационную деятельность через систему аффилированных СМИ.

При этом не всегда в должной мере учитываются новые общественные реалии, среди них:

– глубокая социальная и имущественная поляризация; низкий кредит доверия представителям государственной власти и бизнес-структурам;

– низкий уровень интегрированности населения в происходящие в обществе социально-политические и культурные процессы (во главу угла поставлены вопросы повседневной жизни, борьбы за выживание в новых реалиях, личные интересы, компенсация выпадающих доходов и т.д.);

– высокий уровень коррумпированности государственных чиновников, что дискредитирует авторитет власти в глазах россиян;

– отсутствие эффективно функционирующего гражданского общества, которое активно участвует в политико-правовом процессе и воздействует на национально-патриотическую политику;

– отсутствие официальной, всеобще разделяемой, консолидирующей, ориентирующей идеологии;

– ориентация государства на конструирование патриотических идей «сверху» без учета мировоззренческих установок и интересов рядовых граждан и гражданского общества в целом.

В связи с этим изучение процесса конструирования патриотизма как базового элемента национального сознания может происходить на уровне поведенческих практик населения как носителя национальной идеи, а также СМИ и соцмедиа. Последние представляют наибольший интерес с точки зрения анализа специфики имеющихся патриотических установок населения, реакции граждан на информационную работу, проводимую государственными структурами в направлении формирования патриотизма. Во многом этому способствует отсутствие цензуры, что дает возможность выявить реальное состояние «патриотического комплекса массового сознания» [12, с. 21, 22]. В свою очередь, СМИ позволяют проследить динамику и частоту обращений к патриотической тематике, что является индикатором ее актуальности и востребованности, выделить доминирующие микросюжеты и выявить закономерности формирования. При этом массированное представление патриотической проблематики в пропагандистском ключе может привести к эмоциональному выгоранию граждан и отторжению формируемых установок. Поэтому формирование «повестки дня» в информационном поле массмедиа имеет принципиальное значение. В качестве фактора, который может изменить ситуацию с конструированием указанной социальной проблемы, может выступать постоянное внимание политиков к этой теме. В силу того что они являются активными акторами публичного пространства и часто выступают ньюзмейкерами, включение ими патриотизма в свою «повестку дня» может запустить механизм повышения внимания к этому явлению со стороны государственных служащих, журналистов и общественности [13, с. 159].

Если это внимание будет эпизодическим и сопряжено с утилитарно-политическими, популистскими целями, тогда ситуация с формированием патриотизма не изменится. В связи с этим на первый план выходит научный поиск путей реформирования социально-властных отношений и государственного управления. Патриотизм в данном контексте выступает в качестве одного из элементов совершенствования российского общества, содержанием которого должно стать предотвращение социальных конфликтов, сохранение человеческого и экономического потенциала страны, поддержание конкурентоспособности. Осуществить это возможно в ходе освоения партийно-парламентской культуры, позволяющей мирным путем согласовать в законодательстве, а затем интегрировать в правительственную политику наиболее значимые интересы массовых слоев общества [1, с. 150].

Методологические подходы к изучению патриотизма. В процессе изучения патриотизма продуктивным представляется сочетание различных методологических подходов. Как уже было отмечено, конструирование патриотизма происходит на уровне государственно-властных структур, а также в процессе реализации повседневных практик, наполненных индивидуальными переживаниями, ожиданиями положительных изменений в социально-политической жизни, повышения ее качественных характеристик и т.д. Поэтому использование прагматического подхода позволит отделить наду-

манные проблемы от важных, акцентировать внимание на конкретной проблемной ситуации, детерминирующей смыслы высказываний и действий индивидов в процессе рефлексии патриотических установок. Теория конструирования социальных проблем с рассмотрением «повестки дня», формируемой СМИ, весьма продуктивна в случае идентификации ключевых составляющих информационного пространства, в котором конструировалось понятие патриотизма. В последние годы важным достижением в области социальной мысли явилась теория «социология градов» Л. Болтански и Л. Тевено. Авторы пытаются найти средний путь между анализом «объективных» структур общества и «субъективных» значений, которые индивиды вкладывают в свои действия, призванные замаскировать подлинные причины и мотивы поведения людей (будь то классовая сущность, бессознательные комплексы или воля к власти). В центр внимания исследователей помещаются тем самым не скрытые двигатели исторического процесса или законы функционирования общества, а рациональные цели при анализе информационного пространства на предмет конструирования субъектов социальной жизни [14, с. 9].

Рассмотрение конструирования проблемы патриотизма в соцмедиа и СМИ актуализирует необходимость изучения незапланированных, непреднамеренных эффектов массовой коммуникации. Члены современного общества затрачивают все больше времени на потребление продукции средств массовой коммуникации. Но большое количество получаемых сообщений «может вызвать лишь поверхностное внимание к социальным проблемам, и это внимание часто скрывает массовую апатию» [13, с. 147].

Таким образом, патриотизм представляет собой многоаспектный, многоплановый и противоречивый в своем содержании элемент национального самосознания. В процессе рассмотрения понятия патриотизма были выявлены следующие трудности его формирования:

– низкий уровень рефлексии со стороны граждан социально-властных отношений;

– смысловое наполнение патриотизма представляет собой сложный и противоречивый комплекс, так как между декларацией патриотических чувств и активными действиями на благо страны и народа существует принципиальная разница (пассивный, «созерцательный» патриотизм [1, с. 146]);

– более трети россиян [1, с. 146] разделяют национально-патриотические идеи, которые включают различное понимание национальных интересов – от умеренных националистов, ориентирующихся на национальную культуру, до радикальных националистов;

– формирование патриотических установок происходит «сверху» без учета индивидуальных практик россиян, без получения обратной связи о результатах проводимой политики в этой области (государственная идентичность);

– низкий кредит доверия властно-бюрократическому аппарату, который регулярно дискредитирует себя, поэтому надежда на изменение к лучшему связывается с носителем верховной власти в стране;

– отсутствие функционирующей концепции гражданского патриотизма, опирающегося на идею гражданской идентичности и деятельностно ориентированного на общенациональное благополучие.

В процессе исследования указанных сюжетов целесообразно использовать сочетание теоретических подходов и методик, а также различных по своему происхождению эмпирических источников: СМИ (печатные), которые активно формируют информационную «повестку дня» и расставляют смысловые акценты в медиапространстве, формируя поле социальных проблем. Следующим важным источником данных о патриотических установках граждан выступают соцмедиа (блоги, социальные сети и др.). Данный источник позволит выявить субъективные оценки, на базе которых возможно определить содержание и уровень развития современного патриотизма, а также сконструировать его модель.

Библиографический список

1. **Магарил, С. А.** Смыслы патриотизма – исторические трансформации / С. А. Магарил // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 142–151.
2. Патриотизм и государство. – URL: http://www.levada.ru/2015/04/29/patriotizm-i-gosudarstvo/ (дата обращения: 15.11.2016).
3. **Санина, А. Г.** Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России / А. Г. Санина // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 45, 46.
4. **Гудков, Л. Д.** Негативная идентичность / Л. Д. Гудков. – М., 2004. – С. 650–654.
5. **Ядов, В. А.** Ценностные ориентации как отражение условий жизни / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. – М., 2013. – С. 110–126.
6. Патриотизм как идеология возрождения России / отв. ред. д-р ист. наук Т. С. Гузенкова. – М., 2014. – С. 29–72.
7. **Горшков, М. К.** Российское общество как оно есть / М. К. Горшков. – М., 2011. – С. 73–90.
8. **Чупров, В. И.** Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. – М., 2014. – С. 139–190, 202–205.
9. **Волков, Ю. Г.** Креативность: исторический прорыв России / Ю. Г. Волков. – М., 2011. – С. 92–96.
10. **Лапин, Н. И.** Расхождение и возможные синтезы в динамике терминальных и инструментальных ценностей россиян / Н. И. Лапин // Общая социология. – М., 2006. – С. 670–680.
11. **Тихонова, Н. Е.** Низший класс в социальной структуре российского общества / Н. Е. Тихонова // Новые идеи в социологии. – М., 2013. – С. 309–339.
12. **Тощенко, Ж. Т.** Особенности жизненных миров российской интеллигенции / Ж. Т. Тощенко // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное. – М. : РГГУ, 2015. – С. 13–24.
13. **Ясавеев, И. Г.** Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И. Г. Ясавеев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 200 с.
14. **Болтански, Л.** Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 576.

References

1. Magaril S. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016, no. 1, pp. 142–151.
2. *Patriotizm i gosudarstvo* [Patriotism and state]. Available at: http://www.levada.ru/2015/04/29/patriotizm-i-gosudarstvo/ (accessed November 15, 2016).
3. Sanina A. G. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016, no. 5, pp. 45, 46.

4. Gudkov L. D. *Negativnaya identichnost'* [Negative identity]. Moscow, 2004, pp. 650–654.
5. Yadov V. A. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and forecasting of personality's social behavior: the disposition conception]. Moscow, 2013, pp. 110–126.
6. *Patriotizm kak ideologiya vozrozhdeniya Rossii* [Patriotism as a Russian revival ideology]. Execut. ed. T. S. Guzenkov. Moscow, 2014, pp. 29–72.
7. Gorshkov M. K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'* [The Russian society as is]. Moscow, 2011, pp. 73–90.
8. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. *Otnoshenie k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Russian society's attitude to social reality: sociocultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow, 2014, pp. 139–190, 202–205.
9. Volkov Yu. G. *Kreativnost': istoricheskiy proryv Rossii* [Creativity: a historical breakthough of Russia]. Moscow, 2011, pp. 92–96.
10. Lapin N. I. *Obshchaya sotsiologiya* [General sociology]. Moscow, 2006, pp. 670–680.
11. Tikhonova N. E. *Novye idei v sotsiologii* [New ideas in sociology]. Moscow, 2013, pp. 309–339.
12. Toshchenko Zh. T. *Zhiznennyy mir nauchno-tekhnicheskoy i sotsial'no-gumanitarnoy intelligentsii: obshchee i osobennoe* [The life-world of scientific-engineering and socio-humanitarian intelligentsia: the general and particular]. Moscow: RGGU, 2015, pp. 13–24.
13. Yasaveev I. G. *Konstruirovanie sotsial'nykh problem sredstvami massovoy kommunikatsii* [Constructing social problems by means of mass communication]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004, 200 p.
14. Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [Critics and substantiation of justice: essays of the sociology of worlds]; transl. French from by O. V. Koveneva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, p. 576.

Осянин Андрей Николаевич
кандидат социологических наук, доцент, кафедра философии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3)

Osyanin Andrey Nikolaevich
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of philosophy, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (3 Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russia)

E-mail: Prepod80@rambler.ru

УДК 316
Осянин, А. Н.
Смысловое наполнение понятия «патриотизм»: теоретический аспект / А. Н. Осянин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 108–115. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-12

УДК 316.75
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-13

Т. А. Рассадина

О НЕКОТОРЫХ РИСКАХ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Предмет исследования – проблемные аспекты функционирования высшей школы в современной России, квалифицируемые как риски. Средовые условия и деятельность акторов, связанная с профессиональным выбором, подготовкой и закреплением в вузе; расширение институциональных возможностей плюралистического выбора жизненных стратегий; появление новых форм рациональности в процессе взаимодействия социальных субъектов; новые подходы в методологии высшего образования; бюрократизация организации учебного процесса; некоторые проблемы социально-гуманитарной компоненты в высшей школе, в техническом (инженерном) образовании в частности; появление амелиористских тенденций – все это рассматривается как новые проявления механизмов социокультурной регуляции, создающие условия риска для современного человека и общества.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных социологов, исследовавших разные аспекты социологии риска, таких как Д. Белл, У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглас, С. Лаш, Н. Луман, Дж. Ритцер; А. П. Альгин, В. В. Витлинский, В. В. Гришаев, В. И. Зубков, Ю. А. Зубок, С. А. Кравченко, С. А. Красиков, А. В. Мозговая, С. М. Никитин, Н. Л. Смакотина, К. А. Феофанов, О. Н. Яницкий и другие. Использовались традиционные принципы, подходы, методы исследовательской практики, как-то: системный, постнеклассический подходы; метод формально-логического анализа понятий, сравнительно-аналитический метод. Эмпирическую базу исследования составил вторичный анализ результатов социологических исследований, выполненных отечественными специалистами в области социологии высшего образования, такими как Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина, Е. С. Попова, А. Л. Андреев, В. А. Прохоров и другие. Учтены тенденции социокультурных изменений под влиянием фактора риска в современной России, выявленные автором в ходе собственных эмпирических социологических исследований.

Результаты и выводы. В современном обществе «прикрепление» молодых людей к профессии и обретение профессиональной идентичности в высшей школе становятся все более проблематичными. Выбор профессии во многом подменяется выбором путей дальнейшего обучения, будущего образа жизни, но не профессионального призвания; основывается в большей степени на предпочтениях и в меньшей степени учитывает ограничения выбирающих. Профессиональный выбор становится нелинейным, спонтанным, краткосрочным, динамичным, высокорациональным, прагматичным; наблюдается повторный, «отложенный» выбор. В профессиональной подготовке и закреплении в профессии в вузе проявляется депрофессионализация, происходит переход от монопрофессионализма к полипрофессионализму; размываются представления о профессии, функциях ее носителя, личностных качествах; есть трудности с формированием профессиональной идентичности; отношение к труду и профессии становится все более инструментальным. Развиваются новые формы рациональности в отношениях субъектов образования, симуляционные и играизированные практики. «Презентационная» парадигма вытес-

няет «чтениевую»; растут информированность и фрагментарность знания, упрощение, проблемы с формированием системы знаний. Наблюдается высокая бюрократизация учебного процесса. В постановке социально-гуманитарного образования проявляются минималистские тенденции. Технократическая ценностная парадигма в образовании способствует появлению амелиористских тенденций. Эти характеристики современного высшего образования в России рассматриваются как риски, которые будут иметь в ближайшей перспективе предвиденные и непредвиденные последствия, если их не учитывать в процессе организации и функционирования высшей школы на всех уровнях (федеральном, региональном, уровне организации).

Ключевые слова: риск, общество риска, риск в высшем образовании, профессиональный выбор, новые формы рациональности, бюрократизация системы, социально-гуманитарное образование, амелиоризм.

T. A. Rassadina

ON SOME RISKS AT HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Abstract.

Background. The research subject is problem aspects of higher school functioning in modern Russia that can be defined as risks. Environmental conditions and the activity of actors associate with choosing an occupation, preparation and admission to a university; expansion of the institutional capacity of multiple choice of life strategies; emergence of new forms of rationality in the interaction of social subjects; new approaches to the methodology of higher education; bureaucratization of the educational process; some problems of the sociohumanitarian component of higher school, in technical (engineering) education particularly; emergence of ameliorative trends – all of these are considered as new manifestation of sociocultural regulating mechanisms creating risky conditions for modern people and the society.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis included the works by Russian and foreign sociologists investigating various aspects of risk sociology, such as D. Bell, U. Beck, A. Giddens, M. Duglas, S. Lush, N. Luhmann, G. Ritzer; A. P. Algin, V. V. Vitlinsky, V. V. Grishaev, V. I. Zubkov, Y. A. Zubok, S. A. Kravchenko, S. A. Krasikov, A. V. Mozgovaya, S. M. Nikitin, N. L. Smakotina, K. A. Feofanov, O. N. Yanitskiy and others. The author used traditional research principles, approaches and methods, such as: system, postneoclassical approaches; the method of formal and logical analysis of notions, the comparative and analytical method. The empirical basis included a secondary analysis of sociological research results obtained by the following Russian experts in the field of higher education sociology: D. L. Konstantinovsky, G. A. Cherednichenko, F. A. Khokhlushkina, E. S. Popova, A. L. Andreev, V. A. Prokhorov and others. The research takes into account sociocultural alteration trends under the influence of risk factors in modern Russia that have been revealed by the author in the course of her own empirical sociological research.

Results and conclusions. In the modern society it becomes more and more complicated for young people to stick to desired occupations and find their professional identity at the higher school. The choice of occupation to a great extent is substituted by the choice of further education, future way of life, but not professional dedication; it is largely based on preferences and to a lesser degree considers constaints of the ones choosing. The choice of occupation turns to be nonlinear, spontaneous, short-term, dynamic, highly rational, pragmatic; sometimes repeated and “post-

poned". Professional training and consolidation on a certain major at a university feature deprofessionalization, there occurs a transfer for monoprofessionalism to polyprofessionalism; the idea of profession or occupation becomes fuzzy, so do the functions of its holder and personal traits; one may observe difficulties with professional identity formation; the attitude towards labor and profession becomes more and more resembling the attitude to tools. We evidence new forms of rationality developing in the relationships between educational subjects, simulating and gaming practices. The "presenting" paradigm supplants the "reading" one; informativity and fragmentariness of knowledge grow, as well as simplification and problems with knowledge system formation. We observe high bureaucratization of the educational process. The organization of sociohumanitarian knowledge features minimalistic trends. The technocratic value paradigm of education promotes emergence of ameliorative trends. These characteristics of modern highereducation in Russia are regarded as risks, which will soon bring anticipated and unforeseen consequences, in case they are not taken into consideration in the process of higher school organization and functioning at all levels (federal, regional, organizational levels).

Key words: risks, society of risks, risk in higher education, choice of occupation, new forms of rationality, system bureaucratization, sociohumanitarian education, ameliorism.

В условиях открытости, неустойчивости и неравновесности социальных систем, нелинейности и непредсказуемости социальных изменений современное общество определяется как общество риска. Риск – универсальное, всеобщее явление, в котором человек привыкает жить. Постоянные, трудно прогнозируемые ситуации риска превращают повседневную жизнь людей в процесс их постоянной калькуляции. Как блестяще показал У. Бек [1], модерн производит не только новые риски, но и новые рефлексивные способности, позволяющие минимизировать данные риски. В таком обществе сознание определяет бытие. Рефлексивность способствует росту субъектных факторов, самоорганизации, саморегуляции социального поведения, рационализации всех сфер жизнедеятельности. Вместе с тем, указывал Э. Гидденс, осмысление риска не может быть полным, возможны непредвиденные и неожиданные исходы [2, 3]. Н. Луман подчеркивал, что современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального [4]. Социальная неопределенность находит свое выражение в таких механизмах социокультурной регуляции, как доминирование первичных потребностей, узко прагматических интересов, соображений выигрыша, выгоды, пользы; ценностная неопределенность, социальная дезинтеграция и недоверие [5].

В зарубежной и российской науке сложилась определенная теоретико-методологическая база исследования рисков (Д. Белл, У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглас, С. Лаш, Н. Луман, Дж. Ритцер; А. П. Альгин, В. В. Витлинский, В. В. Гришаев, В. И. Зубков, Ю. А. Зубок, С. А. Кравченко, С. А. Красиков, А. В. Мозговая, С. М. Никитин, Н. Л. Смакотина, К. А. Феофанов, О. Н. Яницкий и др.). Ряд проблем пока не получил своего должного научного исследования. К таковым относятся проблемы, связанные с изучением человека, социокультурных изменений под влиянием фактора риска, в том числе в системе высшего образования. Между тем в структуре потребностей человека образование прочно удерживается на втором месте. Духовные процессы имеют значение, их понимание является важным для науки и общества.

Риск в любой сфере связан со средовыми условиями, с деятельностью акторов, которые находятся в ситуации неизбежного выбора, имеют возможность оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели. Сегодня выбор стал постоянной и тотальной необходимостью, ключевой характеристикой деятельности человека в условиях рынка, развивающейся демократии, плюрализации жизненных миров. Выбор всегда был и будет своего рода критическим событием; он подразумевает возможность реализации разных сценариев; моделирует ситуацию бифуркации, которая может дать непредсказуемые результаты [6].

Профессиональный выбор всегда был значимым фактором жизненного успеха. В современном обществе «прикрепление» молодых людей к профессии и обретение профессиональной идентичности становятся все более проблематичными. И это не только личные проблемы. Профессиональный выбор определяет источники жизнеобеспечения, является важнейшей предпосылкой экономической самостоятельности и независимости человека, статусного роста, самореализации. Отсюда повышенная тревожность по поводу возможных ошибок в процессе выбора. В условиях отсутствия планомерной профориентационной работы, расширения возможностей для самостоятельного конструирования биографий профессиональный выбор молодежи становится нелинейным, спонтанным, краткосрочным, динамичным, с высокой степенью дифференциации, индивидуализации. Наблюдается его высокая рациональность, прагматизация и вместе с тем интуитивность.

После школы выпускники зачастую выбирают не профессию, а учебное заведение, его престижность, высокий социальный статус, способы дальнейшего обучения, будущий образ жизни, возможность приобрести в дальнейшем материальное благополучие. Как показывают исследования, с выбором профессии определяется только каждый второй выпускник школы [7–10]. Сам профессиональный выбор происходит зачастую гораздо позже. Ошибки выбора приводят к разочарованиям, обвинениям других и т.п. Уже сразу после окончания вуза, оказавшись невостребованными на рынке труда, современные выпускники вынуждены переоценивать сформированную семьей, средствами массовой информации «престижность» полученного высшего образования и приобретенной профессии.

Сегодня социальный статус высшего образования в обществе растет, растет число молодых людей, желающих обучаться в вузах. С получением диплома о высшем образовании большинство молодежи напрямую связывает жизненный успех, возможность «хорошо устроиться в жизни». В феномене «высшее образование» акцент делается на высшем, что является синонимом престижа, принадлежности к высшим социальным группам. Такое отношение сформировалось еще в советское время. Однако тогда высшее образование не было явлением массовым, как это стало в новейшую историю России. ЕГЭ позволяет подавать документы в разные вузы, на разные специальности и выбирать привлекательное, даже не всегда имея необходимые компетенции, склонности, способности. При невозможности набрать необходимое количество баллов для поступления в вуз на бюджетной основе, можно поступать на платную. Происходит «размывание» профессионального выбора. Сами вузы лишаются возможности критически оценивать абитуриентов, их образовательный, профессиональный и личностный потенциал, влиять на конкурсный

отбор. Следует отметить, что выбор вуза – это одновременно и выбор территории, в том числе будущего проживания. Вузы провинциальных городов естественно проигрывают.

Немало проблем в профессиональной подготовке и закреплении в профессии в вузе. Четко проявляется депрофессионализация. Современное общество и рынок труда требуют от выпускника гибкости и мобильности в процессе самоопределения. Вуз во многом отстает от требований рынка труда, не выполняет в нужной мере функции по подготовке своих выпускников к практической профессиональной деятельности. С целью минимизации рисков при выходе выпускника на рынок труда стала распространенной подготовка специалистов «широкого» профиля, происходит переход от монопрофессионализма к полипрофессионализму. За четыре–пять лет учебы в вузе многие успевают получить не один диплом, хотя потребительское и прагматичное отношение к получению высшего образования не означает, что молодые люди не желают получить качественное образование и стать хорошими специалистами в своей области.

Растет уровень профессиональной мобильности, карьерные стратегии выпускников характеризуются нелинейностью и прагматичностью. Отсутствует образ профессионала как носителя не только четких профессиональных, но и личностных качеств, размываются представления о самой профессии, функциях специалиста. Подвижная социальная и личностная идентичность становится нормой, гибкость возводится в ранг культурного эталона, показателя адаптивности. Одновременно происходит и субъективная дезориентация, дестабилизируется система знаний и ценностей общества.

В последние десятилетия в России наблюдается рост приема в вузы. Вместе с этим многие выпускники не находят работу по специальности или даже не ищут ее. В процессе трудоустройства ключевым критерием является уровень оплаты труда. Диплом рассматривается молодежью как «пропуск» в определенную социально-профессиональную группу. Он является непременной необходимостью, даже если молодые люди не собираются работать по специальности. Многие работодатели при приеме на работу ориентируются на наличие у соискателя диплома о высшем образовании, не обращая внимания на соответствие документа об образовании требуемой специальности и специализации. Ни одна профессия сегодня не может гарантировать трудоустройство для выпускника вуза.

Отношение к труду и профессии становится все более инструментальным. Профессиональный престиж ассоциируется с заработком. Ориентации на долг, служение людям ушли. Конечно, эту мотивацию студенчества нельзя оценивать однозначно, тем более негативно. А вот с тем, что ценности самореализации в профессии вытесняются, нравственные регуляторы поведения молодежи находятся в периферийном положении, согласиться нельзя. В будущем социум еще острее столкнется с этими следствиями.

Возникают новые способы самоорганизации, как-то: постфордизм, макдональдизация, играизация, подробно описанные в теоретической социологии. Способствуя до некоторой степени минимизации неопределенности, подобные гибридные типы рациональности выполняют свои функции. Новая рациональность становится иррациональной, проявляется в отчуждении человеческого разума, дегуманизации отношений, что ведет к непредвиденным

последствиям. Так, например, влияние постфордизма прослеживается в расширении рынка репетиторских услуг при подготовке к поступлению в вуз. Репетиторство рационализирует поведение и преподавателей (репетиторов), и абитуриентов. Эти практики были и раньше. Но в потребительском обществе изменился характер обменных отношений между репетитором и абитуриентом. Неопределенность, связанная с меняющимися правилами поступления в учебные учреждения, критериями и способами оценки знаний, способствовала созданию более эффективных методик преподавания (зачастую просто «натаскивания»), формированию нового типа репетитора. Современный абитуриент заинтересован в знаниях, гарантирующих поступление в определенный вуз, за что готов платить. Подобные практики основаны на принципах эффективности (оптимальное продвижение услуги), калькулируемости (расчет количественных показателей, которые становятся символами качества), предсказуемости, контроля – все это признаки макдональдизации.

Расширяются институциональные возможности выбора образовательных стратегий. Для облегчения и удешевления перемещений в пространстве используется дистанционное образование, не исчезают возможности покупки диплома. Но дистанционное образование справедливо квалифицируется как симуляция, играизированные практики. Оно не способно кардинально и позитивно влиять на качество выпускаемых специалистов, хотя, безусловно, облегчает для молодых людей и их семей организацию обучения, а также позволяет вузам решать проблемы с набором, сохранять рабочие места преподавателей. Покупка диплома, имеющая разные формы проявления, окончательно дискредитирует высшую школу.

Немало проявлений играизаций можно наблюдать в учебном процессе. К примеру, когда с целью самосохранения вуз, кафедры, преподаватели сводят до минимума уровень требований к себе и к обучающимся. Низкие зарплаты преподавателей, постоянная угроза сокращения, недостаток квалифицированных кадров, их уход в другие, более надежные и комфортные для выживания и самореализации сферы деятельности, отсутствие мотивации молодежи на работу в вузах, возможности взять на работу молодых (чаще всего «неостепененных»), вырастить их и многое другое служит оправданием таких подходов. Или наоборот: в целях удержаться ужесточается режим контроля и оценки других. Крайности, как известно, являются признаком незрелости. Конкуренция сложно решает эти проблемы. Она далеко не всегда честная и справедливая.

Современные молодые люди имеют широкий и вполне свободный доступ к информации. Это, безусловно, ценно, просто замечательно. Однако в самом образовании «презентационная» парадигма вытесняет «чтениевую», внешнее – внутреннее, глубинное, содержательное; растут информированность и фрагментарность знания, упрощения, есть проблемы с формированием системы знаний. Место книги теперь занимает компьютер, которым молодежь владеет лучше, чем интеллектуалы старших поколений. Но в Интернете читаются, увы, не книги. «Путешествия», например, по социальным сетям занимают много времени, оказываются более востребованными, далеко не развивающими. Вместе с начитанностью исчезает ряд важных компетенций, в первую очередь связанных с грамотностью и нарративной рациональностью. Умение последовательно и понятно излагать свои мысли ныне стано-

вится редкостью даже среди учащихся элитных учебных заведений. Наблюдаются трудности с определением понятий, с «разворачиванием» мысли, сравнением по одному основанию, восхождениям к абстракциям, обобщениям и др.; мышление избыточно конкретно.

Известно, что содержание обучения маленьких детей очень простое, методы обучения – сложные. У больших детей, взрослых, наоборот. В вузах идет очевидное упрощение. Многообразие методов, которые стали использоваться, – это зачастую компенсация недостаточного уровня развития студентов, а также фиксирование или даже конструирование этих проблем. Презентационная парадигма обучения способствует утрате интеллектуальной работы с текстом. Последняя, как показывала классика экспериментальной психологии, – залог хорошего усвоения информации. Зачастую благодаря презентациям студенты получают готовые выводы, тезисы. Это дополнительно упрочивает фрагментарность, мозаичность знания.

Высокие и быстро формирующиеся притязания и амбиции, входящие в современную систему общественных ценностей, избыток информации или некоторых знаний (скорее ощущение такового; предзнание) порождают недостаток желаний; избыток желаний – недостаток умений. Формируемая мотивация не подкрепляется умениями, работоспособностью, волей, ценностью труда и трудолюбия. В сознании современных молодых людей легко поселились установки «проскочить», «сманипулировать», «уболтать» и т.п. Телекоммуникации стали для студентов инструментарием для прохождения разных видов аттестаций, что делает процесс образования просто бессмысленным. Человек и так по природе ленив. Информационные технологии, аудиовизуальная среда в немалой степени способствуют этому. Последствия указанных тенденций нам еще предстоит осмыслить и оценить.

Не отрицая необходимости упорядочивания учебного процесса, его планирования, осмысления и закрепления в форме различных документов, следует указать на имитирующие деятельности, лжедеятельности, связанные с бумаготворчеством и ставшие зачастую первостепенными критериями работы вузов, включая подтверждение их эффективности. Такого бумаготворчества не было даже в советское время, которое нередко критикуется за бюрократизацию.

Происходит очевидная симуляция деятельности за счет создания виртуальной реальности в виде бесконечного количества документов, для преподавателей – прежде всего рабочих программ учебной дисциплины. Отсутствие (незнание, недоведение до преподавателей) четко прописанных шаблонов документов, работа методом проб и ошибок, вероятно, отсутствие инструктирующих и консультирующих функций вышестоящих организаций; работа в авральном режиме; сборы подписей в разных инстанциях (синоним – заверено, допущено, разрешено), «дискуссии» в библиотеках о включении в программу списка литературы, необходимой для освоения дисциплины студентами; детальная проработка фондов оценочных средств без наличия реального содержания Государственных образовательных стандартов, т.е. содержания образования (для вузов это просто огромная проблема, которая озвучена федеральными властями как осознанная большая проблема только в прошлом году); бесконечные корректировки отдельных шаблонных фраз, слов и прочее, прочее создают симулякры, не имеющие ничего общего с подлинной

профессиональной деятельностью преподавателей, задают бессмысленность этой активности. Предлагаемый расчет часов на подготовку лекций, семинаров, написание статей, монографий и пр., фиксирование этого в индивидуальных планах преподавателей – очередные симуляции. Справедливости ради замечу, что не во всех вузах доходят до этих абсурдов. Значит, можно делать и по-другому, без вреда для своей организации.

Специалистам в области социальных наук хорошо известно: обюрокрачивание с неизбежностью ведет к деградации структур, гибели социальных институтов.

Отечественная система образования постоянно находится в ситуации реформирования. К примеру, был период с преобладанием принципа социоцентричности, потом – детоцентричности в педагогике, в образовании и др. Сегодня очевидна новая тенденция. Центральной фигурой в вузе становится не преподаватель, профессор, а менеджер, чиновник. Главные их функции – контрольно-оценочные, далеко не связанные с организацией условий для работы преподавателей. В вузе руководитель (особенно низовое звено) – не начальник. Это авторитетный коллега, в контексте современных требований создающий условия для работы организации. Принцип работы «разделяй и властвуй» не норма. Все это усиливает авторитаризм, недоверие, размывает институт авторитета высшей школы, науки. Интенсивный внешний пиар не может и не должен заменять постоянной добросовестной квалифицированной работы специалистов. В условиях плюрализма рушится институт авторитета. Но вуз – это особый организм. Сохранение и воспроизводство авторитета преподавателей как носителей знаний, исследовательских практик, другого бесценного опыта – это вопрос сохранения и воспроизводства высшей школы, духовного воспроизводства вообще.

Заслуживает отдельного анализа проблема социально-гуманитарной компоненты в высшей школе вообще, в техническом (инженерном) образовании в частности. Многие считают ее в последнем сегменте «непрофилирующей», вроде бы и необязательной. При обсуждении путей модернизации инженерного образования вопросы, связанные с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин, обычно обходят. Оптимизация разнообразных ресурсов высшей школы, изыскание дополнительных финансов, пересмотр учебных планов, оптимизация кадрового состава (читай: сокращения) идет прежде всего за счет часов, отводимых на изучение предметов социально-гуманитарного цикла. Причем происходит это исключительно из субъективных соображений чиновников от образования любого уровня.

Этот подход, увы, распространенный, но в мировой практике не единственный [11, 12]. Например, в престижном Массачусетском технологическом институте гуманитарная подготовка осуществляется по 19 отраслям науки, включая антропологию, историю, философию, социологию, литературу, музыку, экономику, лингвистику, глобалистику, сравнительное изучение медиа, политическую науку и некоторые междисциплинарные направления, такие как русистика и американистика, изучение азиатских обществ и диаспор и др. Каждый студент за время обучения должен пройти минимум восемь курсов гуманитарного и социального профиля, вплоть до приобретения «мини-специализации». Такая подготовка рассматривается как обязательная; в совокупности составляет не менее четверти учебного времени. В россий-

ских технических вузах доля социальных и гуманитарных дисциплин в общем объеме учебного времени примерно в два раза меньше. Аналогичные практики присутствуют в Стэнфордском, Пенсильванском университетах, Калифорнийском технологическом институте. Миссией этих образовательных организаций является не просто подготовка профессионалов высокого класса, а подготовка мировой технологической элиты, способной участвовать в глобальном управлении, решать «мировые» задачи, определять исторические перспективы человечества.

В конце 1980-х гг. в СССР прошла кампания по гуманитаризации технического образования. В 1990-е гг. во многих российских вузах в учебные планы стали включать тематически разнообразные спецкурсы и спецсеминары, однако в дальнейшем эта практика была свернута из-за ряда организационных и финансовых трудностей. В последнее время в постановке социально-гуманитарного образования стали проявляться минималистские тенденции, что заставляет задуматься о способности российских вузов воспроизводить не только качественных специалистов, но и развитых личностей.

Социально-гуманитарная компонента должна быть представлена всеми основными дисциплинами. Под ними сегодня имеются в виду не только традиционные философия и история Отечества с вполне устоявшимся едва ли не с советских времен содержанием, но и появившиеся в новейшую историю социология, политология, правоведение, культурология, возможно, конфликтология, приобретающие статус классических наук для получения базовой системы социально-гуманитарного знания. Изначально для них должны быть предложены адекватные компетенции в Государственных образовательных стандартах новых поколений; их выбор не должен быть субъективным выбором чиновников вузов.

Вместе с тем нельзя умолчать и о некоторых проблемах собственно гуманитарного образования. Высказываются сомнения о необходимости и полезности социально-гуманитарного знания. Преподаватели этих дисциплин – рефлексирующие личности, которые не упрощают, а создают когнитивно сложное знание. Этос гуманитария не ориентирует на прагматизм, слабо способствует материальному достатку. Это интересное знание, но оно слабо помогает жить в современном потребительском обществе. Отказ от такого знания происходит лавинообразно. Следует отметить отсутствие новых образовательных стратегий в этой области, сомнительное технологическое обеспечение. И здесь ничего не меняется. Так, залегитимированная балльно-рейтинговая система оценок, тестирование, возводимые на уровне итоговых требований в абсолют, в недостаточной мере ориентируют на целостное и критическое осмысление информации, нацелены не на воспроизведение, а на ее узнавание и опять без четко прописанного содержания образования, что является в социально-гуманитарных дисциплинах дисфункциональным. Это осознают и сами обучающиеся.

Невостребованность социально-гуманитарного знания и специалистов этого профиля диктуется рынком, поддерживается властью. Последняя провозгласила новую ценностную парадигму в образовании, которая определяет общественную систему ценностей, новую социальную структуру, стратификацию, новое неравенство. На конце этой цепи – человек со своими склонностями, способностями, интересами, судьбой. По сути, провозглашается аме-

лиоризм – один из принципов классической модернизационной теории, которая предполагала условием успеха модернизации полную перестройку «старого» традиционного человека и его отношения к себе и социуму. Иными словами, легитимируется право на очередную «ломку» человека. Зачастую уже в самом начале обучения некоторые студенты технических вузов с сожалением признаются о предпочтении предметов социально-гуманитарного цикла и желании с ними связать свою профессию. Но следуя предостережениям родителей («А где ты будешь работать?»), продолжают изучать поистине постылые дисциплины, приобретать далекие и непонятные специальности. К аналогичному результату приводят ситуации, когда молодым людям приходится выбирать между привлекательной для себя специальностью и платным обучением и обучением на любой специальности, но на бюджетной основе. Известно, на бюджетные места конкурс вырос в разы, а они отражают технократическую тенденцию политики в области образования. Сегодня с уверенностью можно сказать только одно: преодоление возникающих противоречий в системе образования вряд ли возможно путем централизованного планирования и силового регулирования. Думаю, плоды и этих процессов будут осмыслены и оценены уже в ближайшей перспективе.

Система доминирующих ценностей гуманитариев, которую они, безусловно, транслируют, далеко не всегда релевантна по отношению к ценностям общества. Социально-гуманитарное знание не дает сиюминутной выгоды, но оно снимает «шоры» сознания, способствует повышению адекватности социального познания, формированию неплоских знаний, зрелых, с глубокой внутренней культурой, с низким уровнем конформизма личностей, ярких индивидуальностей, имеющих смелость становиться подлинными членами гражданского общества. Полагаю, что уже сейчас страна испытывает дефицит такого рода человеческого капитала во всех сферах.

Важно жить здесь и теперь, быть в актуальной жизни успешным, но важно иметь мечту и идеалы. Именно они дают возможность прорастать сквозь собственные рамки, развиваться. Это одно из важных условий качественного Образования, в смысле Образ-ваяния личности. Эти ментальные, культурные составляющие, пропитывающие все аспекты социальной жизни, имеют значение. Они справедливо оцениваются как серьезная материальная сила общественного развития, от которой зависит успех или неуспех модернизации.

В норме наука должна описывать, объяснять, показывать, что стоит за событием, текстом, словом; замечать нарождающиеся тенденции, предвосхищать риски. Как известно, риск – это то, что еще не произошло, но имеет вероятность произойти, если не повернуть руль управления в другую сторону.

Библиографический список

1. **Бек, У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. **Гидденс, Э.** Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – С. 107–134.
3. **Гидденс, Э.** Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
4. **Луман, Н.** Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – Вып 5. – С. 135–160.

5. **Рассадина, Т. А.** Россияне в условиях «общества риска». Эмоциональный и ценностный аспекты / Т. А. Рассадина // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 84–93.
6. **Рассадина, Т. А.** Профессиональный выбор молодежи как индикатор институциональных проблем в системе школа – вуз – рынок труда / Т. А. Рассадина // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 2. – С. 295–302.
7. **Константиновский, Д. Л.** Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. – М. : ЦСПиМ, 2011. – 296 с.
8. **Чередниченко, Г. А.** Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи) / Г. А. Чередниченко. – М. : ИС РАН, 2012. – 332 с.
9. Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса: инф.-аналит. отчет / под ред. Ю. Р. Вишневского, Л. Н. Банниковой, М. В. Певной. – Екатеринбург : УрФУ, 2010. – 194 с.
10. **Константиновский, Д. Л.** Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 37–48.
11. **Андреев, А. Л.** О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ / А. Л. Андреев // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 111–120.
12. **Прохоров, В. А.** Некоторые вопросы модернизации инженерного образования / В. А. Прохоров // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 13–18.

References

1. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Society of risks. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000, 384 p.
2. Giddens E. *Thesis*. 1994, pp. 107–134.
3. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Eluding world. How globalization changes our life]. Moscow: Ves' mir, 2004, 120 p.
4. Luman N. *Thesis*. 1994, iss. 5, pp. 135–160.
5. Rassadina T. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2013, no. 11, pp. 84–93.
6. Rassadina T. A. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Sociohumanitarian knowledge]. 2014, no. 2, pp. 295–302.
7. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khokhlushkina F. A. *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998–2008 gody* [Education and life paths of youth: 1998–2008]. Moscow: TsSPiM, 2011, 296 p.
8. Cherednichenko G. A. *Obrazovatel'nye traektorii i professional'nye kar'ery (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy molodezhi)* [Educational paths and professional carriers (by the materials of a sociological study of youth)]. Moscow: IS RAN, 2012, 332 p.
9. *Professional'nye strategii i tsennostnye orientatsii molodezhi v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: inf.-analit. otchet* [Professional strategies and value orientations of youth at an economic crisis: an informational and analytical report]. Eds. Yu. R. Vishnevskiy, L. N. Bannikova, M. V. Pevnoy. Ekaterinburg: UrFU, 2010, 194 p.
10. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2015, no. 11, pp. 37–48.
11. Andreev A. L. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2011, no. 9, pp. 111–120.
12. Prokhorov V. A. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2013, no. 10, pp. 13–18.

Рассадина Татьяна Анатольевна
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Ульяновский институт гражданской авиации (Россия, г. Ульяновск, ул. Можайского, 8/8)

Rassadina Tat'yana Anatol'evna
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor at the sub-department of humanities and social subjects, Ulyanovsk Institute of Civil Aviation (8/8 Mozhayskogo street, Ulyanovsk, Russia)

E-mail: t.rassadina@mail.ru

УДК 316.75

Рассадина, Т. А.

О некоторых рисках в высшем образовании современной России / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 116–127. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-13

УДК 364.044
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-14

М. Э. Елютина, С. В. Климова

АРТ-ТЕХНОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. В свете общей тенденции постарения населения в России необходим научный анализ реабилитационной практики пожилых людей. Цель статьи – рассмотреть механизм действия организации досуга пожилых людей путем включения их в творческую деятельность в совокупности со специфическими социальными проблемами пенсионного возраста.

Материалы и методы. Авторами были использованы социологические методы сбора и анализа социальной информации при осуществлении эмпирического исследования применения арт-технологии в учреждении социального обслуживания, общенаучные методы классификации и сравнительного анализа. Положения статьи обоснованы репрезентативными социологическими исследованиями свободного времени россиян, психологическими исследованиями ментальности пожилых людей, анализом опыта реализации арт-технологии в социальном обслуживании пожилых клиентов.

Результаты. В исследовании выявлена роль свободного времени в социализации личности в позднем возрасте, представлены социальные барьеры для использования свободного времени в целях полноценного развития пожилого человека, показаны социальные компоненты арт-технологии.

Выводы. Недостаток материальных ресурсов, социальная эксклюзия и смена интерпретации институциональных ролей отрицательно влияют на социальное самочувствие в третьем и четвертом возрасте. Однако включение в творческий процесс возвращает пожилому человеку ощущение социальной полноценности.

Ключевые слова: досуг, культура, экономический статус, общение, социальное обслуживание.

M. E. Elutina, S. V. Klimova

ART-TECHNOLOGY IN SOCIAL WORK WITH THE ELDERLY: A SOCIOLOGICAL APPROACH

Abstract.

Background. In the light of the general tendency of population aging in Russia, a scientific analysis of the rehabilitation practice of the elderly is needed. The purpose of the article is to consider the mechanism of leisure organization for the elderly by engaging them in creative activity together with specific social problems of the retirement age.

Materials and methods. The authors used sociological methods of collecting and analyzing social information in the course of empirical study of the use of art technology at an institution of social services, as well as general scientific methods of classification and comparative analysis. The provisions of the article are based in representative sociological studies of leisure of Russians, psychological studies of the mentality of the elderly, an analysis of the experience of implementing art technologies in the social service for elderly clients.

Results. The study reveals the role of free time in the socialization of the personality of the elderly, presents social barriers to the use of free time for the full development of an elderly person, shows the social components of art technology.

Conclusions. The lack of material resources, social exclusion and changing interpretation of institutional roles adversely affect social health in the third and fourth age. However, the inclusion into creative and artistic processes brings back the sense of social usefulness to the elderly.

Key words: leisure, culture, economic status, communication, social services.

Социальная работа – синтетический вид деятельности, в которой в союзе с теориями социально-гуманитарного знания развиваются практические способы социальной адаптации людей, находящихся в сложной жизненной ситуации. Арт-терапия прочно вошла в арсенал технологий помощи страдающим от физических, душевных и социальных проблем людям. Об этом свидетельствует работа учреждений системы социального обслуживания населения и некоммерческих организаций с различными типами клиентов – пожилыми [1], инвалидами [2], родителями и детьми [3], которая обязательно включает различные способы и методы арт-терапии.

Если суммировать сведения о современных видах арт-терапии для пожилых людей, в широком смысле ее можно определить как метод социокультурной реабилитации с помощью творческого процесса. Специалисты видят пользу арт-терапии в улучшении эмоционального состояния, что вызывает лечебный эффект. Отдельные виды арт-терапии – лепка из пластилина, рисование по песку, вязание, танцы, пение и др. – полезны для тела как тренировка стареющего организма (моторики, органов дыхания и пр.) [4, с. 44–47].

Обзор деятельности центров социального обслуживания населения показывает, что в работе с пожилыми клиентами арт-терапия является эффективным методом реабилитации. Однако акценты в ее репрезентации в основном психологические, между тем как социологическая теория имеет большое значение в объяснении того, почему люди третьего и четвертого возраста нуждаются в креативных формах досуговой деятельности. В статье предлагается комплекс теоретических аргументов и примеры из практики работы с пожилыми клиентами, обосновывающие приоритет социологического анализа арт-терапии.

Арт-технология как механизм творческого освоения геронтологического этапа жизни

Вхождение в пожилой возраст, прекращение трудовой деятельности сопровождаются изменением темпоральной структуры повседневности. Социальная заданность ритма, давление, нагрузки, говоря иначе, жизнь по расписанию, связанная с трудовой деятельностью, деловыми контактами и сетями, заменяется относительно устойчивым уровнем личностного функционирования, что позволяет воспринимать повседневные события как стабильные. Процесс структурных изменений инициирует необходимость переформатирования старых и выработку новых жизненных правил и стратегий выстраивания жизни по своему распорядку дня, а не по чужому. На геронтологическом этапе можно говорить о новом способе экзистирования, суть которого в освоении расширяющегося пространства свободного времени. Этот

способ предполагает ситуацию выбора, определения жизненных ориентиров, представленных для каждого индивидуально в форме бинарной оппозиции смыслов «потеря – приобретение». Нередко он сопровождается спонтанной иллюзией, что стоит только сбросить оковы социальной заданности жизни и наступит благоденствие. В действительности переход к данному способу экзистирования создает напряжение, связанное с поиском ответных практических действий на новые вызовы, источником которых служит человеческая субъективность, выраженная в смысле жизни и способах его поиска и обретения. Необходима переоценка, которая требует переосмысления эвристических перспектив жизни. Понятие освоения свободного времени амбивалентно, поскольку соотносится как с чужим, так и своим временем. Поэтому характер и способ овладения свободным временем колеблется между гетерономным полюсом полного приспособления к социально одобряемым форматам свободного времени и автономным полюсом суверенного его определения. Освоение свободного времени на геронтологическом этапе жизни – это особая форма опыта, когда надо найти ответы на вопросы. Для чего время свободно? Как им правильно распорядиться? Как избежать дезориентационных и ситуативно обусловленных экспрессивных действий? Для него характерны следующие признаки: самоконтроль (указывает на то, что пожилой человек сам управляет свободным временем посредством предоставленной ему расширенной автономии) и саморационализация (фиксирует направленность на успешное использование материальных, физических, символических и иных ресурсов в рамках жизненной ситуации). Не претендуя на полноту перечисления, выделим несколько вариантов овладения свободным временем на геронтологическом этапе жизненного пути.

Во-первых, свободное время воспринимается как вместилище нужд, инстинктов, потребностей. Оно может ассоциироваться с пустотой, бессодержательностью, что ведет к пассивности, страдательности, претензиям на повышенное внимание со стороны социальных институтов, членов семьи, знакомых. Свободное время может восприниматься и как приобретение полной свободы, свободы от всех и всяческих обязанностей, в том числе и по отношению к собственным детям и внукам. Реальными проявлениями такой установки становятся поступки, совершаемые с ориентацией на свою пользу, удовольствие, объективный эффект. В этих случаях правильнее было бы говорить об овладении чужим временем, о влиянии на темпоральность других людей. Во-вторых, свободное время представляется как его экзистенциальная инверсия, которая становится источником тотального переживания прошлого. «Длинная тень прошлого» (А. Ассман) увеличивает плотность мемориальных воспоминаний на единицу времени, растворяя настоящее, фабрикуя параллельную реальность, что ведет к сокращению опций и понижению конкурентоспособности на данном возрастном этапе. Во всех указанных случаях существует реальная угроза обособления, источник конфликтов, разрушения ценностей. Свободное время превращается во враждебное, «пустое» со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, проявляющимися в форме комплексов, коммуникативных барьеров, «воскресных неврозов».

В геронтологическом пространстве России конструируется новый социальный смысл свободного времени, включающий в себя умение выработать целый ряд разнообразных смыслов и отношений, актуализировать цели,

постоянно находиться в творческом состоянии движения, создать своего рода проект примирения между потерей и приобретением, тонкого их соединения. Очевидно, что чем выше уровень культуры как личности, так и общества, тем больше альтернативных поведенческих вариантов, тем больше шансов избежать крайних оппозиционных смыслов, заводящих пожилого человека в биографический тупик. Креативной формой освоения свободного времени на геронтологическом этапе становится творчество. Не случайно складывается новый тренд, который можно условно назвать «Сделай то, что желал, но не успел». Свободное время выступает как ресурс развития, совершенствования, восстановления жизненных сил. Творческая сущность свободного времени реализуется с помощью различного рода программ геронтологического образования, креативных занятий, направленных на создание и накопление ценностей, а также на увеличение событийной насыщенности повседневной жизни пожилых людей. Помимо субъективных устремлений, выделим основные социальные факторы, которые маркируют оси напряжения в ситуации освоения свободного времени в пожилом возрасте. Речь идет о тех структурных факторах, которые препятствуют реализации креативного способа освоения свободного времени пожилым человеком в контексте сохраняющегося неравенства. Отметим, по нашему мнению, основные моменты:

1. Дефицитарный уровень жизни значительной части населения старшей возрастной группы, инициирующий поиск и реализацию различных практик совладания с неблагоприятными обстоятельствами жизни: продолжение трудовой деятельности, выполнение разовых поручений за вознаграждение, реализация традиционной функции заботы о внуках, что приводит к значительному увеличению трудовой нагрузки на пенсионеров и ухудшению условий отдыха. Необходимость решения повседневных проблем значительно сокращает возможности использования свободного времени пенсионерами, снижает удовлетворенность его объемом и проведением.

2. Устойчивость традиционных геронтологических стереотипов в отношении ресурсных возможностей представителей старшего возраста, в том числе представление о неизбежном выветривании с возрастом желаний и устремлений, связанных с творчеством, которое рассматривается в качестве прерогативы молодого возраста. В качестве ограниченного, замкнутого в себе самом пожилой человек противопоставляется истинной жизни, творческим порывам, присущим молодым людям. В лучшем случае пожилой возраст воспринимается как остановка на определенном уровне развития, ограничивающем процессы творения и инновации. Представление об обеднении и иссушении сценариев жизни в старшем возрасте превращает пожилого человека в краевую фигуру творческого процесса.

3. Сеть формальных предписаний, коммерциализация учреждений досуговых услуг – «индустрия досуга» – приводит к недосягаемости, виртуальности престижных моделей освоения свободного времени, порождает у пожилых людей чувство неуверенности в собственных силах, блокирует использование досуга для реализации творческого потенциала. Многие формы досуга – посещение кино, театров, музеев, выставок, занятия непрофессиональным творчеством, физкультурой и спортом – оказываются за пределами досягаемости для пожилых людей. Невелики возможности и тех представителей геронтологической группы, кто сохранил приверженность печатной

книге и привычку приобретать ее в книжном магазине. Кроме того, принципы организации досуговой сферы исключают ориентацию на возрастные особенности людей. В целом прокатчики предлагают зрителям фильмы, рассчитанные в первую очередь на подростков и молодежь. Именно этих зрителей в кинотеатрах становится все больше, а представителей других возрастных групп – все меньше. Аналогичная ситуация сложилась и в организации отдыха пожилых людей, предоставлении возможных туристических маршрутов.

4. Низкая информированность пожилых людей о различных видах досуга, низкая осведомленность о конкретных местах, где возможно их участие в различных видах активного отдыха. В качестве участников досуговых мероприятий приглашаются, как правило, представители молодежной группы, так как большое количество видов активного отдыха подразумевает значительные материальные затраты, хорошую физическую подготовку и специальные навыки.

5. Низкое качество подготовки кадров, нехватка профессионалов, работающих в учреждениях, организующих внепроизводственную жизнь, способных обеспечить необходимые взаимодействия, направленные на удовлетворение специфических социальных потребностей пожилых людей. Полную непричастность к творчеству пожилой человек переживает как лишение и деградацию, чувствует себя при этом выключенным из нормального хода вещей. Главные мотивы обращения к творчеству – потребность в отдыхе, в познании и самосовершенствовании, в положительных эмоциях, вызванных переживанием творческой деятельности или восприятием искусства, в совместной коллективной деятельности, в выстраивании коммуникативной среды. Самореализация в творческом процессе в значительной степени гасит психологическую реакцию отчаяния, помогает возвысить уязвленное достоинство старшего поколения. Творчество в данном контексте представляет собой квант переживаемого знания о мире, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы. Оно проявляется в различных репрезентативных практиках и возобновляет жизнь в изменившихся условиях. Существующие значительные социальные перепады в отношении реализации креативного способа овладения свободным временем обусловлены наличием или отсутствием определенных социальных технологий, которые не только смягчат социальные противоречия для отдельных пожилых людей, но и смогут создать системы социальной адаптации. С этой точки зрения арт-технология выступает досуговым проектом, реализующим творческие устремления пожилого человека. Эта распространенная сегодня в учреждениях социального обслуживания социальная технология обладает весьма ощутимым влиянием на идентификационные, репрезентативные, коммуникативные стратегии пожилых людей. Она направлена на созидание личности вне приоритетов уникальности, что вытесняет вопрос о «пользе» занятия каким-либо видом художественного, музыкального, прикладного творчества на второй план.

Социальные причины специализированной организации досуга пожилых людей

Помимо индивидуальных особенностей характера, темперамента и ментальности клиентов, с которыми работают специалисты центров социального обслуживания, возраст является мощным социальным фактором, про-

ецирующим общие особенности на всю когорту старшего поколения. Возрастной статус также связан с другими социальными причинами, стимулирующими пожилых людей обращаться в учреждения социального обслуживания, в том числе для проведения досуга.

Во-первых, к таким социальным проблемам относится одиночество [5]. Число социальных ролей пожилых людей вынужденно уменьшается, обрываются их социальные связи и контакты, поэтому в третьем возрасте происходит кризис социальной идентичности. Вместе с обрывом трудовых связей, потерей близких, ухудшением здоровья сокращаются семейные и дружеские контакты. В этом возрасте жизнь требует от человека изменения содержания своих социальных отношений. В условиях исключения человека из трудовой деятельности межпоколенческое общение может быть скорее травмирующим фактором, чем реабилитирующим. Социальная ситуация, вызванная деформацией общения, в сокращенном наборе социальных ролей порождает дефицит общения. Даже если в течение жизни человек был благополучным в трудовой деятельности и семейной жизни, в пожилом возрасте он сталкивается с проблемой социального одиночества, неизбежно ухудшающем его социальное самочувствие.

Во-вторых, понижение экономического статуса людей старшего поколения в связи с выходом на пенсию и прекращение трудовой занятости порождает массовую бедность среди них. Методологическое значение имеют результаты эмпирических исследований, проведенных по федеральным репрезентативным выборкам населения в области социологии культурно-досуговой деятельности, которые в последние два десятилетия фиксируют экономические причины досугового поведения россиян. Коммерциализация досуговой сферы в рыночных условиях привела к тому, что досуг россиян стал прямо зависеть от материального положения человека [6]. Поэтому в структуре свободного времени в современном российском обществе преобладают формы пассивного досуга, и более всего – просмотр телевизора. Пенсионеры, как депривированная по экономическому параметру группа населения, значительно больше времени по сравнению с представителями остальных возрастных групп проводят время «у телеящика».

Организация социального обслуживания выступает учреждением, предоставляющим досуговые услуги по очень низким ценам. Например, в комплексном центре социального обслуживания населения Энгельсского района одно занятие по обучению живописи в течение полутора часов стоит 6 рублей 50 копеек для тех клиентов, пенсия которых больше десяти тысяч рублей. Для остальных неработающих пенсионеров все занятия разными видами творчества в клубах центра проводятся бесплатно.

В-третьих, возрастной статус является определяющей причиной эстетических вкусов. Это происходит не в силу физиологических различий молодости и старости, а по причине особенности социального опыта. В ментальности пожилых людей большое значение имеют воспоминания, обстоятельства жизни переосмысляются ими ушедшими сюжетами молодости [7, с. 29]. Наряду с общими традициями культуры определенного этноса и территории, люди были включены в течение жизни в разные стилевые контексты культуры. Социальная обусловленность проявляется в тех предпочтениях, которые пожилые люди проявляют в выборе песен, стихов, танцев, стилей живописи, жанров литературы и кино.

Социальные индикаторы процесса арт-технологии

На базе государственного автономного учреждения Саратовской области «Комплексный центр социального обслуживания населения Энгельсского района» досуговая работа с пожилыми людьми реализуется в масштабе крупного районного города. В центре клиенты вовлекаются в различные виды творческой деятельности в плане социокультурной реабилитации как в стационарной, так и в полустационарной форме обслуживания. С клиентами работают специалисты, профессиональный опыт которых по применению арт-технологии в досуговой работе составляет более 15 лет. Они были выбраны в качестве экспертов для опроса, проведенного С. В. Климовой методом свободного интервью в январе 2017 г.

В центрах социального обслуживания арт-терапия с пожилыми людьми проводится в формах культурно-досуговой работы, которые наполняются разнообразными по содержанию практиками контакта с продуктами творчества (музыкой, поэзией, живописью, танцами, театром и пр.) или самостоятельного творческого процесса. Психологические компоненты арт-терапии присутствуют на «входе» и на «выходе» работы специалиста с клиентом. Для работы с пожилыми людьми специалисту важно создать с ними психологический контакт, основанный на эмпатии и доброжелательности. В итоге творческая работа должна «переплавить» отрицательные эмоции клиентов.

Однако данные интервью свидетельствуют о том, что терапевтический эффект занятий творчеством определяется в большей степени социальным фактором – групповой формой занятий. Во время занятий важен не только индивидуальный творческий процесс, но и социальное содержание контакта в группе. «Индивидуальный подход обязателен, но и групповое общение тоже. Никто из присутствующих не чувствует себя изгоем. Важно мнение других. Если у кого-то что-то получилось – общая радость. Она должна проникнуть в каждого. Эта радость создает энергетический подъем, будит новые способности. Вот эта общая радость и есть главное в нашей работе, я думаю» (из интервью с экспертом).

Важной также является оценка продукта творчества – групповая или внешняя. С помощью нее человек получает доказательство своей реализации, выходит из оболочки одиночества «в мир», поэтому арт-технология обязательно сопровождается выставками арт-продуктов. «У нас организуются выставки работ наших клиентов. Картины висят по месяцу. Люди выходят из своей скорлупы. Выход “в люди” лишает изоляции пожилого человека, а здесь можно культурным способом избавиться от изоляции, продемонстрировав другим людям свой креативный продукт» (из интервью с экспертом).

Исследование также свидетельствует о том, что досуговый стереотип советского периода – культурно-массовые мероприятия – являются весьма эффективной формой арт-технологий для улучшения социального самочувствия пожилого человека, избавления от самоидентификации одинокого и ненужного в обществе.

Этот факт подтверждает опыт использования арт-терапии с пожилыми клиентами других учреждений. В практических исследованиях отмечается очевидная эффективность группового подхода в арт-терапии [8]. Благодаря коммуникационному процессу, в группе возникает обмен чувствами и на-

блюдениями в процессе творчества. Участник занятий, который трудится над собственным арт-продуктом, тем не менее является соучастником общего дела, что способствует атмосфере сплоченности, доброжелательности, эмоциональной поддержке друг друга. Наблюдения специалистов показывают, что социальное взаимодействие в коллективе «творцов» обусловливает снижение дискомфортных психологических явлений – тревожности и депрессивности.

Через клубную деятельность осуществляется социализация людей пожилого возраста. Клубы по интересам способствуют формированию новой социальной идентичности человека после выхода на пенсию: помогают найти новые цели в жизни, мотивы для приобретения новых знаний, продлить активную жизнь. Вовлекаясь в творческий процесс, многие люди впервые обретают себя.

Любые групповые занятия творчеством в центре социального обслуживания – обучение прикладному искусству, живописи, пение, танцы – можно номинировать как технологию, которая развивает у пожилых людей совладающие с одиночеством жизненные стратегии. При проведении досуга в центре приобретаются новые знакомства. Совместная деятельность искусством объединяет людей. «Важно отметить, что пожилые люди, которые приходят к нам, большей частью одиноки. И посещение мероприятий расширяет их круг общения, что для них очень ценно. Они остаются после мероприятия, чтобы его обсудить, общаются, знакомятся между собой» (из интервью с экспертом).

Скорее социальным, а не психологическим фактором являются профессиональная компетенция специалиста, его креативные способности, личная увлеченность искусством, благодаря которым он способен создать психологический эффект – «заразить» клиентов собственной увлеченностью, преобразованной в положительные эмоции. Профессиональная квалификация – часть трудового потенциала личности, который, в свою очередь, является ее социальной характеристикой. Для специалиста по социальной работе, занимающегося организацией досуга пожилых людей, в профессиональную компетенцию включаются как личное знание культуры, владение каким-либо видом искусства, так и профессиональный стиль общения с пожилыми клиентами. «Люди эти к нам приезжают много лет. Мы при встречах уже обнимаемся, целуемся. Они к нам относятся как к родственникам, чувствуя наше к ним искренне и доброе отношение. При встрече говорят: “Как мы по вас соскучились!”. Люди нуждаются в добре и ласке, их они недополучают от своих детей. Дети очень загружены, заняты. Дети на пяти работах: времени на своих родителей не хватает» (из интервью с экспертом).

***

Социологический анализ досуга старших поколений в современном российском обществе выявляет доминанту социально-экономических и социокультурных оснований для рассмотрения практических вопросов его организации в системе социального обслуживания. Психологические факторы высвечиваются в виде социально-психологических компонентов социального процесса адаптации личности к условиям конкретной экономической ситуации и культурного контекста, в которых протекает жизнь пожилого человека.

Творческая деятельность способна реабилитировать пожилого человека в сложной жизненной ситуации. Она помогает ему в условиях возрастной утраты многих социальных ресурсов и позиций приобрести новые умения и навыки, пополняя его человеческий и культурный капитал. В результате повышается социальная самооценка личности, вызывая улучшение ее психологического состояния.

Библиографический список

1. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / под ред. проф. Е. И. Холостовой, проф. Г. И. Климантовой. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 552 с.
2. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации / под ред. проф. Е. И. Холостовой, проф. Г. И. Климантовой. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 824 с.
3. Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации / под ред. проф. Е. И. Холостовой, проф. Г. И. Климантовой. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 752 с.
4. Российская энциклопедия социальной работы / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Е. И. Холостовой. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. – С. 44–47.
5. **Елютина, М. Э.** Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте / М. Э. Елютина, О. А. Трофимова // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 37–50.
6. Сколько свободного времени у россиян и как они его проводят? // Фонд общественного мнения. – URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880/ (дата обращения: 21.04.2017).
7. **Шатохина, В. А.** Ментальность человека старшего возраста / В. А. Шатохина. – М. : Социальное обслуживание, 2016.
8. **Пчелина, И. А.** Применение арт-технологии в коррекционной работе с пожилыми людьми и инвалидами в доме-интернате для престарелых и инвалидов / И. А. Пчелина, М. Н. Сукочева // Социальное обслуживание. – 2015. – № 6. – С. 12–23.

References

1. *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki pozhilykh lyudey v Rossiyskoy Federatsii* [The encyclopedia of social practices to support the elderly in the Russian Federation]. Eds. prof. E. I. Kholostova, prof. G. I. Klimantova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2015, 552 p.
2. *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki invalidov v Rossiyskoy Federatsii* [The encyclopedia of social practices to support the handicapped in the Russian Federation]. Eds. prof. E. I. Kholostova, prof. G. I. Klimantova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2015, 824 p.
3. *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki sem'i i detstva v Rossiyskoy Federatsii* [The encyclopedia of social practices to support the family and childhood in the Russian Federation]. Eds. prof. E. I. Kholostova, prof. G. I. Klimantova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2015, 752 p.
4. *Rossiyskaya entsiklopediya sotsial'noy raboty* [The Russian encyclopedia of social work]. Ed. E. I. Kholostova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2016, pp. 44–47.
5. Elyutina M. E., Trofimova O. A. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The journal of sociopolitical research]. 2017, vol. 15, no. 1, pp. 37–50.
6. *Fond obshchestvennogo mneniya* [The public opinion foundation]. Available at: http://fom.ru/Obraz-zhizni/10880/ (accessed April 21, 2017).

7. Shatokhina V. A. *Mental'nost' cheloveka starshego vozrasta* [Elderly person's mentality]. Moscow: Sotsial'noe obsluzhivanie, 2016.
8. Pchelina I. A., Sukocheva M. N. *Sotsial'noe obsluzhivanie* [Social servicing]. 2015, no. 6, pp. 12–23.

Елютина Марина Эдуардовна
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 120, корп. 7)

E-mail: elutinal33@mail.ru

Elutina Marina Eduardovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of sociology of social work, Saratov State University (building 7, 120 Bolshaya Kazachya street, Saratov, Russia)

Климова Светлана Владимировна
доктор социологических наук, профессор, специалист по социальной работе организационно-методического отделения, государственное автономное учреждение Саратовской области «Комплексный центр социального обслуживания населения Энгельсского района» (Россия, Саратовская область, г. Энгельс, ул. Брянская, 8)

E-mail: klimovasv@yandex.ru

Klimova Svetlana Vladimirovna
Doctor of sociological sciences, professor, social work specialist, organizational-methodical department, State Autonomous Institution of Saratov region "Comprehensive Center for Social Services for the Population of Engels District" (8 Bryanskaya street, Engels, Saratov region, Russia)

УДК 364.044
Елютина, М. Э.
Арт-технология в социальной работе с пожилыми людьми: социологическое измерение / М. Э. Елютина, С. В. Климова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 128–137. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-14

УДК 316.342.5
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-15

Л. И. Найденова, Е. В. Вострокнутов, Н. В. Осипова

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗЫ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Важной проблемой современных социологических исследований становится появление сравнительно новых социальных слоев (например, прекариата) и последующих изменений в социальной структуре современного российского общества. Цель работы – проанализировать тенденции и возможности появления данного социального явления на примере прекариата, известного в качестве социального слоя в российской социологии и в качестве класса в зарубежной социологии, и вывести качественные прогнозы последствий в результате возможных изменений в социальной структуре современного российского общества. В данной работе представлен обзор и анализ социологических исследований по проблемам формирования прекариата как нового социального слоя (класса) в разных странах. Авторы анализируют труды российских социологов по проблемам, связанным с формированием прекариата в социальной структуре общества, а также новейшие исследования социологов, связанные с таким относительно новым явлением, как возникновение социальных рисков, предвидение которых очень важно для социальной стабильности общества.

Материалы и методы. Методология исследования основана на системном подходе, который позволяет достоверно представить классификацию условий и факторов появления прекариата в современном российском обществе, а также появления социальных рисков в процессе дальнейшей социальной стратификации современного российского общества. На основании теоретического анализа и по материалам вторичного анализа данных авторы предлагают качественные варианты прогнозов в отношении социального поведения не только прекариата как нового социального слоя, но и в отношении некоторых других социальных групп в современном российском обществе, что может подействовать на социальную стабильность.

Результаты. В статье проанализированы условия и факторы возможности появления прекариата в современном российском обществе на основе вторичного анализа результатов исследований современных российских социологов. Выявлено, что низкая конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений, а также излишняя доступность высшего образования, оборотной стороной которой бывает низкая вероятность трудоустройства по полученной специальности, являются достаточно важными факторами пополнения прекариата за счет выпускников высших учебных заведений.

Выводы. На основе изученных материалов определены социально-статусная сущность, классифицированы социальные признаки, выделены группы факторов, способствующих увеличению численности прекариата (в том числе за счет выпускников высших учебных заведений), а также обусловливающих направленность его социального поведения. Показано, что появление новых социальных групп в социальной структуре и изменение статуса в социальной стратификации уже являются факторами возможных социальных рисков в ближайшем будущем.

Ключевые слова: прекариат, социальная стратификация, социальная структура, класс, социальный слой, социальные риски.

L. I. Najdenova, E. V. Vostroknutov, N. V. Osipova

TRENDS AND FORECASTS OF SOME NEW SOCIAL STRUCTURAL CHANGES IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract.

Background. An important problem of modern sociological research is the emergence of relatively new social strata (for example, the precariat), and subsequent changes in the social structure of the contemporary Russian society. The aim of this work is to analyze the trends and opportunities of the emergence of this social phenomenon by the example of the precariat, known as the social layer of Russian sociology and a class in international sociology, as well as to bring qualitative predictions of consequences of possible changes in the social structure of the modern Russian society.

Materials and methods. The research methodology is based on the system approach which allows to reliably classify the conditions and factors of the emergence of the precariat in the contemporary Russian society, as well as the emergence of social risks in the process of further social stratification of the modern Russian society. On the basis of the theoretical analysis and content analysis of secondary data, the authors propose a qualitative scenario in relation to social behavior not only of the precariat as a new social stratum, but also in relation to some other social groups in the Russian society that may influence social stability.

Results. The article analyzes the conditions and factors of the precariat emergence possibility in the contemporary Russian society on the basis of the secondary analysis of research results of modern Russian sociologists. It is revealed that the low competitiveness of graduates from higher educational institutions, as well as the excessive availability of higher education, the flip side of which is a low probability of employment in their desired occupations – are fairly important factors in the replenishment of the precariat graduates of higher educational institutions.

Conclusions. On the basis of the studied materials, the article determines the social status essence, classifies social characteristics of the selected group of factors contributing to an increase in the number of the precariat (including graduates of higher educational institutions), as well as contributing to the orientation of its social behavior. It is shown that the emergence of new social groups in the social structure and the change of status in the social stratification can already be considered as factors of probable social risks in the near future.

Key words: precariat, social stratification, social structure, class, social layer, social risks.

Введение

Реализация идей неолиберализма привела к тому, что произошло повышение эффективности экономики, но одновременно значительно деформировалась социальная структура общества во многих странах. Происходят качественные изменения в социальной структуре того общества, которое все чаще называют информационным. Возникают вопросы, которые составляют предмет и задачи для исследований новых явлений в социальной структуре современного общества. Какие из них вызваны появлением нового социального класса или слоя – прекариата? Является ли появление прекариата следствием произошедших изменений в социальной структуре? Какова вероятность появления новых социальных групп и чем это будет сопровождаться?

Поэтому возникает необходимость классифицировать разные понятия и их содержание, сделать сравнительный анализ на примере описания социальных признаков прекариата как нового явления, чтобы определить тенденции и факторы его развития и возможных изменений в современном российском социуме.

Цель работы – проанализировать тенденции и возможности появления нового социального слоя на примере прекариата, известного в качестве социального слоя в российской социологии и в качестве класса – в зарубежной социологии, и вывести качественные прогнозы возможных изменений в социальной структуре современного российского общества.

1. Материал и методика

Методология исследования основана на системном подходе, чтобы представить классификацию условий и факторов появления прекариата в современном обществе. Общие научные методы познания – анализ, сравнение, обобщение. Эмпирический метод исследования – анализ текстов научных работ современных российских социологов, посвященных тематике изменений в социальной структуре.

2. Результаты

На основе изученных материалов в статье сделаны выводы о возможном месте прекариата и других аналогичных социальных групп в социальной структуре современного российского общества, о их ролях в процессах социальной стратификации общества, о вероятности изменений социальной структуры общества при условии дальнейших тенденций к их развитию.

Методология и результаты исследований структуры и основных социальных признаков всесторонне представлены в научных трудах российского социолога Ж. Т. Тощенко [1]. Российские социологи З. Т. Голенкова и Ю. В. Голиусова обозначают понятием «прекаритет» «непредсказуемые, ненадежные и небезопасные условия существования, приводящие к материальному и психологическому неблагополучию» [2, с. 8]. Они же отмечают, что для представителей общественного слоя, именуемого прекариатом, общими проявлениями является эмоциональная нестабильность, тревожность, чувство неуверенности в будущем.

Г. Стендинг дает достаточно подробную характеристику социальным группам современного западного общества и называет три социально-демографические группы, которые можно включить в «группу риска прекаризации»*:* это молодежь; женщины; пожилые люди [3].

3. Обсуждение

Обобщенные социологические характеристики социальных слоев и групп, соответствующие концепции социальной стратификации, – это владение собственностью на средства производства; место и роль в системе социально-экономических отношений; место в социально-демографической структуре общества; доходы; образование.

К группам, пополняющим прекариат, по результатам исследования Ж. Т. Тощенко и других российских социологов [1], следует отнести:

– Во-первых, часть трудоспособного населения, занятого только на временной работе и по этой причине лишенного прав, которыми обладают

постоянно работающие сотрудники с гарантированной занятостью. У временных работников практически нет возможностей профессионального роста и карьеры, и именно это становится причиной превращения временной занятости в «постоянную» [1, с. 4].

– Во-вторых, это работники с неполным рабочим днем, а также с возможностями только сезонных или вообще случайных заработков.

– В-третьих, это достаточно многочисленная группа безработных с профессиональным (высшим и средним) образованием, представители так называемой «скрытой безработицы», которые официально не зарегистрированы в службе занятости.

– В-четвертых, это представители «креативных профессий» (например, специалисты по информационным технологиям), а также лица, занятые фрилансом, т.е. независимой от постоянного работодателя деятельностью (независимые журналисты, некоторые правозащитники). Отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается социально-политической беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, лишением стабильности в будущем.

– В-пятых, это часть работников, занятых заемным трудом, содержанием которого составляют выполнение заказов или оказание услуг другим организациям [4, с. 22].

– В-шестых, это немалая часть мигрантов [1, с. 5].

– В-седьмых, это стажеры и часть студенчества, которые находятся в состоянии неопределенности и поэтому вынуждены соглашаться на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей [1, с. 6].

В российской социологии наибольший вклад в анализ прекариата внесли исследования З. Т. Голенковой и Ю. В. Голиусовой. Прекариат рассматривается как социальная группа в структуре российского общества. В российской реальности, это временные работники либо имеющие частичную занятость и не заключившие трудовой договор с работодателем, вследствие чего они не имеют никаких социальных гарантий. К прекариату отнесены категории работников: выведенные за штат (аутстаффинг, лизинг персонала); работающие (по инициативе работодателя) неполное рабочее время [5, с. 125]. З. Т. Голенкова и Ю. В. Голиусова приходят к таким выводам: формирование прекариата в России несомненно, но последствия его формирования могут быть негативными, так как нестабильная занятость приводит к психологической и социальной нестабильность, которые уже провоцируют протестное поведение людей [2, с. 11]. Таким образом, возникает вероятность протестного поведения прекариата.

На наш взгляд, можно сделать еще один важный вывод. Изменчивость и гибкость являются условиями возникновения неустойчивой занятости прекариата и, следовательно, его неустойчивого социального статуса.

Возможно, что формирование предпосылок для появления прекариата начинается уже в старших классах в системе общего образования. При поступлении в систему профессионального образования (чаще высшего, чем среднего) нередко проявляется профессиональная неопределенность, отсутствие самоопределения. Доступность профессионального образования, превращение его в платное, отсутствие каких-либо перспектив поступления на работу по полученной специальности и самостоятельное трудоустройство

способствуют снижению социальной ценности профессионального образования в общественном сознании молодежи. Одновременно при этом формируется отношение к будущей профессии как к необязательному или временному занятию, а не как к трудовой занятости. Это является субъективным фактором, обусловливающим социальные перемещения выпускников вузов в прекариат.

Трудоустройство выпускников вузов, особенно с учетом их карьерных ожиданий, является одной из наиболее острых социальных проблем современного российского общества. В результате исследований, проведенных Н. В. Осиповой (2012), было выяснено, что в сознании выпускников преобладают докризисные представления о высокой доходности и перспективности осваиваемых ими специальностей, о привлекательности места работы, востребованности полученных знаний. Но выяснилось, что «марка» образовательного учреждения еще не гарантирует высокого качества обучения [6, с. 175]. И это не только проблема одного региона, это достаточно устойчивая тенденция во многих регионах РФ.

Современные социологи исследуют возможности и факторы не только появления новых социальных групп, но и происходящих изменений в существующих социальных группах, которые всегда были характерными для любого социума. Происходящие изменения таковы, что можно предполагать серьезные превращения существующих групп в иные, с теми же социальными признаками и статусами, но измененными ценностями, отношением к социальным институтам как к регуляторам социального поведения. Это создает основу для научных предвидений о сценариях будущих социальных процессов с участием представителей таких групп или слоев.

Ю. Г. Волков разрабатывает категорию «креативный класс», незнакомую большинству населения с точки зрения сложившихся нравственных и духовных устоев российского общества. Но эта креативность приобретает совершенно иной, нетрадиционный характер и имеет своеобразное содержание. Креативность оказывается не только инновационным средством, но и удобным социокоммуникативным средством манипулирования, например, молодежным поколением, и создает возможности для социальной дестабилизации в стране и в региональном социуме. Это объясняется тем, что именно сумма сознаний индивидов – потребителей массмедиа – вырабатывает общий итог совместных мотивов, намерений, убеждений, которые обнаруживают огромную духовную пропасть с мотивами и убеждениями предыдущих поколений [7, с. 28]. А это уже создает предпосылки для не только протестного, но и для конфликтного поведения молодежи как социально-демографической группы и создает основания для вероятного втягивания в это конфликтное поведение и других социально-демографических групп, противоположных по своим намерениям и убеждениям с молодежной группой.

При этом важную роль играет современное развитие информационно-коммуникационных технологий. Это развитие создало огромные возможности для активного взаимодействия людей и для формирования новых сообществ с ситуативной или же достаточно устойчивой идентичностью, но при этом не привязанных жестко к физическому пространству [8, с. 70]. Однако все чаще социальные сети начинают приобретать смешанный характер. С одной стороны, виртуальное общение усиливает и делает более регулярной

коммуникацию между друзьями, знакомыми, родственниками и коллегами, превращая зачастую «слабые» связи в «сильные». С другой, виртуальные социальные сети все чаще используются как инструмент мобилизации участников коллективных действий и рекрутирования потенциальных членов общественными организациями, движениями и проектами [8].

Важным основанием в социологическом понимании риска явилось выделение двух его форм – средового риска как условия жизнедеятельности (объективного) и деятельностного риска (субъективного). Исходя из этого, риск определяется как характеристика деятельности или средовых условий жизнедеятельности личности, группы, общества при переходе от состояния определенности к неопределенности и наоборот, когда появляется возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели, с учетом морально-этических норм [9, с. 59; 10, с. 41; 11, с. 136, 137].

Поскольку социальные риски являются следствием деятельности человека, зависят от характера его отношений в обществе, то и формой их выражения становятся изменения характеристик жизнедеятельности людей, их сознания и самоощущений. Среди множества возможных индикаторов социального риска в пространстве жизнедеятельности людей заметно выделяются снижение качества жизни, рост социальной напряженности, социальная неопределенность и вынужденная миграция. В этих показателях достаточно полно отражены: социологические стороны существования индивида в социуме; условия субъективной реальности, в которых живут индивиды и которые отражаются в их сознании также в виде определенного типа субъективной реальности, и деятельностные показатели, характеризующие реакции индивидов на измененные условия среды обитания [9, с. 61].

Средовой риск возникает вследствие неконтролируемых изменений условий жизнедеятельности. Когда в них нет всех необходимых для полноценной жизнедеятельности индивида в среде обитания факторов, эти условия перестают быть достаточными, становятся неопределенными. Установлено, что деятельностный риск – это активный способ преодолеть неопределенности и создать новые условия жизнедеятельности как социальной реальности. В процессе такого создания (конструирования) средовые риски приобретают форму деятельностных [9, с. 64].

И такой процесс принимает всеобщий характер, потому что замыкается через среду – природную, техническую, социальную [12, с. 21]. На субъективном уровне данная ситуация преобразуется в мотивационные структуры и разнообразные поведенческие реакции, проявляющиеся либо через повышенную тревожность, ощущение беспомощности и страха перед неконтролируемой реальностью, апатию и нигилизм, либо через самоорганизацию, которая переходит в активные установки в условиях открытой реальности, и уже эта реальность воспринимается как объект конструирования. Взаимодействие средового и деятельностного риска формирует в сознании людей рискогенную реальность. Одновременно с этим деятельностный риск становится и способом преодоления неопределенности в среде обитания, и значимым фактором преобразования этой среды.

Возникает не столько опасность того, что прекариат будет вести себя агрессивно, сколько вероятность того, что такие средовые и деяельностные риски изменят привычное и обычное социальное поведение многих других

социальных групп и слоев. А эта вероятность неодинакова по разным регионам, так как в разных регионах разные вероятности техногенных и других рисков.

На наш взгляд, можно предложить следующие варианты прогнозов по вероятностям:

1) вариант-максимум, который является наиболее благоприятным для стабильности и основой для которого является социальная политика государства, направленная на сохранение стабильности путем поддержания социальных статусов, уже достигнутых многими представителями разных групп и слоев. Этот вариант означает, что представители этих слоев относительно успешно адаптируются к настоящим и будущим социально-экономическим переменам и их социальные интересы и мотивы не приведут к протестным действиям;

2) вариант-минимум, который является наименее благоприятным для социальной стабильности и который означает «выживание в одиночку», т.е. стремление адаптироваться к переменам своими собственными способами. В этом случае наиболее вероятно возникновение не только протестных действий, но, скорее всего, форм девиантного поведения, которые начнут носить почти массовый характер;

3) вариант реальный, который является разным для различных регионов (субъектов) РФ, поскольку все регионы различаются по своим социально-экономическим статусам, территориальным и социально-демографическим характеристикам и другим показателям. В этом случае формы протестного и девиантного поведения скорее приобретут локальный характер, появление прекариата, а также других измененных групп в социальной структуре будет иметь также локальный характер.

Выводы

На основе результатов исследований, проведенных отечественными и зарубежными социологами, возможно классифицировать обобщенные социологические характеристики прекариата в социальной структуре и стратификации общества:

– *по признаку отношения к собственности*. В собственном владении средства производства у прекариата не имеются. Вероятнее всего, это наемные работники и самозанятые, которые обычно лишены доступа к средствам производства и имеют только приобретенные орудия труда, необходимые для работы (компьютерная техника, оргтехника);

– *по месту и роли в организации труда*. Это занятые выполнением наемной работы по заказам других субъектов трудового процесса. Представители прекариата – это обычно наемные работники, занятость которых носит временный характер и часто меняется, при этом меняется место работы и даже содержание труда.

Доходы представителей нового социального слоя или класса разные и нестабильные. В соответствии с неполной, частичной и непостоянной занятостью доходы также нестабильные и часто достаточные только для поддержания уровня прожиточного минимума, временами – достаточные для получения материальных благ, доступных среднему классу, но характерных именно для данной социальной группы (например, приобретение подержанной машины, оплата лечения, отдыха, обучения – при необходимости).

Образование чаще высшее профессиональное, но которое не всегда является средством социальной мобильности. Обычно уровень образования достаточно высокий. Но это скорее является следствием явления, которое можно назвать избыточным образованием. Излишняя доступность профессионального образования снижает его ценность.

Такой социальный статус скорее можно назвать смешанным. Ранг статуса зависит от оценки ближних и дальних социальных групп, слоев.

Могут быть различные варианты прогнозов формирования подобных групп и их социального поведения в зависимости от социальной политики государства, от социально-экономических характеристик жизнедеятельности региона.

Заключение

На основе обзора можно сделать такой основной вывод. Представители прекариата уже появились как социальные группы в социальной структуре общества в разных странах. Можно согласиться с выводами известных социологов (Г. Стэндинг, Ж. Т. Тощенко) о вероятной дестабилизации социально-политической ситуации вследствие появления прекариата, о вероятности дальнейшей прекаризации, в том числе молодежи как значительной социально-демографической группы.

Поэтому необходимы дальнейшие исследования, предметом которых должно быть прежде всего соответствие полученного профессионального образования и трудоустройство выпускников с профессиональным образованием, чтобы своевременно отследить социальную основу изменения статусных признаков новых социальных групп.

Можно предположить и другие варианты прогнозов. Следует опасаться не только и не столько появления новых слоев или классов, которые могут разрушить привычную схему социальной стратификации, но и изменения поведения уже существующих, традиционных социальных групп и слоев. Этому способствуют массовые коммуникации, которые сокращают социальные, а не только физические дистанции, привлекают к себе все больше индивидов, вступающих через информационное взаимодействие в новые социальные отношения – виртуальные, которые могут превратиться в неуправляемое поведение. Это важное направление новых будущих исследований.

Библиографический список

1. **Тощенко, Ж. Т.** Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3–13.
2. **Голенкова, З. Т.** Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и практика. – 2013. – № 3. – С. 5–14.
3. **Стэндинг, Г.** Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
4. **Козина, И. М.** Работники заемного труда / И. М. Козина // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 19–31.
5. Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. – М. : Новый хронограф, 2015. – 368 с.
6. **Косникова, Е. И.** Трудоустройство выпускников учреждений профессионального образования: опыт Пензенской области / Е. И. Косникова, Р. А. Гуляев, Н. В. Осипова // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных

услуг в регионах России : сб. докл. по материалам Девятой Всерос. науч.-практ. интернет-конф. / под ред. В. А. Гуртова. – 2012. – С. 175–186.
7. **Волков, Ю. Г.** Креативное общество как цель российской модернизации / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 25–32.
8. **Реутов, Е. В.** Социальные сети в реальном и виртуальном пространстве местных сообществ: границы пересечения / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова // Власть. – 2017. – № 5. – С. 68–73.
9. **Зубок, Ю. А.** Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 57–66.
10. **Чупров, В. И.** Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М. : Наука, 2003. – 231 с.
11. **Зубок, Ю. А.** Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок. – М. : Мысль, 2007. – 288 с.
12. **Яницкий, О. Н.** Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3–35.

References

1. Toshchenko Zh. T. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2015, no. 6, pp. 3–13.
2. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. *Sotsiologicheskaya nauka i praktika* [Sociological science and practice]. 2013, no. 3, pp. 5–14.
3. Stending G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press, 2014, 328 p.
4. Kozina I. M. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2013, no. 5, pp. 19–31.
5. *Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii* [A wage worker in modern Russia]. Execut. ed. Z. T. Golenkova. Moscow: Novyy khronograf, 2015, 368 p.
6. Kosnikova E. I., Gulyaev R. A., Osipova N. V. *Spros i predlozhenie na rynke truda i rynke obrazovatel'nykh uslug v regionakh Rossii: sb. dokl. po materialam Devyatoy Vseros. nauch.-prakt. internet-konf.* [Demand and offer in the labor market of educational services in regions of Russia: proceedings of 9th All-Russian scientific and practical online conference]. 2012, pp. 175–186.
7. Volkov Yu. G. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2011, no. 11, pp. 25–32.
8. Reutov E. V., Reutova M. N. *Vlast'* [The power]. 2017, no. 5, pp. 68–73.
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2017, no. 5, pp. 57–66.
10. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Uil'yams K. *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth in the society of risks]. Moscow: Nauka, 2003, 231 p.
11. Zubok Yu. A. *Fenomen riska v sotsiologii: opyt issledovaniya molodezhi* [The risk phenomenon in sociology: the experience of youth studies]. Moscow: Mysl', 2007, 288 p.
12. Yanitskiy O. N. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2003, no. 1, pp. 3–35.

Найденова Людмила Ивановна
доктор социологических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Najdenova Ludmila Ivanovna
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of pedagogy and psychology, Penza State Technological University (1a/11 Baidukova lane / Gagarina street, Penza, Russia)

Вострокнутов Евгений Владимирович
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: lomovchik@gmail.com

Vostroknutov Evgeniy Vladimirovich
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of pedagogy and psychology, Penza State Technological University (1a/11 Baidukova lane / Gagarina street, Penza, Russia)

Осипова Наталья Владимировна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: O-Natali-V@mail.ru

Osipova Natalia Vladimirovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of pedagogy and psychology, Penza State Technological University (1a/11 Baidukova lane / Gagarina street, Penza, Russia)

УДК 316.342.5

Найденова, Л. И.

Тенденции и прогнозы некоторых новых изменений в социальной структуре современного российского общества / Л. И. Найденова, Е. В. Вострокнутов, Н. В. Осипова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 138–147. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-15

УДК 316.334.23
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-16

С. Г. Михнева, В. Н. Супиков, И. А. Юрасов, О. Н. Юрасова

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие гражданского общества Российской Федерации является в настоящее время важной задачей Концепции долгосрочного социально-экономического развития нашей страны. Одним из социальных институтов гражданского общества являются социально ориентированные некоммерческие организации. Эти организации действуют в различных сферах жизни российского общества. На их развитие делает основную ставку российское государство. Но, как показывают многочисленные данные вторичных социологических исследований, их деятельность остается за рамками интересов большинства обычных граждан Российской Федерации. Слабая популярность некоммерческих организаций часто объясняется политической пассивностью жителей России, поиском новых, более адекватных для нашей страны форм социально-политической и социально-экономической активности населения. Главная причина слабой популярности некоммерческих организаций коренится в слабой информационной освещенности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования проводились массовый, экспертный опросы, глубинные интервью.

Результаты. Исследование выявило слабую информированность населения Пензенской области о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и недоверие жителей региона к их деятельности.

Выводы. В ходе исследования было выявлено негативное отношение большинства жителей Пензенского региона к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Причины этого отношения – слабая информированность населения об их деятельности, слабая гражданская активность жителей Пензы и другие альтернативные формы гражданской активности в провинциальном городе.

Ключевые слова: некоммерческие организации, гражданское общество, социальная политика, социально ориентированные организации.

S. G. Mikhneva, V. N. Supikov, I. A. Yurasov, O. N. Yurasova

THE ATTITUDE OF PENZA REGIONAL POPULATION TO THE ACTIVITIES OF SOCIO-ORIENTED NPO

Abstract.

Background. At the present time, development of the Russian civil society is an important task of the Conception of long-term socioeconomic development of Russia. One of the social institutes of civil society is socially-oriented nonprofit organizations. These organizations operate in various fields of the Russian social life. It is the development of these institutions that the Russian government counts on. Althogh, according to multiple data of secondary sociological studies, their activity flows beyond the limits of interest of the majority of regular Russian citizens. Weak popularity of nonprofit organizations is often caused by political inactivity of Rus-

sians, by the search for new forms of sociopolitical and socioeconomic activities more suitable for out country. The main source of weak popularity of nonprofit organizations is scarce information coverage regarding the activity of socio-oriented nonprofit organizations.

Materials and methods. To achieve the research goal the authors conducted mass and expert surveys, in-depth interviews.

Results. The research has revealed weak Penza regional population's awareness about the activities of socially oriented nonprofit organizations and regional dwellers' distrust to the said activities.

Conclusions. The study has found out that the majority of Penza regional citizens have a negative attitude to the activities of socio-oriented nonprofit organizations. The cause of such attitude – the weak population's awareness about their activities, the weak civil activity of Penza residents and other altenrative form of civil activities in the provincial town.

Key words: nonprofit organization, civil society, social policy, socio-oriented organizations.

Одним из приоритетов Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года является развитие институтов гражданского общества. При этом развитие институтов гражданского общества включено в состав задач деятельности Минэкономразвития Российской Федерации. Кроме того, одной из задач деятельности органов исполнительной власти является поддержка благотворительной деятельности и волонтерства, которая реализуется в рамках Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р. Таким образом, деятельность социально ориентированных НКО является важной и полезной для развития гражданской активности и инициативы в Российской Федерации [1–4].

В настоящее время понятие «некоммерческая организация» (далее НКО) имеет широкое распространение в сфере благотворительности и социальных проектов. Основными векторами социальной деятельности НКО являются: профсоюзная деятельность, благотворительность, этническое направление, спорт и туризм, поддержка инвалидов, культурно-историческое направление, поддержка ветеранов, школьное самоуправление, правозащитное направление, обустройство жилых территорий. Как институт гражданского общества, некоммерческие организации выполняют в трансформирующемся российском обществе целый ряд важных социальных функций. НКО представляют собой инициативные, самодеятельные, самоуправляемые, обладающие определенной структурной устойчивостью группы людей, добровольно объединившихся для достижения общих целей и реализации общих интересов. Они являются инициативными, самодеятельными, самоуправляемыми, обладающими определенной структурной устойчивостью группой людей, добровольно объединившихся для достижения общих целей и реализации общих интересов [2, 3, 5].

Но специфика гражданского общества в Российской Федерации влияет на деятельность социально ориентированных НКО (далее СО НКО). Часто население не представляет, в чем состоит цель и задачи их деятельности, не поднимет специфику их работы [4, 6, 7].

Целью настоящего исследования стало изучение отношения населения Пензенского региона к деятельности СО НКО. Исследование проводилось в январе–апреле 2017 г. в Пензе, Заречном, Сердобске, Спасске, Городище, Нижнем Ломове, Никольске, Кузнецке. В ходе социологического исследования были опрошены 419 человек методом случайной выборки, проведены семь глубинных интервью с гражданскими активистами Пензы.

Первым вопросом, заданным респондентам, был вопрос о том, знают ли они, что такое НКО. Лишь 24 % ответили утвердительно. При этом большинство из них в возрасте 21–25 лет (25 %), 31–35 лет (16,7 %) и 36–40 лет (25 %). Наиболее известными на данный момент являются: общество инвалидов (16,5 %), молодежное (14,1 %) и ветеранское (12,9 %) объединения. Стоит отметить, что 10,6 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос и 10,6 % не знают ни одной СО НКО.

Принимая во внимание количество респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос об известных им НКО или не знающих ни одной, нельзя не отметить тот факт, что количество людей, имеющих сложности с оценкой деятельности НКО, намного больше – 46 %. Количество респондентов, считающих деятельность НКО полезной для общества, составляет половину опрошенных (50 %), но при этом 4 % считают, что подобная деятельность пользы не приносит.

В силу подобной оценки работы НКО на вопрос о том, обращались ли респонденты за какой-либо помощью в СО НКО, большая часть опрошенных (85,7 %) ответила отрицательно. Лишь 10,2 % респондентов обращались за помощью в СО НКО несколько раз, и 4,1 % – однократно. Среди обратившихся за помощью респондентов чаще всего встречаются люди, нуждающиеся в финансовой помощи (33,4 %). По мнению большинства населения, государству необходимо оказывать помощь НКО, которые занимаются финансовой деятельностью (48,9 %).

Поровну распределились проценты тех, кто нуждался в юридической и психологической помощи и помощи здравоохранения (по 22,2 %).

На вопрос о причинах, отвративших от обращения в СО НКО, половина респондентов (50 %) ответила, что у них нет проблем, что, вероятнее всего, указывает на недоверие населения к СО НКО и возможности оказания ими помощи. 26,3 % заявили, что считают подобные обращения бесполезными. Несмотря на осведомленность о существовании СО НКО, большая часть опрошенных довольно скептически относится к обращению в НКО с целью получения от них помощи в будущем. Более того, часть респондентов (30 %) отрицает возможность принятия услуг, оказываемых СО НКО, так как предпочитают решать появившиеся проблемы сами либо с помощью близких людей. Но довольно крупная доля респондентов (30 %) выразила готовность обратиться в НКО при появлении каких-либо проблем. Также 22 % респондентов указали на низкий уровень информированности о деятельности НКО, что, очевидно, является одной из главных причин редкого обращения граждан в эти организации.

Помимо изучения уровня информированности населения о деятельности НКО, было также необходимо выяснить, насколько активно население региона участвует в проводимых НКО мероприятиях и насколько велико желание общества принимать участие в работе НКО в будущем.

Большая часть респондентов (86 %) не имела возможности или желания взаимодействовать с НКО. Большинство респондентов (64 %) на вопрос «Собираетесь ли Вы принимать участие в деятельности СО НКО?» ответило отрицательно. Некоторая часть (14 %) выразила готовность осуществлять взаимодействие с НКО, но только в качестве отдельных, разовых мероприятий. Лишь 22 % опрошенных заявили о своем желании быть полезными обществу посредством работы в подобных организациях. Вследствие этого можно сделать вывод о том, что работа общественного сектора не является популярной среди населения, более того, граждане не выказывают желания участвовать в мероприятиях, устраиваемых СО НКО.

Нежелание и отсутствие возможностей участия населения в работе НКО, бесспорно, в наибольшей степени вызвано низким уровнем информированности о деятельности НКО, но также одной из причин подобного отношения является уровень организации мероприятий, которые проводятся организациями. То есть, если качество организации мероприятий, осуществляемых НКО, ощутимо ниже аналогичных мероприятий, проводимых государственными структурами, то, соответственно, планка доверия к деятельности НКО будет существенно снижаться и, соответственно, последует уменьшение количества граждан, желающих участвовать в работе таких организаций.

На просьбу дать оценку уровню организации мероприятий, проводимых СО НКО, без учета тех, кто не присутствовал ни на одном из них, которых оказалось большинство (75,5 %), большая часть респондентов дала положительный отзыв. При сравнении уровней проведения мероприятий НКО и государственными структурами выяснилось, что большая часть респондентов считает качество организации мероприятий, проводимых НКО, лучше (53,2 %).

По мнению респондентов, наиболее востребованы населением социально-медицинские услуги, направленные на поддержание и улучшение здоровья граждан (25 %), и социально-экономические, направленные на улучшение качества жизни населения (22 %).

В связи с этим респонденты выразили уверенность в том, что НКО для более эффективного продолжения своей деятельности должны получать поддержку со стороны государства, касающуюся финансовой, информационной, имущественной, консультативной и обучающей, а также других областей.

Как уже было сказано, недоверие со стороны населения к деятельности НКО вызвано в большей части плохим уровнем информированности о задачах, целях и функциях создания СО НКО. Кроме того, низкий уровень знания о НКО активно препятствует вовлечению большего количества граждан в деятельность НКО. С целью выяснить мнение респондентов о качестве информирования населения о работе СО НКО был задан вопрос: «Как Вы считаете, часто ли упоминают о деятельности СО НКО СМИ?». Большинство респондентов (31,3 %) никогда не слышали о деятельности СО НКО в СМИ, и 33,3 % затрудняются ответить на этот вопрос. Остальные респонденты заявили о том, что такое упоминание бывает очень редко (16,7 %), иногда можно услышать о деятельности НКО (12,5 %). Лишь 6,2 % считают, что деятельность НКО освещена подробно.

Большинство респондентов, кроме тех, кто ничего не слышал о деятельности некоммерческих организаций (25 %), получает информацию о СО НКО посредством сети Интернет (20,8 %) и телевидения, радио (19,4 %).

Уровень удовлетворенности респондентов оказанной им помощью в целом выше среднего (рис. 1).

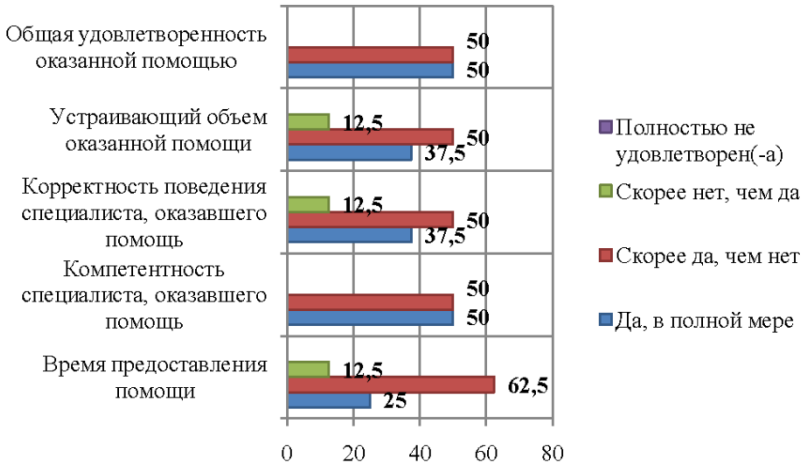

Рис. 1. Уровень удовлетворенности оказанной помощью, %

37,2 % респондентов платили НКО за оказанную им помощь. Половина респондентов (50 %) отметила, что, прежде чем обратиться в НКО, не обращались в другие аналогичные государственные и коммерческие организации. Четверть опрошенных (25 %) обращалась в государственные организации, 12,5 % – в коммерческие, 12,5 % – и в государственные, и коммерческие.

Большинство респондентов, обращавшихся за помощью в аналогичные государственные и коммерческие организации, не устроили стоимость услуг (33,5 %) и сложность бюрократических процедур (33,3 %). Далее следуют большая очередь (11,2 %) и неудобное время работы (11 %).

Основными причинами, побудившими респондентов обратиться за помощью в данную НКО, являются рекомендации знакомых (25 %) и то, что только данная организация оказывает нужную услугу (33,3 %). Далее следуют удобное расположение (16,7 %), отсутствие платы за услугу (16,7 %) и приемлемые цены (8,3 %). Большинство респондентов (75 %), обращаясь в данную организацию, заранее знало, что это НКО.

Наиболее значимым отличием для респондентов, как потребителей услуг СО НКО, является независимость НКО от государственных структур (30,8 %). Далее следуют такие отличия НКО от коммерческих и государственных организаций, как использование труда добровольцев и волонтеров (15,4 %), доступность финансового отчета (15,4 %) и наличие наблюдательного совета (7,7 %). Для большинства респондентов (62,5 %) является неважным то, что они получали услугу именно в НКО (из них 25 % – абсолютно не важно).

Основным условием, способствующим улучшению качества оказания услуг СО НКО, по мнению респондентов, является изучение потребностей получателей социальных услуг (62,5 %). Далее следуют высокий уровень

квалификации (25 %) и более внимательное отношение персонала (12,5 %). Большинство респондентов (25 %), не считая тех, кто затруднился ответить на данный вопрос (62,5 %), считают, что за последние два-три года качество предоставления социальных услуг СО НКО улучшилось. При этом 12,5 % полагают, что не улучшилось.

В ходе исследования был определен уровень информированности населения Пензенской области о деятельности СО НКО в данном регионе и активности граждан в проводимых ими мероприятиях. В результате анализа данных было выявлено, что лишь небольшой процент респондентов, уведомленных о существовании и деятельности НКО, готовы обращаться к ним за помощью в какой-либо сложной ситуации. Большая часть не обладает достаточным уровнем доверия к работе подобных структур, в частности, к возможности оказания ими реальной помощи.

Достаточно низким остается уровень активности участия населения в проводимых СО НКО мероприятиях. Большая часть респондентов (86 %) никогда не участвовала в таких мероприятиях, и 64 % опрошенных не желают делать этого и впредь. Такие показатели связаны с качеством организации мероприятий НКО. Большая часть из тех, кто присутствовал на таких событиях, не смогла дать адекватной оценки их организации, оставшиеся выразили мнение, что, несмотря на достаточно хорошую организацию, существует ряд проблем и недоработок, которые необходимо устранить.

Вопросы о путях информирования о деятельности НКО помогли выяснить, что в СМИ достаточно редко упоминается о них и люди узнают о подобных организациях посредством сети Интернет, телевидения и радио, коммуникации и межличностного общения.

Кроме того, проведенное социологическое исследование помогло выявить те сферы деятельности НКО, которым, по мнению опрошенных респондентов, государство должно оказывать всяческую поддержку. Самой нуждающейся в государственной помощи областью является финансовая.

В связи со всем вышесказанным можно сделать вывод о том, что деятельность СО НКО в Пензенской области не получает достаточного освещения в СМИ, а также нуждается в определенной поддержке со стороны государства в ряде областей, что стало причиной негативного восприятия большей частью населения существования и деятельности СО НКО.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года. Дата обновления: 21.07.2014 // СПС «КонсультантПлюс». – 2014.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Дата обновления: 06.04.2015 // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
3. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации от 28.12.2013 № 442-ФЗ. Дата обновления: 21.07.2014 // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
4. **Кутьева, Д. А.** Теоретические подходы к определению понятия «некоммерческая организация» / Д. А. Кутьева, В. А. Макарова // Вестник Псковского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 74–79.
5. О взаимодействии государственной власти органов Пензенской области с некоммерческими организациями : закон Пензенской области от 16.09.2009 № 1786-ЗПО. – URL: http://www.zspo.ru/legislative/acts/4542/ (дата обращения: 07.04.2017).

6. **Нестеренко, Н. С.** Некоммерческие организации в Российской Федерации: цели создания, типология, функции / Н. С. Нестеренко // Аспирантский сборник. – 2007. – № 1 – С. 23–28.
7. **Семенова, Ю. А.** Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур / Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 86–96.

References

1. *Konstitutsiya RF ot 12 dekabrya 1993 goda. Data obnovleniya: 21.07.2014* [The Constitution of the Russian Federation from 12th December 1993. The date of renewal: 21/07/2014]. RRS "ConsultantPlus", 2014.
2. *Grazhdanskiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii (GK RF) ot 30.11.1994 № 51-FZ. Data obnovleniya: 06.04.2015* [The Civil Code of the Russian Federation from 30.11.1994 № 51-FZ. The date of renewal: 06.04.2015]. RRS "ConsultantPlus", 2017.
3. *Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2013 № 442-FZ. Data obnovleniya: 21.07.2014* [On basic social services to citizens of the Russian Federation: the Federal Law of the Russian Federation from 28.12.2013 № 442-FZ. The date of renewal: 21.07.2014]. RRS "ConsultantPlus", 2017.
4. Kut'eva D. A., Makarova V. A. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pskov State University]. 2013, no. 2, pp. 74–79.
5. *O vzaimodeystvii gosudarstvennoy vlasti organov Penzenskoy oblasti s nekommercheskimi organizatsiyami: zakon Penzenskoy oblasti ot 16.09.2009 № 1786-ZPO* [On the interaction of the stat authorities of Penza region with nonprofit organizations: the law of Penza region from 16.09.2009 № 1786-ZPO]. Available at: http://www.zspo.ru/legislative/acts/4542/ (accessed April 07, 2017).
6. Nesterenko N. S. *Aspirantskiy sbornik* [Postgraduate collection]. 2007, no. 1, pp. 23–28.
7. Semenova Yu. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 3 (35), pp. 86–96.

Михнева Светлана Георгиевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Mikhneva Svetlana Georgievna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and international relations, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: econom@pnzgu.ru

Супиков Вадим Николаевич
доктор социологических наук, профессор, кафедра государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Supikov Vadim Nikolaevich
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: gmu@pnzgu.ru

Юрасов Игорь Алексеевич
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); директор Центра прикладных исследований, Институт регионального развития Пензенской области (Россия, г. Пенза, ул. Попова, 40)

E-mail: jurassow@mail.ru

Yurasov Igor' Alekseevich
Doctor of sociological sciences, associate professor, professor at the sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia); director of the Applied Research Center, Institute of Regional Development of Penza region (40 Popova street, Penza, Russia)

Юрасова Ольга Николаевна
старший преподаватель, кафедра английского языка, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: jurassow@mail.ru

Yurasova Ol'ga Nikolaevna
Senior lecturer, sub-department of English language, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.334.23

Михнева, С. Г.

Отношение жителей Пензенской области к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций / С. Г. Михнева, В. Н. Супиков, И. А. Юрасов, О. Н. Юрасова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 148–155. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-16

УДК 316
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-17

Е. Н. Чикилева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ О СОСТОЯНИИ И ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Одним из актуальных вопросов современной реальности является создание системы доступного, качественного и эффективного образования. При этом значительно усиливается роль образования как социального института, которое определяется в качестве основополагающего фактора обеспечения социального порядка и урегулирования социального пространства. В условиях социально-экономических и общественных трансформаций, обновления законодательства, изменений в образовательной политике актуализируется необходимость постоянного повышения квалификации, профессиональной переподготовки кадров, их личностного развития. В этой связи значительно возрастает роль дополнительного профессионального образования (ДПО), которое находится на этапе институционализации, превращаясь в особый сегмент системы российского образования. Целью проведенного социологического исследования являлась идентификация потребностей реального сектора экономики в реализации образовательных программ дополнительного профессионального образования и определение уровня удовлетворенности работодателей существующей системой ДПО.

Материалы и методы. Реализация исследовательской задачи была достигнута посредством проведения социологического опроса руководителей предприятий малого, среднего и крупного бизнеса Белгородской области, обработки и анализа результатов, полученных в ходе социологического исследования.

Результаты. Выполнен комплексный анализ сферы дополнительного профессионального образования Белгородской области с позиции работодателей. Полученную информацию целесообразно использовать при реформировании региональных систем дополнительного профессионального образования с целью их развития и оптимизации.

Выводы. Проведенное исследование позволило сформировать представление о реальной ситуации и фактических проблемах функционирования системы дополнительного профессионального образования в регионе (Белгородской области), определить условия и направления совершенствования в данной сфере.

Ключевые слова: повышение квалификации, профессиональная переподготовка, компетентность, трудоустройство, социально-профессиональная адаптация.

[1] Работа выполнена в рамках реализации Программы развития опорного университета на базе Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова.

E. N. Chikileva

ENTREPRENEURS' OPINION ON THE CONDITION AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE REGIONAL SYSTEM OF ADDITIONAL VOCATIONAL EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract.

Background. One of the topical problems of modern reality is the creation of a system of available, high-quality and efficient education. Here, the role of education as a social institution is especially important. It is determined as the underlying factor providing social order and social space regulation. In coditions of socioeconomic transformations, renewal of legislation, changes in the educational policy it becomes especially urgent and necessary to constantly develop professional skills, to reskill personnel for other occupations and to ensure personal development. In this connection the role of additional vocational education (AVE) is particularly significant. AVE remains at the stage of industrialization turning into a special segment of the Russian educational system. The aim of the sociological research carried out was to identify needs of the production sector of the economy to implement educational programs of additional vocational education and to determine the level of employers' satisfaction with the existing AVE system.

Materials and methods. The research tasks were implemented by carrying out a sociological survey among directors of enterpises of small, medium and large business of Belgorod region, and by analyzing the survey results.

Results. The author completed a complex analysis of AVE in Belgorod region from the point of view of employers. The obtained data are reasonable to use when reforming regional AVE systems for the purpose of development and optimization.

Conclusions. The research carried out allows to comprehend the real situation and actual functioning problems of the AVE system in Belgorod region, to determine the conditions and paths of improvement.

Key words: additional vocational education, reskilling, competency, employment assistance, social and vocational adjustment.

Сегодня в большинстве экономически развитых стран наблюдается интенсивное развитие дополнительного профессионального образования. В некоторых странах темпы развития ДПО даже опережают темпы развития высшего образования [1].

ДПО за рубежом представляет собой вполне развитую образовательную структуру, отвечающую современным потребностям социокультурной и экономической обстановки [2]. В последние десятилетия во многих развитых странах мира была проведена реорганизация систем дополнительного профессионального образования, направленная на увеличение количества вовлеченных; расширение образовательных услуг в сфере дополнительной профессиональной подготовки и переподготовки работников; разработку программ, востребованных мировым рынком труда; повышение уровня качества и гибкости дополнительных профессиональных программ; выявление новых кадровых, материально-технических и информационных ресурсов для организации обучения по программам ДПО. Как показывает опыт зарубежных стран, совершенствование системы ДПО сыграло немаловажную роль в обеспечении социальной защищенности граждан в условиях постоянно ме-

няющихся требований рынка труда, снижении социальной напряженности в обществе, а также решении других социально-экономических проблем [3].

Стремительное развитие промышленного производства в нашей стране, связанное с переходом на технологии нового поколения, приводит к интенсивному устареванию профессиональных знаний, депрофессионализации персонала, появлению новых профессий. Разрабатываемые или используемые на предприятиях технологии очень часто являются уникальными в своей области, а для их обслуживания требуются новые профессиональные компетенции, которые не формируются реализуемыми образовательными программами. Разница между имеющимися и необходимыми компетенциями работников, определяемая как квалификационный дефицит, зачастую оказывается настолько значительной, что не может быть преодолена методами самообразования и инструктажа на рабочем месте. Опыт показывает, что дополнительное профессиональное образование позволяет не только быстро и эффективно переподготовить кадры к выполнению трудовых функций в рамках нового или существенно обновленного вида (видов) трудовой деятельности, но и значительно усилить личную ответственность и социальную активность граждан.

ДПО не только обеспечивает своевременное формирование у работников дополнительных профессиональных компетенций, отвечающих потребностям рынка труда и отдельного предприятия, но и способствует решению проблем повышения конкурентоспособности регионов и страны в целом, развитию интеллектуального потенциала личности и общества, созданию благоприятного климата для социально-профессиональной адаптации и защищенности граждан [4]. В связи с этим важность создания эффективно функционирующей системы дополнительного профессионального образования признается всеми органами государственной власти, профессиональными объединениями, образовательным сообществом, работодателями и самими работниками.

Следует отметить, что в Белгородской области динамично развивается малый и средний бизнес, что способствует решению многих социальных вопросов, улучшению условий и качества жизни населения. Тем не менее значительная доля предприятий данного сектора экономики развивается невысокими темпами. Одной из причин не вполне эффективной деятельности этих предприятий является недостаточный уровень квалификации персонала [5].

Опрос работодателей, которые выступают реальными и потенциальными потребителями образовательных услуг сферы ДПО, является важным источником информации о состоянии, развитии и проблемах функционирования данного сектора образовательного рынка.

В рамках проведенного социологического исследования было опрошено 157 руководителей предприятий Белгородской области. Актуальность опроса работодателей заключается в том, что без учета их мнения, на наш взгляд, любая попытка оптимизации системы ДПО обречена на неудачу.

Примечательно, что более половины опрошенных руководителей приоритетными направлениями улучшения кадрового обеспечения предприятий считают дополнительное обучение сотрудников по отдельным темам на краткосрочных курсах повышения квалификации (57,9 %) и профессиональную переподготовку кадров (54,8 %). Полученные данные свидетельствуют и

о том, что большинство работодателей не готовы трудоустраивать «новоиспеченных» специалистов и считают, что прием на работу сотрудников, уже имеющих опыт работы по нужному направлению и обладающих необходимой квалификацией (24,8 %), или организация на предприятии практик для студентов с последующим принятием их на работу (16,6 %) являются более перспективными направлениями использования и развития кадрового потенциала, чем прием на работу выпускников вузов (7,0 %). Из полученных ответов также следует отметить, что работодатели заинтересованы в новой процедуре оценки профессиональной квалификации работников на соответствие профстандартам [6], одной из основных целей которой является формирование условий для вовлечения кадров в процесс непрерывного обучения.

По результатам исследования было выявлено, что подавляющее большинство предприятий (более 90 %) сотрудничают по тем или иным направлениям с организациями, реализующими образовательные программы дополнительного профессионального образования. О том, что на предприятии проводятся практики и стажировки, рассказали 43,3 % респондентов, более трети опрошенных руководителей отметили, что специалисты предприятия выступают в качестве преподавателей программ ДПО (36,3 %), а также участвуют в разработке и утверждении программ ДПО (21,7 %). Менее распространенным направлением сотрудничества предприятий и организаций ДПО, по результатам опроса, является заключение договоров о трудоустройстве выпускников – 14,7 %. И только 7,0 % работодателей, принявших участие в опросе, указали, что их предприятие не сотрудничает с организациями системы ДПО. Полученные сведения согласуются с результатами других социологических исследований. Так, например, и по данным Информационного бюллетеня о проблемах развития дополнительного профессионального образования, и по результатам нашего исследования, наиболее распространенными направлениями сотрудничества организаций ДПО с работодателями были отмечены следующие: приглашение практиков с предприятий в качестве преподавателей дисциплин и с целью совместной разработки и утверждения образовательных программ ДПО, проведение стажировок на производстве [7].

С целью управления качеством ДПО и актуализации образовательного процесса действующее законодательство в области образования предусматривает формирование современной модели взаимодействия работодателей и их объединений с образовательными учреждениями. Основой такого взаимодействия является национальная система квалификаций, построение которой регулирует Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям (далее – Совет) (создан Указом Президента РФ от 16 апреля 2014 г. № 249 [8]).

На вопрос о том, как часто следует повышать квалификацию, мнения респондентов разделились следующим образом: немногим менее половины опрошенных (39,5 %) считают, что оптимальная периодичность прохождения сотрудниками курсов повышения квалификации – один раз в два-три года; 29,9 % руководителей ответили, что обновлять знания для поддержания профессионализма необходимо один раз в год; 22,9 % из числа принявших участие в опросе уверены, что получать дополнительное профессиональное образование следует как можно чаще – несколько раз в год; незначительная до-

ля работодателей (5,1 %) полагает, что нет необходимости в повышении квалификации персонала чаще, чем один раз в три года.

Стоит отметить, что 65,0 % опрошенных считают, что в ближайшие год-два на предприятии может возникнуть необходимость в обучении отдельных сотрудников по образовательным программам ДПО, 26,8 % респондентов даже допускают вероятность появления потребности в массовом обучении или переобучении персонала, а 6,4 % респондентов полагают, что такая потребность, скорее всего, не возникнет.

Но так или иначе актуальность переобучения и повышения квалификации персонала обусловлена в первую очередь интересами предприятия, которое в условиях динамичного развития экономики и общества находится в процессе непрерывных трансформаций.

Полученные в результате исследования данные позволили определить наиболее распространенные направления деятельности предприятия, которые могут являться причиной возникновения потребности в повышении квалификации или переобучении персонала. Все предложенные варианты ответов (направлений деятельности предприятия) получили примерно равные оценки, в пределах 20–30 % (табл. 1). А вот о том, что предприятие не испытывает потребности в переобучении или повышении квалификации персонала, указали всего 1,3 % респондентов. Вероятнее всего, данная позиция присуща работодателям, которые склонны минимизировать затраты и по тем или иным причинам не готовы инвестировать обучение работников вопреки реальным потребностям производства, либо руководителям, полностью доверяющим имеющимся знаниям и опыту своих сотрудников.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чем вызваны, на Ваш взгляд, потребности предприятия в переобучении или повышении квалификации персонала? Оцените, пожалуйста, потребность в обучении по актуальным для Вашего предприятия направлениям, выбрав из предложенных ниже либо предложив свое направление»

Вариант ответа	%
1. Расширение производства	33,8
2. Применение новых или модернизация существующих технологий производства	31,2
3. Организация производства новой продукции или продукции с новыми потребительскими свойствами (инновационной продукции)	28,7
4. Применение информационных, структурных, финансово-экономических и иных новшеств	26,1
5. Техническое перевооружение производства	24,8
6. Расширение деятельности в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок	21,7
7. Другое	4,5
8. Предприятие не испытывает потребности в переобучении или повышении квалификации персонала	1,3

Примечание. Вопрос предполагал многовариантность ответов, поэтому общая сумма ответов превышает 100 %.

Одной из приоритетных задач системы ДПО является разработка и реализация востребованных образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации, освоение которых позволит личности приобрести компетенции, необходимые для выполнения определенных трудовых функций, самореализовать себя на рабочем месте, а экономику и предприятия обеспечит высококвалифицированными специалистами [9].

Подавляющее большинство опрошенных руководителей (74,5 %) уровень работы организаций, реализующих образовательные программы ДПО, оценили как «удовлетворительный», 18,5 % – как «неудовлетворительный», 7,0 % – «затруднились ответить». Вместе с тем более чем половину работодателей не устраивает содержание существующих программ дополнительного профессионального образования, которое расходится с их требованиями: 41,4 % опрошенных полагают, что содержание образовательных программ ДПО скорее не соответствует профессиональным запросам предприятия, а 25,5 % уверены, что не соответствует. И лишь 17,8 % участников опроса предположили, что содержание реализуемых программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации скорее соответствует профессиональным запросам предприятий, а 13,4 % обозначили полное соответствие программ ДПО требуемому уровню.

Как выяснилось в результате опроса работодателей, содержание имеющихся программ ДПО не соответствует запросам некоторых конкретных производств. В связи с этим возникает необходимость в разработке образовательных программ ДПО по прямому заказу производственных предприятий. В большинстве случаев потребность в программах такого рода появляется при реализации на предприятии инновационных проектов. Важную роль для инновационной активности предприятия имеет такой фактор, как доступность квалифицированных трудовых ресурсов [10]. Почти половина опрошенных руководителей (49,0 %) считает, что их предприятие, скорее всего, нуждается в обучении или переобучении сотрудников по образовательным программам ДПО, подготовленным «под заказ»; 36,9 % респондентов полагают, что подобные программы предприятию скорее не требуются; 14,0 % – затруднились ответить. При этом 43,9 % работодателей утверждают, что непосредственно для их предприятия или при участии сотрудников предприятия были разработаны образовательные программы ДПО «под заказ», из которых 20,4 % – краткосрочные программы повышения квалификации (не менее 16 ч); 12,7 % – длительные программы повышения квалификации (свыше 100 ч); 8,9 % – программы профессиональной переподготовки для освоения нового вида профессиональной деятельности (не менее 250 ч); 2,6 % – программы профессиональной переподготовки для получения дополнительной квалификации (не менее 1000 ч). Основной целью образовательных программ, разработанных «под заказ», является формирование у персонала актуальных профессиональных компетенций, необходимых специалистам, которым предстоит реализовывать на предприятии инновационные проекты, разрабатывать и использовать технологии нового поколения. Однако большинство зарубежных исследователей, в том числе американский специалист в образовании М. Ноулз, подчеркивают и личностный смысл программ ДПО, т.е. желание развиваться и самореализовываться, вырасти в собственных глазах, что усиливает мотивацию взрослых к обучению [11].

По результатам исследования, подавляющее большинство опрошенных работодателей считают наиболее оптимальными формами обучения по программам ДПО очно-дистанционную (43,3 %) и дистанционную (31,2 %). Это логично, ведь дистанционное обучение позволяет слушателям осваивать образовательные программы без отрыва или с частичным отрывом от производства, что, безусловно, с позиции работодателя является существенным преимуществом.

Разумеется, большая часть руководителей осознает, что повышение квалификации и профессиональная переподготовка работников позволяют заметно повысить эффективность деятельности предприятия и достигнуть значительных положительных результатов.

Как показывает проведенный опрос, основным положительным результатом для предприятия, направившего своих работников на обучение по образовательной программе ДПО, является соответствие квалификации сотрудников текущим и перспективным задачам предприятия, такой вариант ответа выбрало подавляющее большинство респондентов (73,3 %). Около трети руководителей считают, что дополнительное обучение и переобучение сотрудников способствует повышению конкурентоспособности предприятия на рынке (33,8 %), повышению качества производимой продукции (оказываемых услуг) (32,5 %), повышению производительности труда (28,0 %).

По результатам опроса было установлено, что с целью повышения уровня профессионализма персонала почти половина опрошенных руководителей (44,6 %) направляют своих работников на дополнительное обучение или переобучение не реже одного раза в три года, третья часть респондентов (31,2 %) отметили, что сотрудники предприятия повышают квалификацию несколько раз в год, и лишь около 10 % работодателей указали, что работники предприятия получают дополнительное профессиональное образование реже, чем один раз в три-пять лет (10,2 %), или только в исключительных случаях (9,6 %), минимальная доля опрошенных (4,5 %) отметили, что на предприятии не было практики обучения персонала по программам ДПО. При этом опрошенные руководители полагают, что после обучения по программе ДПО профессиональный уровень сотрудников заметно повысился – 62,4 %, скорее повысился – 28,7 %, остался прежним – 2,6 %, затруднились ответить – 1,9 %.

Следует отметить, что работодатели видят пользу в обучении по программам ДПО не только для предприятия в целом, но и для самих работников. Более половины респондентов (66,9 %) полагают, что получение дополнительного профессионального образования необходимо для повышения профессиональной квалификации; треть опрошенных считают, что дополнительное обучение способствует общему развитию (32,5 %) и повышению мотивации и удовлетворенности работой (31,2 %); 24,2 % респондентов предположили, что новые знания, умения и навыки сыграют положительную роль в карьерном росте специалиста; о том, что кадры, имеющие дополнительное профессиональное образование, будут востребованы на рынке труда, указали 21,7 % работодателей, а 17,8 % считают, что специалисты, обучившиеся по программам ДПО, смогут работать в новых условиях.

В настоящее время подавляющее большинство работодателей осознают важность и необходимость получения дополнительного профессионального

образования своими работниками. Однако, как подтверждает исследование, не на всех предприятиях существует практика подготовки персонала по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Анализ результатов опроса позволил выявить причины, по которым руководители некоторых предприятий не направляют своих сотрудников на обучение по образовательным программам ДПО. Среди таких причин респонденты назвали следующие: отсутствие образовательных программ ДПО нужной направленности и содержания – 52,2 %, плохая информированность работодателей о реализуемых образовательных программах ДПО – 32,5 %, отсутствие уверенности руководителей предприятий в том, что обучение даст положительные эффекты и конкретные результаты, – 18,5 %, стоимость обучения по программам ДПО – 16,6 %.

Основные направления совершенствования системы дополнительного профессионального образования руководители видят в привлечении работодателей и практиков к преподаванию по программам ДПО (43,3 %) и к разработке и формированию их содержания (37,6 %), а также во введении разнообразия и расширении ассортимента предлагаемых образовательных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки (35,7 %). По мнению почти третьей части респондентов, использование инновационных образовательных технологий и методик обучения (28,7 %) и реализация практико-ориентированного обучения (26,8 %) по программам ДПО тоже являются перспективными направлениями совершенствования сферы ДПО.

Таким образом, постоянно растущие требования работодателей к квалификации кадров и конкуренция на современном рынке труда диктуют необходимость регулярного обновления знаний, поддержания и повышения профессиональной компетентности, непрерывного совершенствования личности [12]. В связи с этим на данном этапе социально-экономического развития роль дополнительного профессионального образования существенно возрастает, приобретая важное социокультурное значение, обусловливающее возможность социально-профессиональной адаптации и самоопределения граждан в условиях глобальных социально-экономических перемен.

Библиографический список

1. **Ройтблат, О. В.** Нормативно-правовое обеспечение развития системы дополнительного профессионального образования / О. В. Ройтблат // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 143–146.
2. **Трубин, Г. А.** Тенденции развития дополнительного профессионального образования за рубежом / Г. А. Трубин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 125–131.
3. **Каримов, З. Ш.** Теория и практика институциональной интеграции высшего профессионального педагогического образования на основе синтеза внешнего и внутреннего компонентов : автореф. дис. … д-ра пед. наук : 13.00.00 / Каримов З. Ш. – Уфа, 2009. – 47 с.
4. **Синицын, В. А.** Дополнительное профессиональное образование: от спроса до признания (бизнес – власть – признание) / В. А. Синицын, Л. В. Шевелева, Е. Н. Фрейдлин, Н. П. Чубко // Ползуновский альманах. – 2005. – № 4. – С. 41, 42.
5. **Селиверстов, Ю. И.** Малый и средний бизнес Белгородской области: современное состояние, государственная поддержка и меры по преодолению кризиса / Ю. И. Селиверстов, А. С. Левченко, Н. В. Королева. – 2015. – URL: http://dprus.com/

wp-content/uploads/2015/08/Maly_i_sredniy_biznes_Belgorodskoy_oblasti.pdf (дата обращения: 02.12.2016).
6. О внесении проекта федерального закона «О независимой оценке квалификации» от 28 марта 2016 г. № 1995п-П12. – URL: http://nopriz.ru/upload/iblock/657/01_zakproekt-1029618.pdf (дата обращения: 07.12.2016).
7. Проблемы развития дополнительного профессионального образования. Информационный бюллетень. – М. : НИУ ВШЭ, 2013. – № 7 (70). – 40 с. – (Мониторинг экономики образования).
8. О национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям : Указ Президента РФ от 16 апреля 2014 г. № 249 // СПС «Гарант».
9. **Шмелькова, Л. В.** О профессиональных стандартах в сфере образования / Л. В. Шмелькова // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. – 2015. – № 1. – С. 1–4.
10. **Полутин, С. В.** Формирование социального механизма мотивации работников к инновационной деятельности / С. В. Полутин, А. В. Седлецкий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 96–103.
11. **Ноулз, М. Ш.** Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики / М. Ш. Ноулз. – М., 1980.
12. **Тюрин, Э. И.** Особенности мотивации получения дополнительного профессионального образования / Э. И. Тюрин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 77–83.

References

1. Roytblat O. V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2014, no. 6 (49), pp. 143–146.
2. Trubin G. A. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. 2011, no. 8, pp. 125–131.
3. Karimov Z. Sh. *Teoriya i praktika institutsional'noy integratsii vysshego professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya na osnove sinteza vneshnego i vnutrennego komponentov: avtoref. dis. d-ra ped. nauk: 13.00.00* [Theory and practice of institutional intergration of higher professional pedagogical education based on a synthesis of internal and external components: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Ufa, 2009, 47 p.
4. Sinitsyn V. A., Sheveleva L. V., Freydlin E. N., Chubko N. P. *Polzunovskiy al'manakh* [Polzunovsky miscellany]. 2005, no. 4, pp. 41, 42.
5. Seliverstov Yu. I., Levchenko A. S., Koroleva N. V. *Malyy i sredniy biznes Belgorodskoy oblasti: sovremennoe sostoyanie, gosudarstvennaya podderzhka i mery po preodoleniyu krizisa* [Small and medium business in Belgorod region: modern condition, state support and anticrisis measures]. 2015. Available at: http://dprus.com/wp-content/uploads/2015/08/Maly_i_sredniy_biznes_Belgorodskoy_oblasti.pdf (accessed December 02, 2016).
6. *O vnesenii proekta federal'nogo zakona «O nezavisimoy otsenke kvalifikatsii» ot 28 marta 2016 g. № 1995p-P12* [On forwarding a draft federal law "On independent assessment of skills" from 28th March 2016 № 1995p-P12]. Available at: http://nopriz.ru/upload/iblock/657/01_zakproekt-1029618.pdf (accessed December 07, 2016).
7. *Problemy razvitiya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya. Informatsionnyy byulleten'* [Problems of additional vocational training development. Informationla bulletin]. Moscow: NIU VShE, 2013, no. 7 (70), 40 p.
8. *O natsional'nom sovete pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po professional'nym kvalifikatsiyam: Ukaz Prezidenta RF ot 16 aprelya 2014 g. № 249* [On the national council

under the President of the Russian Federation on professional skills: the ordinance of the President of Russia from 16th April 2014 № 249]. RRS "Garant".
9. Shmel'kova L. V. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire* [Additional vocational education in Russian and in the world]. 2015, no. 1, pp. 1–4.
10. Polutin S. V., Sedletskiy A. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 4 (36), pp. 96–103.
11. Noulz M. Sh. *Sovremennaya praktika obrazovaniya vzroslykh. Andragogika protiv pedagogiki* [Modern practice of adult education. Androgogy vs pedagogy]. Moscow, 1980.
12. Tyurin E. I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 3 (23), pp. 77–83.

Чикилева Елена Николаевна
ведущий специалист Научно-инновационного образовательного центра Научно-исследовательского и опытно-промышленного центра наноструктурированных композиционных материалов, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова (Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, 46)

E-mail: Erakhmanina@yandex.ru

Chikileva Elena Nikolaevna
Leading expert, Scientific Innovative Educational Center of the Innovative Scientific-educational and Experimental-industrial Center "Nanostructured Composite Materials", Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov (46 Kostyukova street, Belgorod, Russia)

УДК 316
Чикилева, Е. Н.
Предприниматели о состоянии и проблемах развития региональной системы дополнительного профессионального образования: социологический анализ / Е. Н. Чикилева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 156–165. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-17

УДК 332.025.12
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-18

Р. Р. Юняева, А. С. Онтикова

ЗАКУПКИ КРУПНЕЙШИХ КОМПАНИЙ КАК НОВЫЙ РЫНОК СБЫТА ПРОДУКЦИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Последние семь-десять лет вектор государственной экономической политики направлен, в том числе, на развитие малого и среднего бизнеса страны. Исполнительные органы государственной власти всех уровней реализуют мероприятия, обеспечивающие всестороннюю поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП). Цель работы – проанализировать эффективность и доступность такого мероприятия, направленного на поддержку субъектов МСП, как стимулирование спроса посредством административного регулирования закупок крупнейших компаний.

Материалы и методы. Реализация цели исследования достигнута посредством изучения нормативно-правовых актов Российской Федерации, регламентирующих закупки компаний с государственным участием. Методологической основой исследования послужил аналитический метод научного познания и системный подход.

Результаты. На основе изучения нормативной правовой базы закупочной деятельности отдельных юридических лиц выявлены особенности ее государственного регулирования. Проанализирован рынок закупок крупнейших компаний и его доступность.

Выводы. Государственное регулирование обеспечивает обязательное участие субъектов МСП в закупках крупнейших заказчиков. При этом совокупный годовой объем подобных закупок неуклонно растет, что создает огромный рынок сбыта. Для субъектов МСП открыт доступ к информации и участию в закупках любого уровня – от муниципального до федерального.

Ключевые слова: государственное регулирование, закупки, субъекты малого и среднего предпринимательства.

R. R. Yunyaeva, A. S. Ontikova

LARGE COMPANIES' PROCUREMENTS AS A NEW MARKET FOR SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Abstract.

Background. Last 7–10 years the state economic politicy has been focused on small and medium business development. Government executives implement arrangements that ensure comprehensive support for small and medium business entities. The purpose of the work is to analyse efficiency and accessibility of demand stimulation by administrative regulation of large companies' procurements.

Materials and methods. The research objective was achieved by learning legal acts of the Russian Federation that regulate purchases of companies with government share. The analytical method of scientific knowledge and systems approach formed the basis of the methodology.

Results. On the basis of studying legal acts covering companies' procurement activity the auhtors reveal government regulation features thereof. The article analyzes the large companies' procurement market and its availability.

Conclusions. The government regulation provides obligatory participation of SMB in procurements of large companies. The total annual amount tends to self-extending and creates a huge sales market. Small and medium business have open access to data and participation in purchasing at all levels, from municipal to federal.

Key words: government regulation, procurements, small and medium business.

Реализация мероприятий государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в Пензенской области происходит в соответствии с принятой Правительством России Стратегией развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение № 1083-р от 2 июня 2016 г.) [1].

Регион обладает развитой инфраструктурой поддержки предпринимателей, реализует комплекс мер по поддержке малого и среднего предпринимательства [2]. Мероприятия поддержки можно разделить на следующие группы:

1) финансовая;
2) имущественная;
3) инфраструктурная;
4) информационно-консультационная.

Основными целями развития предпринимательства, определенными в Стратегии, являются: создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы, пополнение бюджета за счет увеличения налоговых поступлений, реализация предпринимательского потенциала населения, рост конкурентоспособности бизнеса.

Кроме того, в целях улучшения бизнес-среды на региональном уровне распоряжением Правительства от 31 января 2017 г. № 147-р [3] утверждены 12 целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Федерации (далее – целевые модели) по ключевым факторам, наиболее сильно влияющим на улучшение инвестиционного климата в регионах. Одна из этих моделей полностью посвящена поддержке малого и среднего предпринимательства и содержит, помимо вышеназванных, мероприятия по стимулированию спроса на товары, работы и услуги субъектов МСП.

Важнейшее мероприятие в рамках данного направления включает в себя реализацию комплекса мер по привлечению субъектов МСП в качестве поставщиков к закупкам, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ.

18 июля 2011 г. Государственной Думой принят Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» № 223-ФЗ (далее – 223-ФЗ) [4]. Юридические лица, о которых в нем идет речь, – государственные корпорации, бюджетные учреждения, субъекты естественных монополий и других организаций, доля участия государства

в уставном капитале которых превышает 50 %. Особенностью закупок данными юридическими лицами является их государственное регулирование.

Постановлением Правительства Российской Федерации «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» № 1352 от 11 декабря 2014 г. [5] года введены следующие требования:

1. Годовой стоимостной объем закупок товаров, работ и услуг у субъектов МСП должен составлять не менее 18 % совокупного стоимостного объема закупок компании.

2. Указанные юридические лица обязаны осуществлять ряд закупок, участие в которых могут принимать только субъекты МСП.

3. 10 % годового стоимостного объема закупок заказчика должны быть обеспечены договорами, заключенными в соответствии с п. 2.

В Письме Федеральной антимонопольной службы от 24 декабря 2012 г. № ИА/44025/12 «О направлении разъяснений по вопросам применения Федерального закона “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц”» содержится алгоритм проведения процедуры закупки. Согласно данному документу, он содержит следующие этапы:

– разработка и размещение на официальном сайте плана закупки товаров, работ, услуг на срок не менее чем один год, за исключением закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции и лекарственных средств;

– выбор способа закупки (конкурс, аукцион или иной способ закупки), предусмотренный положением о закупке при наличии в таком положении;

– порядка закупки указанным способом;

– разработка, утверждение и размещение на официальном сайте извещения и документации о проведении закупки;

– размещение на официальном сайте изменений, вносимых в извещение, документацию о закупке, разъяснений документации о закупке;

– предоставление документации всем заинтересованным лицам;

– предоставление разъяснений положений документации о закупке;

– прием заявок на участие в закупке;

– оценка и сопоставление заявок на участие в закупке, включая публикацию протоколов, составляемых в ходе закупки;

– подписание договора с победителем закупки.

Как уже отмечалось, закупка по 223-ФЗ может быть проведена в различных формах. На рис. 1 показаны виды закупочных процедур, предусмотренных данным федеральным законом.

Правительством РФ определены перечни крупнейших заказчиков, в число которых входят конкретные и отдельные заказчики федерального уровня, а также крупнейшие региональные заказчики, отобранные по критерию годового объема выручки. В настоящее время список крупнейших заказчиков России включает 202 юридических лица, составляющих основу системы закупок в соответствии с 223-ФЗ.

Контроль за соблюдением крупнейшими заказчиками требований указанных выше нормативно-правовых актов осуществляет АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) – организация, осуществляющая свою деятельность в качестве ин-

ститута развития в сфере малого и среднего предпринимательства в целях координации оказания субъектам МСП государственной поддержки, предусмотренной Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [6]. Корпорация МСП осуществляет предусмотренные законодательством мониторинг соответствия и оценку соответствия планов закупок крупнейших заказчиков у субъектов МСП, изменений, вносимых в такие планы, а также годовых отчетов крупнейших заказчиков требованиям нормативных правовых актов в сфере закупок.

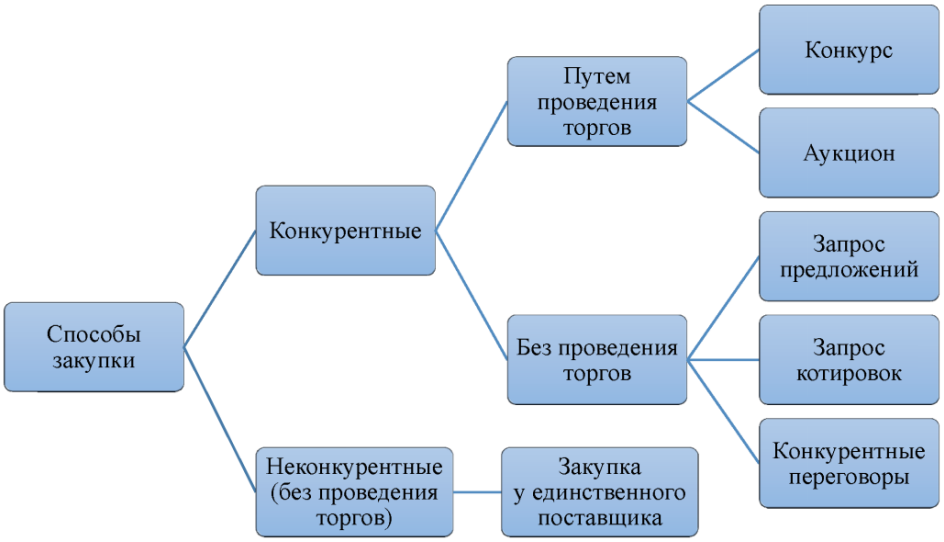

Рис. 1. Способы проведения закупок

Рассмотрим, как крупнейшие российские компании с государственным участием выполняют условия, установленные законодательством в отношении проводимых ими закупок.

Так, объем закупок ПАО «Сбербанк» у субъектов МСП в 2016 г. составил 73,24 млрд рублей, или 47,76 % всех закупок компании. Малые и средние предприятия заключили 6820 договоров с крупнейшим банком страны, а 12,5 % всех закупок проводились исключительно у данного сегмента бизнеса. Перечень товаров, работ, услуг, которые Сбербанк закупает у субъектов МСП, содержит 399 объектов по 55 номенклатурным позициям – от образовательных услуг до одежды и лекарственных средств. Другой крупнейший заказчик – ПАО «РЖД» – в 2016 г. заключил 15 800 договоров с субъектами МСП на общую сумму 146,23 млрд рублей, или 50,27 % стоимости всех заключенных договоров. При этом 21,1 % всех закупок были осуществлены по результатам конкурсных процедур, участниками которых могли быть только субъекты МСП.

В целом в 2016 г. крупнейшими заказчиками было осуществлено более 109 тыс. закупок у субъектов МСП на общую сумму более 1,511 трлн рублей.

Однако не только крупнейшие федеральные заказчики составляют основу исследуемого рынка. На региональном и даже муниципальном уровне

ежегодно заключаются десятки тысяч контрактов по результатам конкурсных процедур, а также закупок у единственного поставщика. На рис. 2 представлена структура закупок по 223-ФЗ в 2016 г.

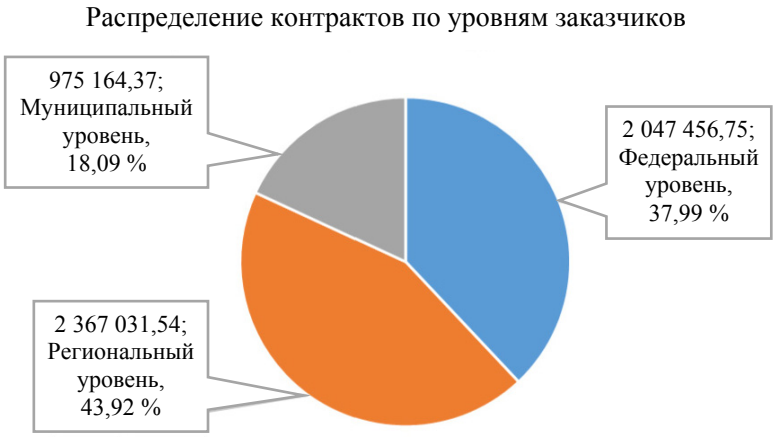

Рис. 2. Суммарная цена контрактов в 2016 г.

Следует отметить, что общая стоимость закупок по размещенным извещениям заказчиков всех уровней в 2016 г. составила более 25,719 трлн рублей, что на 2,662 трлн рублей больше в сравнении с уровнем 2015 г. Тенденция к неуклонному росту объема закупок свидетельствует о расширении возможностей для участия в конкурсных процедурах, а также о все возрастающей роли данного рынка в экономике страны. Кроме того, приведенные примеры демонстрируют, что практически половина закупок ряда крупнейших заказчиков осуществляется у субъектов МСП, что открывает малому и среднему бизнесу огромный и постоянно растущий потенциальный рынок сбыта своей продукции.

Динамика годового стоимостного объема извещений о закупке, размещенных заказчиками в соответствии с 223-ФЗ, представлена на рис. 3.

Рис. 3. Динамика стоимостного объема закупок

Стимулирование спроса на товары, работы и услуги субъектов МСП посредством привлечения их к участию в закупках крупнейших заказчиков несет в себе ряд преимуществ для потенциальных поставщиков, а именно:

1) выход на новые рынки;

2) повышение показателей результативности и эффективности деятельности;

3) рост объема свободных денежных средств (именно на данный показатель в первую очередь обращают внимание кредиторы и инвесторы [7]);

4) формирование репутации надежного поставщика;

5) опыт работы с крупными заказчиками;

6) развитие бизнеса.

При этом стать поставщиком государственной компании или крупной корпорации достаточно просто. Вся информация о закупках – положения, планы, извещения и иная необходимая документация – каждым заказчиком размещается на Портале закупок [8] и находится в открытом доступе.

Наибольший интерес для потенциального поставщика представляет именно положение о закупках. В нем заказчики определяют все особенности, присущие проводимым ими конкурсным процедурам, а именно: перечень товаров, работ и услуг, закупаемых у субъектов МСП, порядок подготовки и способы проведения закупок, порядок заключения договоров. Положение о закупке, изменения, вносимые в указанное положение, подлежат обязательному размещению на официальном сайте не позднее чем в течение пятнадцати дней со дня утверждения. Кроме того, заказчик размещает на официальном сайте план закупки товаров, работ, услуг на срок не менее чем один год. Поставщику нужно внимательно изучить требования заказчика и в соответствии с ними составить заявку на участие в торгах, а затем направить заказчику.

Если торги осуществляются в электронном виде, то для участия в них потенциальному поставщику необходимо оформить сертификат электронной цифровой подписи. Для подачи документов и получения сертификата ключа электронной подписи нужно посетить Региональный центр регистрации удостоверяющего Центра Федерального казначейства, в котором выпуск электронной подписи занимает не более трех-пяти рабочих дней.

Стоит отметить, что государственная поддержка субъектов МСП в виде регулирования закупок крупнейших заказчиков вполне обоснована. Данные мероприятия обеспечивают стимулирование спроса на товары, работы и услуги субъектов МСП рынком огромной емкости. Наряду с неоспоримыми преимуществами для малого и среднего бизнеса, развитие системы закупок в соответствии с 223-ФЗ способствует стабилизации экономического положения в стране, а также развитию сегмента малого и среднего предпринимательства, что особенно актуально в регионах.

Библиографический список

1. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р.
2. **Онтикова, А. С.** Проблема оценки инвестиционной привлекательности Пензенской области / А. С. Онтикова, Р. Р. Юняева // Перспективы развития предприятий в условиях инновационной направленности экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. И. Будиной, А. Н. Опекунова. – 2016. – С. 80–83.

3. Об утверждении целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2017 г. № 147-р.
4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (в действующей редакции).
5. Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Постановление Правительства РФ от 11.12.2014 № 1352 (в действующей редакции).
6. Официальный сайт Корпорации МСП. – URL: http://corpmsp.ru
7. **Юняева, Р. Р.** Оценка кредитоспособности аграрного формирования на основе анализа денежных потоков (CASH – FLOW) / Р. Р. Юняева, И. В. Клеманова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 171–179.
8. Официальный сайт Портала закупок. – URL: http://zakupki.gov.ru

References

1. *Ob utverzhdenii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva do 2030 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 2 iyunya 2016 g. № 1083-r* [On approving the strategy of small and medium business development till 2030: the decree of the Government of RF from 2nd June 2016 № 1083-r].
2. Ontikova A. S., Yunyaeva R. R. *Perspektivy razvitiya predpriyatiy v usloviyakh innovatsionnoy napravlennosti ekonomiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Company development prospects in conditions of the economy's innovation focus: proceedings of an International scientific and practical conference]. 2016, pp. 80–83.
3. *Ob utverzhdenii tselevykh modeley uproshcheniya protsedur vedeniya biznesa i povysheniya investitsionnoy privlekatel'nosti sub"ektov Federatsii: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31 yanvarya 2017 g. № 147-r* [On approving target models of simplifying business running procedures and improving the investment appeal of Russian regions: the decree of the Government of RF from 31st of January 2017 № 147-r].
4. *O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lits: Feder. zakon ot 18.07.2011 № 223-FZ (v deystvuyushchey redaktsii)* [On purchasing of goods, works, services by certain types of legal entities: the Federal Law from 18.07.2011 № 223-FZ].
5. *Ob osobennostyakh uchastiya sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lits: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.12.2014 № 1352 (v deystvuyushchey redaktsii)* [On small and medium business participation in purchasing of goods, works, services by certain types of legal entities: the decree of the Government of RF from 11.12.2014 № 1352].
6. *Ofitsial'nyy sayt Korporatsii MSP* [The official website of MSP corporation]. Available at: http://corpmsp.ru
7. Yunyaeva R. R., Klemanova I. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 3 (27), pp. 171–179.
8. *Ofitsial'nyy sayt Portala zakupok* [The official website of the Procurement portal]. Available at: http://zakupki.gov.ru

Юняева Римма Равиловна
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rimmarav@yandex.ru

Junyaeva Rimma Ravilovna
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economy and finance,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Онтикова Анна Степановна
магистрант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Ontikova Anna Stepanovna
Master's degree student, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ontikova.anna@yandex.ru

УДК 332.025.12
Юняева, Р. Р.
Закупки крупнейших компаний как новый рынок сбыта продукции субъектов малого и среднего предпринимательства / Р. Р. Юняева, А. С. Онтикова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 166–173. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-18

УДК 338.001.36
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-19

И. В. Палаткин, К. Ю. Чех

ВЛИЯНИЕ СОСТОЯНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье определена практическая ценность применения коэффициентов корреляции Пирсона в отношении рядов показателей Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и статистических показателей социально-экономического развития. Статья посвящена проблеме оценки взаимосвязи положения региона в рейтинге инвестиционной привлекательности и значения показателей социально-экономического развития. Это актуализирует выявление возможностей и ограничений применения разных подходов к оцениванию деятельности региональных правительств разными ведомствами.

Материалы и методы. Источниками данных послужили показатели Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и статистические показатели социально-экономического развития. Данные показатели были исследованы на взаимозависимость с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты и выводы. Полученные результаты свидетельствуют об очень слабой или слабой корреляции между местом региона в Нацрейтинге и уровнем социально-экономического развития региона по данным Росстата. В ходе исследования определены причины, снижающие достоверность полученного результата, устранение которых позволит не только повысить точность, но и решить проблему взаимосвязи рейтингов и статистических показателей. Результаты проведенного анализа показали, что методика Нацрейтинга не позволяет объективно оценить усилия исполнительной власти территориального уровня по развитию региона. Другими словами, выполнение мероприятий Национальной предпринимательской инициативы по улучшению регионального инвестиционного климата не находит отражения в высоких социально-экономических показателях. Предлагается стимулировать развитие крупных и средних предприятий региона.

Ключевые слова: Нацрейтинг, корреляция, социально-экономическое развитие, Национальная предпринимательская инициатива, оценка эффективности деятельности.

I. V. Palatkin, K. Yu. Chekh

THE INFLUENCE OF RUSSIAN REGION'S INVESTMENT CLIMATE CONDITION ON REGIONAL STATISTICAL INDICATORS

Abstract.

Background. The article determines the practical value of applying Pearson correlation coefficients to series of indicators of the National investment climate condition indicators in regions of Russia and statistical indicators of socioeconomic development. The article is devoted to the problem of estimating the interrelation

between a region's position in the investment appeal rating and the value of socioeconomic development. This makes it topical to reveal possibilities and constraints of applying various approaches to evaluation of regional governments' performance by different state departments.

Materials and methods. The sources of information were the National rating of Russian regions' investment climate condition and statistical indicators of socioeconomic development. These indicators were tested for interdependce with Pearson correlation coefficient usage.

Results and conclusions. The obtained results are indicative of a very weak and weak correlation between a region's position on the National rating and a level of region's socioeconomic development according to the Russian Statistical Agency. The research has determined the causes that decrease credibility of the obtained results. Termination of the said causes will not only increase the accuracy, but to solve the problem of correlation between ratings and statistical indicators. The results of the analysis show that the methodology of the National rating impedes objective evaluation of the efforts by the executive authority of the regional level focused on regional development. In other words, fulfillment of the National business initiative aimed at regional investment climate improvements is not reflected in high socioeconomic indicators. It is offered to stimulate development of large and medium regional enterprises.

Key words: National rating, correlation, socioeconomic development, National business initiative, efficiency estimation.

Введение

В настоящее время большие усилия региональных правительств направлены на выполнение мероприятий Национальной предпринимательской инициативы с целью улучшения инвестиционного климата в России – упрощения, удешевления, ускорения процедур ведения бизнеса. Достигнутый эффект от реализации мероприятий оценивается регулярным опросом предпринимателей, на основании результатов которого формируется основная часть показателей Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (Нацрейтинга)[1]. Данный рейтинг является далеко не первым и не единственным призванным стимулировать социально-экономическое развитие регионов.

Первый подход к оценке эффективности региональных управляющих команд состоялся в 2007 г., когда Президентом В. Путиным был подписан Указ от 28.06.2007 № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». В соответствии с данным указом был утвержден перечень для оценки эффективности из 43 показателей. В 2012 г. Президентом В. Путиным был подписан Указ № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», в котором утвержден перечень из 12 показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов [1].

Рейтинговым агентством «Эксперт» предложена своя методика оценки инвестиционной привлекательности, в которой используются как данные Росстата и статистики федеральных ведомств, так и данные анкетирования представителей экспертного, инвестиционного и банковского сообществ [2].

[1] URL: https://asi.ru/investclimate/

В свою очередь Нацрейтинг призван отражать благоприятность условий ведения бизнеса и стимулирует региональные управленческие команды к конкуренции в борьбе за инвестиции на региональном уровне[1]. С этой целью формируются соответствующие условия: инвестиционное законодательство, специализированные организации по привлечению инвесторов, создаются инвестиционные советы и пр. Основным показателем, отражающим инвестиционную деятельность, принимается статистический показатель «Инвестиции в основной капитал»[2]. Действительно, данный показатель характеризует деловую активность в регионе/стране, отражает веру предприятий в развитие экономики. Рост данного показателя может предшествовать росту объема производства или качественному изменению структуры продукции. Однако данный показатель зависит больше от макроэкономической ситуации в стране/мире и не отражает усилий региональных инвестиционных институтов, так как 90 % этого показателя – это обычная хозяйственная деятельность: покупка машин и оборудования существующими предприятиями, строительство и ремонт зданий. Данная деятельность не зависит от инвестиционного законодательства.

Учитывая усилия, направленные на достижение высоких показателей, в Нацрейтинге и других рейтингах складывается ситуация, когда, с одной стороны, показатели социально-экономического развития региона отражают состояние отраслей региона, с другой, на указанные показатели сложно оказать влияние или найти параметры, влияющие на них.

Вопрос связи инвестиционной привлекательности в регионах с условиями ведения бизнеса в России рассмотрен В. С. Левиным [3]. Для этого им были рассчитаны парные коэффициенты корреляции рангов Спирмена между количественными индикаторами, характеризующими регулирование предпринимательской деятельности в тридцати российских регионах, и показателями, характеризующими инвестиционную привлекательность (инвестиционный риск и инвестиционный потенциал), а также объемами привлеченных иностранных инвестиций.

В результате автор отмечает отсутствие доказательств того, что территории с лучшей инвестиционной привлекательностью (лучшими условиями ведения бизнеса) получают больше иностранных инвестиций, как прямых, так и всех в целом.

Обзор большого количества отечественных и зарубежных методик оценки уровня социально-экономического развития регионов проведен В. И. Меньщиковой [4]. В своей работе автор обосновывает использование интервального ранжирования вместо сплошного, которое зачастую используется при составлении рейтингов, и делает вывод о том, что до сих не существует универсальной методики, содержащей обоснованный перечень показателей, позволяющих комплексно, полно, достоверно оценить уровень социально-экономического развития региона.

Анализ методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и мониторинга эффективности деятельности

[1] URL: https://asi.ru/investclimate/rating/

[2] Как варианты: Инвестиции в основной капитал на душу населения, или без бюджетных средств, или по крупным и средним предприятиям и пр.

местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, применяемой сегодня в России, проведен И. Ю. Зинченко [5]. Автор рассматривает причины недостаточной эффективности оценочных процедур и отмечает, что применение даже достаточно сложных и изощренных оценочных процедур не приводит к сколько-нибудь значительным результатам в практической деятельности органов государственного и (или) муниципального управления [6].

Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на показатели социально-экономического развития регионов, и проверяет гипотезу о влиянии места региона в Нацрейтинге [7] на основные показатели социально-экономического развития регионов. Предпосылкой послужила следующая характеристика Нацрейтинга: «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата оценивает усилия региональных властей по созданию благоприятных условий ведения бизнеса»[1], таким образом, регионы – лидеры Нацрейтинга обладают благоприятными условиями ведения бизнеса[2], что должно положительно сказываться на показателях социально-экономического развития региона, отражающих динамику промышленного и сельскохозяйственного производства, динамику инвестиций и пр.

1. Материалы и методы

В рамках настоящего исследования были сопоставлены результаты оценки регионов по методологии Нацрейтинга за 2014–2016 гг.:

1) итоговый рейтинг;
2) регуляторная среда;
3) институты для бизнеса;
4) инфраструктура и ресурсы;
5) малое предпринимательство

и отдельные показатели социально-экономического развития Росстата:

1) индекс физического объема инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям;
2) индекс физического объема инвестиций в основной капитал по полному кругу организаций;
3) индекс промышленного производства (ИПП) по виду деятельности «Обрабатывающие производства»;
4) индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий;
5) индекс производства продукции сельского хозяйства (СХ) в сельскохозяйственных организациях (СХО);
6) индекс производительности труда относительно уровня 2011 г. (только 2014 г.);
7) индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в сопоставимых ценах (процент) (только 2014 г.);
8) прирост количества субъектов малого и среднего предпринимательства [8].

[1] URL: https://asi.ru/investclimate/rating/
[2] По мнению авторов рейтинга.

Для пар этих рядов был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона, который отражает степень линейной зависимости между двумя множествами данных. Чем сильнее зависимость, тем ближе значение коэффициента к +1 (прямая зависимость) или –1 (обратная зависимость).

Места в рейтинге и оценки были перекодированы в цифровые значения по следующему правилу: 1 группа – 1, 2 группа – 2 и т.д., Оценка А – 1, В – и т.д.

Кроме этого, для проверки гипотезы об отражении в статистических показателях места региона в Нацрейтинге с некоторым временным лагом (один-два года) коэффициент корреляции Пирсона был также рассчитан для оценок Нацрейтинга и статистических показателей за более поздние, чем оценки, годы.

2. Результаты

Перед анализом полученных результатов необходимо ответить на вопрос: какие значения коэффициента корреляции указывают на сильную зависимость, а какие на слабую? В разных дисциплинах сложились разные традиции интерпретации коэффициента, поэтому в данной работе предлагаем ориентироваться на табл. 1 из [9].

Таблица 1

Интерпретация коэффициентов

Интервал значений коэффициента корреляции (модуль)	Интерпретация
0–0,2	Очень слабая корреляция
0,2–0,5	Слабая корреляция
0,5–0,7	Средняя корреляция
0,7–0,9	Высокая корреляция
0,9–1	Очень высокая корреляция

Значение коэффициента корреляции Пирсона для показателей Нацрейтинга и Росстата за 2014 г. приведены в табл. 2.

Представленные результаты свидетельствуют об очень слабой или слабой корреляции между местом региона в Нацрейтинге и статистическими показателями. Средний уровень корреляции отдельных пар показателей (Итоговый рейтинг – Прирост числа малых предприятий, Регуляторная среда – Прирост числа малых предприятий) может быть объяснен эмпирически. Однако отрицательный средний уровень корреляции Индекса производительности труда и Регуляторной среды[1] (и слабая корреляция индекса производительности с остальными показателями Нацрейтинга) является парадоксальным: чем выше уровень регуляторной среды в регионе, тем ниже производительность труда.

[1] Качество предоставления государственных услуг – показатели эффективности оказания различных государственных услуг для бизнеса: время прохождения, количество процедур и удовлетворенность предпринимателей типовыми административными процедурами.

Таблица 2

Значение коэффициента корреляции Пирсона
для показателей Нацрейтинга и Росстата за 2014 г.

	Индекс инвестиций (круп. и средн.)	Индекс инвестиций (полн. круг)	ИПП «Обрабатывающие производства»	Индекс СХ все категории	Индекс СХ СХО	Индекс производительности труда	Индекс «Строительство»	Прирост числа малых предприятий
Итоговый рейтинг	–0,07	0,05	–0,34	0,30	0,38	–0,44	0,17	0,61
Регуляторная среда	–0,19	–0,06	–0,36	0,15	0,23	–0,55	0,15	0,50
Институты для бизнеса	0,02	0,16	–0,14	0,40	0,41	–0,25	–0,03	0,38
Инфраструктура и ресурсы	0,40	0,39	0,00	0,15	0,14	–0,27	0,11	–0,16
Малое предпринимательство	–0,16	–0,26	0,26	0,03	0,06	–0,46	–0,29	0,16

Коэффициенты корреляции показателей Нацрейтинга и Росстата за 2015 г. (табл. 3) по 76 регионам, участвовавших в рейтинге, свидетельствуют об очень слабой корреляции между ними.

Таблица 3

Значение коэффициента корреляции Пирсона
для показателей Нацрейтинга и Росстата за 2015 г.

	Индекс инвестиций (круп. и средн.)	Индекс инвестиций (полн. круг)	ИПП «Обрабатывающие производства»	Индекс СХ все категории	Индекс СХ СХО	Прирост числа малых предприятий
Итоговый рейтинг	–0,08	–0,14	–0,32	–0,16	–0,25	–0,06
Регуляторная среда	0,09	–0,02	–0,25	0,13	–0,01	0,06
Институты для бизнеса	–0,14	–0,15	–0,24	–0,18	–0,21	0,15
Инфраструктура и ресурсы	–0,07	–0,12	–0,24	–0,26	–0,33	–0,33
Малое предпринимательство	–0,08	–0,12	–0,17	–0,17	–0,23	–0,03

Коэффициенты корреляции показателей Нацрейтинга и Росстата за 2015 г., но по регионам, участвовавшим в рейтинге 2014 г. (для проверки гипотезы об отложенном влиянии результатов Нацрейтинга на статистические показатели), также демонстрируют слабую корреляцию между показателями

(табл. 4). Отдельно обращает на себя внимание, что из 30 коэффициентов корреляции только пять положительных.

Таблица 4

Значение коэффициента корреляции Пирсона для показателей Нацрейтинга и Росстата за 2015 г. по регионам, участвовавшим в рейтинге 2014 г.

	Индекс инвестиций (круп. и средн.)	Индекс инвестиций (полн. круг)	ИПП «Обрабатывающие производства»	Индекс СХ все категории	Индекс СХ СХО
Итоговый рейтинг	–0,05	–0,37	–0,11	–0,35	–0,32
Регуляторная среда	0,11	–0,11	–0,21	–0,56	–0,57
Институты для бизнеса	–0,08	–0,34	–0,07	–0,11	–0,04
Инфраструктура и ресурсы	0,03	–0,20	–0,26	–0,28	–0,34
Малое предпринимательство	–0,02	–0,11	–0,05	–0,28	–0,20
Изменение места	0,05	0,13	0,13	–0,12	–0,05

Нацрейтинг за 2016 г. представлен без разбивки итогового рейтинга по отдельным оценкам, как в предыдущие годы. Статистические показатели социально-экономического развития взяты за первое полугодие 2016 г. ввиду отсутствия годовых показателей на момент написания статьи. Коэффициенты корреляции также незначительные, как и в предыдущих случаях (табл. 5).

Таблица 5

Значение коэффициента корреляции Пирсона для показателей Нацрейтинга за 2016 г. и Росстата за первое полугодие 2016 г.

Количество	Индекс инвестиций (круп. и средн.)	Индекс инвестиций (полн. круг)	ИПП «Обрабатывающие производства»	Прирост числа малых предприятий
Место 2016	–0,01	0,00	–0,20	0,17
Место 2015	0,16	0,08	–0,30	0,21
Изменение места 2015–2016	0,22	0,10	–0,25	0,15

Отдельно была проверена степень корреляции места в Нацрейтинге за 2016 г. и статистических показателей за 2015 г. (для проверки гипотезы по зависимости места в Нацрейтинге от показателей социально-экономического развития региона за прошедший год), однако и в этом случае уровень корреляции оказался низким (табл. 6).

Таблица 6

Значение коэффициента корреляции Пирсона
для показателей Нацрейтинга за 2016 г. и Росстата за 2015 г.

Количество	Индекс инвестиций (круп. и средн.)	Индекс инвестиций (полн. круг)	ИПП «Обрабатывающие производства»	Прирост числа малых предприятий
Место 2016	0,18	0,03	0,23	–0,16
Место 2015	0,24	0,00	–0,01	–0,14
Изменение места 2015–2016	0,19	–0,01	–0,18	–0,07

3. Обсуждение

Мероприятия Национальной предпринимательской инициативы направлены на развитие предпринимательства в регионе, что должно находить отражение в показателях государственной статистики, однако в результате проведенного исследования было определено отсутствие линейной зависимости основных статистических показателей региона от положения региона в Нацрейтинге. Другими словами, регион может занимать высокое место в Нацрейтинге, но иметь низкие показатели социально-экономического развития.

К данному результату могут привести следующие причины:

1. Выбранные в данном исследовании статистические показатели не отражают усилий по их достижению, а усилия, направленные на достижение других положительных целей (мест в Нацрейтинге), не оказывают влияние на показатели социально-экономического развития.

2. Зависимость между рассматриваемыми показателями является нелинейной.

3. Корреляция между рассматриваемыми показателями имеется, но с некоторым временным лагом (положительным или отрицательным).

4. Особенность методики составления Нацрейтинга – опрос экспертов. При этом выборка экспертов может быть нерепрезентативной. То есть эксперты, ощущающие изменения в рамках Национальной предпринимательской инициативы, не оказывают влияние на статистические показатели. Например, гипотетическая программа повышения образования альбиносов: повысит ли данная программа уровень образования альбиносов? (безусловно); повысится ли заметно общий уровень образования в стране данной программой? (вряд ли).

5. Качество корреляции может снижаться за счет приведения баллов, набранных регионом в Нацрейтинге, к одной из пяти групп, что эквивалентно округлению дробного значения балла до целого числа в диапазоне от 1 до 5.

Национальная предпринимательская инициатива создает условия для развития в первую очередь малого и микропредпринимательства. В то же время крупные и средние предприятия более удобны в учете (статистическую отчетность сдают чаще, бухгалтерский учет лучше), что позволяет оперативнее и точнее отслеживать обратную связь на вводимые реформы. Кроме того, одно крупное предприятие может занимать заметную долю рынка, и положительное воздействие на одно предприятие (вместо ста малых) может положительно сказаться на заметной доле.

Исследование истории развития предпринимательства [10] показывает, что текущая доля малых предприятий в Европе сложилась в результате эволюционного укрупнения предприятий (ремесленники в артели, кооперативы, холдинги и т.д.), что отражает более высокую эффективность крупных предприятий перед малыми. Текущая же доля малого предпринимательства в России сложилась в результате искусственного дробления крупных предприятий и отраслей, образованных в период так называемой сталинской индустриализации.

Одновременно с развитием малого предпринимательства внедряется и искусственная конкуренция. Без роста потребительского рынка это приводит к росту неэффективных предприятий: емкость потребительского рынка делится на большее количество предприятий.

Выводы

Таким образом, необходимо направить усилия на развитие крупного и среднего предпринимательства, а малые предприниматели будут самостоятельно организовываться в зависимости от наличия свободных ниш без вмешательства органов государственной власти.

При разработке планов развития региона в качестве контрольных показателей ориентируются на статистические показатели социально-экономического развития, а не на показатели удовлетворенности предпринимателей.

Можно (и необходимо) проводить дальнейший поиск параметров зависимости показателей, но существует риск получения удобного результата, не отражающего реальную взаимосвязь.

Необходимо согласовать векторы усилий региональных властей, направленные на достижение результатов в отдельных рейтингах, в направлении общего вектора развития региона.

Библиографический список

1. Критерии оценки эффективности губернаторов. История вопроса и методика Фонда развития гражданского общества // Фонд развития гражданского общества : [сайт]. – URL: http://civilfund.ru/mat/61 (дата обращения: 31.01.2017).
2. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА») : [сайт]. – URL: http://raexpert.ru/ratings/regions/2015/method/ (дата обращения: 30.01.2017).
3. **Левин, В. С.** Влияние условий ведения бизнеса в российских регионах на инвестиционную активность отечественных и иностранных инвесторов / В. С. Левин, Т. Н. Левина, Н. С. Советова // Финансовая аналитика. Проблемы и решения. – 2013. – № 33 (171).
4. **Меньщикова, В. И.** К вопросу об оценке уровня социально-экономического развития региона / В. И. Меньщикова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 9 (031).
5. **Зинченко, И. Ю.** Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ / И. Ю. Зинченко // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 1 (059).
6. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 // Правительство РФ : [сайт]. – URL: http://government.ru/ (дата обращения: 31.01.2017).

7. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ / Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов // Агентство стратегических инициатив : [сайт]. – 2017. – URL: https://asi.ru/investclimate/rating/
8. Прирост количества субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации, по сравнению с предыдущим периодом (процент, значение показателя за год) // Единая межведомственная информационно-статистическая система : [сайт]. – URL: https://fedstat.ru/indicator/43687 (дата обращения: 30.01.2017).
9. **Бююль, А.** SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / А. Бююль, П. Цефель. – ДиаСофт, 2005.
10. **Ахметов, К.** Парадоксальная финансовая система СССР / К. Ахметов // Газета «Свобода слова» (Казахстан). – 2008. – № 1–3.

References

1. *Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva: [sayt]* [The Civil Society Development Foundation: website]. Available at: http://civilfund.ru/mat/61 (accessed January 31, 2017).
2. *Reytingovoe agentstvo RAEX («Ekspert RA»): [sayt]* [Rating agency RAEX: website]. Available at: http://raexpert.ru/ratings/regions/2015/method/ (accessed January 30, 2017).
3. Levin V. S., Levina T. N., Sovetova N. S. *Finansovaya analitika. Problemy i resheniya* [Financial analytics. Problems and solutions]. 2013, no. 33 (171).
4. Men'shchikova V. I. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socioeconomic phenomena and processes]. 2011, no. 9 (031).
5. Zinchenko I. Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socioeconomic phenomena and processes Socioeconomic phenomena and processes]. 2014, no. 1 (059).
6. *Pravitel'stvo RF: [sayt]* [The Russian Government: website]. Available at: http://government.ru/ (accessed January 31, 2017).
7. *Agentstvo strategicheskikh initsiativ: [sayt]* [The Agency of Strategic Initiative: website]. 2017. Available at: https://asi.ru/investclimate/rating/
8. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema: [sayt]* [The Unified Interdepartmental Informational and Statistical System: website]. Available at: https://fedstat.ru/indicator/43687 (accessed January 30, 2017).
9. Byuyul' A., Tsefel' P. *SPSS: iskusstvo obrabotki informatsii. Analiz statisticheskikh dannykh i vosstanovlenie skrytykh zakonomernostey* [SPSS: the art of information processing. Statistical data analysis and structural regularity restoration]. DiaSoft, 2005.
10. Akhmetov K. *Gazeta «Svoboda slova» (Kazakhstan)* [“Freedom of speech” newspaper]. 2008, no. 1–3.

Палаткин Иван Викторович
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной экономики, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11); член-корреспондент Международной академии науки и практики организации производства

Palatkin Ivan Viktorovich
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of applied economics, Penza State Technological University (1a/11 Baidukova lane / Gagarina street, Penza, Russia); corresponding member of the International Academy of Science and Industrial Engineering Practice

E-mail: ivpalatkin@bk.ru

Чех Кирилл Юрьевич
аспирант, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11)

Chekh Kirill Yur'evich
Postgraduate student, Penza State Technological University (1a/11 Baidukova lane / Gagarina street, Penza, Russia)

E-mail: chehkirill@gmail.com

УДК 338.001.36

Палаткин, И. В.

Влияние состояния инвестиционного климата субъекта Российской Федерации на региональные статистические показатели / И. В. Палаткин, К. Ю. Чех // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 174–184. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-19

УДК 339.9
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-20

В. М. Володин, Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РЕГИОНОВ: НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ С ПРОВИНЦИЯМИ КИТАЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Современная система международных отношений значительно многообразна; ее субъектами выступают государства, международные правительственные и неправительственные организации, регионы стран, негосударственные акторы. Проблема исследования международных связей регионов является актуальной в современных условиях в силу роста процессов глобализации и регионализации. Развитие международных связей регионов разных стран способствует гомогенизации современного международного пространства. Цель исследования состоит в изучении особенностей международных связей регионов, комплексном анализе малоизученной проблемы реализации внешних связей Пензенской области с провинциями Китая.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач достигается на основе анализа официальных документов, в том числе ФЗ РФ от 04.01.1999 № 3-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», Закона Пензенской области от 10.04.2006 № 1003-ЗПО «Об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Пензенской области», а также соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных Правительством Пензенской области с провинциями Китая. Важными для анализа являются статистические данные по внешнеторговому обороту между Китайской Народной Республикой и Пензенской областью. Методология исследования базируется на системном подходе; использовались монографический, правовой, статистический методы.

Результаты. Проведен теоретический анализ понятия «международные связи регионов», раскрыты основные направления сотрудничества Пензенской области с провинциями Китая. На основе анализа нормативно-правовых актов, данных статистики проанализирован опыт совместной работы Пензенской области и Китая в различных областях.

Выводы. В современных социально-экономических условиях необходимо дальнейшее развитие двусторонних отношений в области экономического взаимодействия Пензенской области с провинциями Китая на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: международные связи, сотрудничество, регионы, регионализация, Россия, Пензенская область, Китай.

V. M. Volodin, L. V. Rozhkova, O. V. Salnikova

INTERNATIONAL CONNECTIONS OF REGIONS: BY THE EXAMPLE PENZA REGION'S COOPERATION WITH CHINESE PROVINCES

Abstract.

Background. The modern system of international relations is significantly diverse; its subjects are states, international governmental and non-governmental or-

ganizations, regions of countries, non-state actors. The problem of region international relations research is relevant in modern conditions due to growing globalization and regionalization processes. Development of international relations in regions promotes homogenization of modern international space. The research objective consists in studying of international relation features in regions, complex analyzing of the poorly studied problem of Penza region's external relations realization with Chinese provinces.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing official documents, including the Federal Law of the Russian Federation from 01.04.1999 "On coordination of international and foreign economic relations of territorial subjects of the Russian Federation", the Law of Penza region from 04.10.2006 "On implementation of international and foreign economic relations of Penza region" and also agreements on implementation of international and foreign economic relations concluded by the Government of Penza region with Chinese provinces. The statistical data on foreign trade between China and Penza region are important for the analysis. The methodology of research was based on the system approach; monographic, law, statistical methods.

Results. The article theoretically analyzes the concept "external relations of regions" and shows the main fields of Penza region's cooperation with Chinese provinces. The experience of Penza region's collaboration with China in various fields is analyzed on the basis of normative acts and statistical data.

Conclusions. In modern social and economic conditions it is necessary for Penza region to further develop the bilateral relations in the field of economic interaction with Chinese provinces for a long-term period.

Key words: international relations, collaboration, regions, regionalization, Russia, Penza region, China.

Международные отношения представляют собой совокупность политических, социально-экономических, военных, дипломатических, культурных, научно-технических отношений и связей между государствами, их объединениями, народами [1]. Международные отношения охватывают взаимоотношения многочисленных акторов: от государств до отдельных корпораций – и реализуются на глобальном, международном, региональном уровнях. В настоящее время на реализацию внешнеэкономического и внешнеполитического курса стран оказывают влияние международные связи регионов стран. Их роль для государства значительна в ускорении темпов экономической интеграции с другими странами, укреплении добрососедства и развитии диалога, расширении международных контактов в разных областях. Большое позитивное влияние международные связи регионов имеют в деле укрепления хозяйственного развития региона, повышения жизненного уровня и занятости населения, формирования благоприятного инвестиционного климата, привлечения новых технологий, а также продвижения экспортной продукции региона.

В РФ на федеральном уровне международные связи российских регионов регулируются ФЗ РФ от 04.01.1999 № 3-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Российское законодательство рассматривает международные и внешнеэкономические связи субъектов РФ как «осуществляемые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и в иных областях связи с иностранными партнерами» [2].

Проводя сравнительный анализ международных отношений и связей, О. В. Плотникова отмечает, что международные отношения содержат в себе более широкий спектр видов взаимоотношений (в том числе политические, военные, консульские, дипломатические), чем международные связи. Таким образом, регионы не имеют права на их осуществление. В сферу их компетенции включены связи в области науки, техники, экономики, культуры, экологии, образования и др. [1]. Исследователи О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина характеризуют международные региональные связи как «связи, осуществляемые регионами государств на международной арене в сфере торговли, науки, техники, экономики, культуры, образования, здравоохранения и иных областях, кроме политической сферы» [3]. Подобного мнения придерживается и М. И. Полякова. Рассматривая международные связи российских регионов, она отмечает их существенный потенциал для реализации своего статуса – право участия в международном сотрудничестве по определенному кругу вопросов (экономика, торговля, культура, наука, экология, спорт, местное самоуправление). Федеральное законодательство определяет круг иностранных партнеров, с которыми субъекты РФ имеют право выстраивать международные и внешнеэкономические связи в пределах полномочий. Это субъекты, административно-территориальные образования иностранных государств. Также российские регионы – субъекты РФ – могут участвовать в деятельности различных международных организаций в рамках специально созданных для этой цели органов [4].

Зарубежные партнеры проявляют значительное внимание к международному взаимодействию с российскими регионами, что обусловлено рядом обстоятельств: наличием сырьевых ресурсов, высоким уровнем технологического и экономического развития отдельных субъектов РФ, привлекательным инвестиционным климатом. Большое значение имеют и общие культурные, языковые корни, географическое положение партнеров, являющееся основой для приграничного сотрудничества [4]. Исследователи также отмечают, что наличие международных связей регионов во многом зависит и от их специфики, их исторических, социально-экономических, социокультурных особенностей, геополитической специфики [5]. В настоящее время внешние связи субъектов РФ связаны прежде всего с экономическими аспектами сотрудничества (внешняя торговля, инвестирование, создание совместных предприятий, транспортировка грузов). Основное место в формах экономических связей регионов отводится торговым отношениям. Различают два типа международных связей регионов: приграничное сотрудничество (с сопредельными регионами других государств) и межтерриториальное сотрудничество (с несопредельными зарубежными регионами) [1]. Целью приграничного сотрудничества является формирование благоприятных условий для развития приграничных территорий. Оно является частью внешнеэкономических связей, специфической разновидностью международной деятельности регионов. Характер приграничного сотрудничества определяется рядом условий, в том числе этнокультурными особенностями, уровнем социально-экономического развития, приграничной инфраструктурой, а также общим уровнем развития сотрудничества соседних стран [6].

Исследователи О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина отмечают важную особенность в осуществлении регионами международных связей. Во-первых,

они имеют право заключать только соглашения, а не договоры, как субъекты международного права [1]. Международные соглашения регионов представляют собой документы, отражающие направления и содержание сотрудничества, которые подписывают участники международных связей на региональном уровне, действующие только в отношении этих регионов [3]. Во-вторых, на территории других государств могут действовать только представительства регионов, которые отличаются от представительств государств [1].

Регионы реализуют международные связи при непосредственной координации со стороны органов государственной власти. Значительная роль в этом процессе отводится Министерству иностранных дел РФ и его органам. Подобные структуры присутствуют и на региональном уровне.

Пензенская область расположена в европейской части России, является субъектом РФ, входит в состав ПФО. Население области, по данным Росстата, на 01.01.2016 составляет 1 348 703 человек. Пензенская область – многонациональный регион с преобладанием русского населения (85 %). Пензенская область является регионом с достаточно высоким инвестиционным, инновационным, промышленным потенциалом. В регионе исторически присутствует промышленная специализация в производстве оборудования для транспорта, энергетики, нефтегазовой промышленности, машиностроения; в последние годы наблюдается рост машиностроения, приборостроения, целлюлозно-бумажной, пищевой промышленности, производства строительных материалов. Следует отметить, что в регионе активным темпам подвержен инновационный сектор экономики. Так, по рейтингу инновационного развития субъектов РФ (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ), с 2015 г. Пензенская область входит в десятку лучших. В области действует сеть бизнес-инкубаторов, созданы технопарки. В соответствии с Законом Пензенской области от 30.06.2009 № 1755-ЗПО «Об инвестициях и государственно-частном партнерстве в Пензенской области» установлены формы поддержки инвестиционной деятельности, оптимальная система налоговых льгот. Регион является нетто-импортером электроэнергии. АПК Пензенской области развивается значительными темпами, что обусловлено природно-климатическими условиями. Это производство зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, мяса свиней, крупного рогатого скота, птицы, молока, яиц [7].

В 1999 г. было создано Министерство внешнеэкономических и межрегиональных связей Пензенской области (Постановление Губернатора от 22.06.1999 № 110) в качестве структурного подразделения Правительства Пензенской области[1]. Оно координировало работу по осуществлению в регионе государственной политики по развитию международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей. В 2001 г. на его смену пришло Управление международных отношений и межрегиональных связей в составе Аппарата Губернатора (Постановление Губернатора от 24.01.2000 № 21). В 2015 г. было создано Министерство инвестиционного развития и внешнеэкономической деятельности.

В Пензенской области действует Закон Пензенской области от 10.04.2006 № 1003-зпо «Об осуществлении международных и внешнеэконо-

[1] Положение о министерстве внешнеэкономических и межрегиональных связей Пензенской области / утв. Постановлением Губернатора Пензенской области от 22.06.1999 № 110 (утратило силу).

мических связей Пензенской области» [8]. Он призван регулировать осуществление международных и внешнеэкономических связей Пензенской области. Под международными и внешнеэкономическими связями Пензенской области рассматривается «осуществляемая в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных сферах деятельность, направленная на установление отношений с иностранными партнерами» [8].

Пензенская область активно сотрудничает со странами ближнего и дальнего зарубежья. За девять месяцев 2015 г. товарооборот области со странами дальнего зарубежья составил 231 054,4 тыс. долл.; со странами СНГ – 25 885,5 тыс. долл. Основными торговыми партнерами были страны дальнего зарубежья. Крупнейшими торговыми партнерами при экспорте были (в порядке убывания): Египет, Китай, Алжир; при импорте: Китай, Германия, Польша [9].

Следует отметить, что Пензенская область уже давно развивает торговые отношения с Китаем, а внешнеторговый оборот ежегодно растет. Из общего объема импорта объем импортных поставок из Китая достигает 16 %. По данным Территориального органа ФСГС по Пензенской области, к 2014 г. по сравнению с 2008 г. внешнеторговый оборот между Пензенской областью и регионами Китая вырос практически в три раза, составив 37 903,1 тыс. долл. (в 2008 г. – 13 179,4 тыс. долл.). В 2015 г. внешнеторговый оборот составил 55,9 млн долл. [10]. С Китаем поддерживают торгово-экономические отношения более двадцати предприятий области. Структура товарооборота практически не меняется. В экспорте преобладают поставки котлов, электрического и другого оборудования, пластмасс и изделий из них. В структуре импорта лидирующие позиции занимает машиностроительная продукция [11].

Пензенская область является перспективным и интересным регионом для инвесторов. В настоящее время Пензенская область активно развивает межтерриториальное сотрудничество. Правительством Пензенской области заключены соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с регионами Беларуси, Казахстана, Молдавии. Значительное внимание уделяется международному сотрудничеству Пензенской области и провинций Китая. В настоящее время заключены соглашения со следующими провинциями: Ганьсу (2001), Цзилинь (2006), Сычуань (2014), Хубэй (2015), Цзянси (2017). Эти соглашения касаются взаимного научно-технического, торгово-экономического (сельское хозяйство, текстильная, пищевая промышленность, машиностроение, легкая промышленность, строительный комплекс и др.), гуманитарного, культурного сотрудничества.

Губернатор Пензенской области И. Белозерцев отмечает, что Китай для Пензенской области является стратегическим партнером, с которым выстраиваются взаимовыгодные отношения на протяжении многих лет. Губернатор подчеркнул значительные преимущества Пензенского региона: хороший потенциал в промышленности, инновационном производстве, сельскохозяйственной, строительной отраслях, лесном хозяйстве. В Пензенской области созданы все условия для подготовки требуемых специалистов, есть высококвалифицированные кадры. Кроме того, одной из наиболее прогрессивных в России является действующая система налоговых преференций для инвесторов [12].

В Китае присутствует значительный спрос на сельхозяйственную продукцию, а Пензенский регион обладает благоприятными условиями для реализации сельхозпроектов. В июле 2016 г. на первом заседании Совета по сотрудничеству регионов ПФО и китайских провинций реки Янцзы [13] было подписано соглашение о сотрудничестве между Пензенской областью и провинцией Хубэй в сфере сельского хозяйства для создания благоприятных условий в отношениях между сельхозяйственными предприятиями. Основными направлениями совместной работы являются животноводство, переработка, продажа продукции АПК, строительство теплиц, обмен специалистами в сфере агротехнологий. Была достигнута договоренность по проекту создания сельскохозяйственного парка [14]. С апреля 2016 г. в Пензенской области инвестиционный проект по строительству сельскохозяйственного парка (сушильный комплекс, комбикормовый завод, зернохранилище, свиноводческий комплекс, завод по переработке мясной продукции, комплекс по выращиванию кукурузы, подсолнечника, рапса и др.) реализует китайская компания «СиньСин». Общий объем инвестиций – 1 млрд юаней (10 млрд рублей), срок проекта – пять лет [15].

С 2017 г. в пензенском в технопарке «Рамеев» проводится работа по созданию совместного российско-китайского предприятия по серийному высокотехнологичному производству ортопедических изделий, медицинских изделий по травматологии. Также рассматриваются перспективы торгового сотрудничества в области пищевой промышленности. Китайские инвесторы планируют построить в Пензенской области грибоводческий комплекс, кирпичный завод.

Таким образом, Пензенская область и Китай обладают уникальным экономическим потенциалом и богатым опытом совместного сотрудничества в разных областях. Китай остается крупнейшим внешнеэкономическим партнером Пензенской области. На сегодняшний день реализуется пять соглашений Пензенской области с разными провинциями Китая. Значительное внимание уделяется сотрудничеству Пензенской области и КНР в сфере сельского хозяйства. Значительная работа проводится по созданию совместных российско-китайских предприятий. Правительство Пензенской области активно расширяет торгово-экономическое сотрудничество в китайскими провинциями. Активное участие в форумах, проведение рабочих встреч и подписание международных соглашений – результат работы руководства Пензенской области по развитию взаимовыгодного сотрудничества с Китаем.

Библиографический список

1. **Плотникова, О. В.** Международные отношения государств и международные связи регионов государств: общее и особенное / О. В. Плотникова // Власть. – 2014. – № 12. – С. 65–69.
2. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : Федер. закон РФ от 04.01.1999 № 3-ФЗ (с изм. от 13.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 20 июля. – № 29 (ч. I). – Ст. 4381.
3. **Плотникова, О. В.** Международные связи регионов государств: теория и практика / О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина. – Новосибирск, 2013. – 272 с.
4. **Полякова, М. И.** Международные связи субъектов РФ: механизм реализации / М. И. Полякова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 2. – С. 111–117.

5. **Кузьмин, Д. С.** Региональный фактор во внешнеполитической деятельности России / Д. С. Кузьмин // Власть. – 2004. – № 12. – С. 37–44.
6. **Вардомский, Л.** Приграничное и трансграничное сотрудничество в программах сотрудничества ЕС и стран СНГ / Л. Вардомский // Аналитические записки. – URL: http://analyticsmz.ru/?p=706
7. Паспорт Пензенской области. – URL: http://pnzreg.ru/economic/external_links/Pasport_Penzenskoy_oblasti
8. Об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Пензенской области : Закон Пензенской области от 10.04.2006 № 1003-ЗПО (с изм. и доп.) // Пензенские губернские ведомости. – 2015. – 22 октября. – № 63.
9. Итоги внешней торговли Пензенской области за январь-сентябрь 2015 года. 04.04.2016. – URL: http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4144/
10. Внешнеторговый оборот Пензенской области с Китаем за 6 лет увеличился втрое. 17.06.2015. – URL: http://r45.ved.gov.ru/events/20144.html
11. 25 пензенских предприятий поддерживают торгово-экономические отношения с КНР. – URL: http://penza-press.ru/lenta-novostei/2014/11/13/113000-1
12. Партнерство Пензенской области и КНР будет крепнуть и развиваться, – Иван Белозерцев // Официальный портал Правительства Пензенской области. 25.02.2016. – URL: http://pnzreg.ru/news/2016/02/25/17472057
13. Подписано соглашение о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства между Правительством Пензенской области и Народным Правительством провинции Хубэй (КНР) // Официальный сайт Министерства экономики Пензенской области. 19.07.2016. – URL: http://econom.pnzreg.ru/news/2016/07/19/11495556
14. Китайские инвесторы вложатся в АПК Пензенской области // Российская газета. – 2016. – 20 июля. – URL: https://rg.ru/2016/07/20/reg-pfo/kitajskie-investory-vlozhatsia-v-apk-penzenskoj-oblasti.html
15. Китайские инвесторы вложат в Пензенскую область 10 млрд рублей. – URL: http://www.agroinvestor.ru/regions/news/24837-kitayskie-investory-vlozhat-v-penzenskuyu-oblast/

References

1. Plotnikova O. V. *Vlast'* [The authority]. 2014, no. 12, pp. 65–69.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2015, 20 July, no. 29 (part I), art. 4381.
3. Plotnikova O. V., Dubrovina O. Yu. *Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: teoriya i praktika* [International relations of country's regions: theory and practice]. Novosibirsk, 2013, 272 p.
4. Polyakova M. I. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Middle Russia bulletin of social sciences]. 2008, no. 2, pp. 111–117.
5. Kuz'min D. S. *Vlast'* [The authority]. 2004, no. 12, pp. 37–44.
6. Vardomskiy L. *Analiticheskie zapiski* [Analytical notes]. Available at: http://analyticsmz.ru/?p=706
7. *Pasport Penzenskoy oblasti* [Passport of Penza region]. Available at: http://pnzreg.ru/economic/external_links/Pasport_Penzenskoy_oblasti
8. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial news]. 2015, 22 October, no. 63.
9. *Itogi vneshney torgovli Penzenskoy oblasti za yanvar'-sentyabr' 2015 goda. 04.04.2016* [Foreign trade results of Penza region in January–September 2015]. Available at: http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/4144/
10. *Vneshnetorgovyy oborot Penzenskoy oblasti s Kitaem za 6 let uvelichilsya vtroe. 17.06.2015* [Foreign trade turnover of Penza region with China has tripled over 6 years]. Available at: http://r45.ved.gov.ru/events/20144.html
11. *25 penzenskikh predpriyatiy podderzhivayut torgovo-ekonomicheskie otnosheniya s KNR* [25 Penza's companies maintain trade relations with China]. Available at: http://penza-press.ru/lenta-novostei/2014/11/13/113000-1

12. *Ofitsial'nyy portal Pravitel'stva Penzenskoy oblasti. 25.02.2016* [The official portal of the Government of Penza region]. Available at: http://pnzreg.ru/news/2016/02/25/17472057
13. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva ekonomiki Penzenskoy oblasti. 19.07.2016* [The official website of the Ministry of Economy of Penza region]. Available at: http://econom.pnzreg.ru/news/2016/07/19/11495556
14. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper]. 2016, 20 July. Available at: https://rg.ru/2016/07/20/reg-pfo/kitajskie-investory-vlozhatsia-v-apk-penzenskoj-oblasti.html
15. *Kitayskie investory vlozhat v Penzenskuyu oblast' 10 mlrd rubley* [Chinese investors to put 10 billion of rubles into Penza region]. Available at: http://www.agroinvestor.ru/regions/news/24837-kitayskie-investory-vlozhat-v-penzenskuyu-oblast/

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Volodin Victor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor, dean of the faculty of economics and management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Рожкова Лилия Валерьевна
доктор социологических наук, профессор, кафедра экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Rozhkova Lilia Valeryevna
Doctor of sociological sciences, professor, sub-departament economics and international relations, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Сальникова Ольга Владимировна
старший преподаватель, кафедра экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Salnikova Olga Vladimirovna
Senior lecturer, sub-departament economics and international relations, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: sova_newm@mail.ru

УДК 339.9

Володин, В. М.

Международные связи регионов: на примере сотрудничества Пензенской области с провинциями Китая / В. М. Володин, Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 185–192. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-20

УДК 339.13
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-21

Е. В. Изосина, Л. Н. Семеркова

ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЫНКА ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Стремительное развитие таких направлений, как виртуальная и дополненная реальность, обусловливает необходимость изучения данных отраслей и выявления тенденций их развития. Поэтому целью исследования является анализ данного рынка, основных трендов отрасли виртуальной реальности, а также выявление тенденций развития и построение прогноза на несколько периодов упреждения.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута с помощью анализа материалов аналитических и консалтинговых компаний, работающих в данной сфере, актуальных данных и показателей, характеризующих этот рынок. Кроме того, были применены статистические методы анализа показателей, а также методы построения, описания и прогнозирования тенденций.

Результаты. В результате исследования был проведен анализ емкости рынка, конкурентов, определены точки роста на основе анализа потребностей потребителей, а также намечены перспективы и направления развития предприятий данной отрасли.

Выводы. Проведенные исследования подтвердили стратегическую привлекательность рынка виртуальной и дополненной реальности в России. Однако для успешного функционирования в долгосрочной перспективе необходимо учесть многие факторы, в том числе высокий уровень конкуренции, постоянную потребность в инновациях и необходимость разработки конкурентоспособного программного обеспечения.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, прогнозирование спроса, VR, AR.

E. V. Izosina, L. N. Semerkova

STRATEGIC APPEAL EVALUATION OF THE VIRTUAL AND AUGMENTED REALITY MARKET IN RUSSIA

Abstract.

Background. The rapid development of such areas as virtual and augmented reality necessitates the study of these industries and the identification of trends in their development. Therefore, the purpose of the study is to analyze this market, the main trends of the virtual reality industry, as well as to identify the trend of development, and to forecast several periods of anticipation.

Materials and methods. The research tasks were implemented by analyzing the materials of analytical and consulting companies working in this field, relevant data and indicators characterizing this market. In addition, the authors used statistical methods for analyzing indicators, as well as methods for constructing, describing, and forecasting trends.

Results. As a result of the research the authors have analyzed the market capacity and competitors, determined points of growth by examining the needs of consumers, and outlined development prospects and directions for enterprises in this industry.

Conclusions. The conducted research confirmed the strategic appeal of the virtual and augmented reality market in Russia. However, to ensure long-term successful operation many factors need to be taken into account, including a high level of competition, a constant need for innovation and a need to develop competitive software.

Key words: virtual reality, augmented reality, demand forecasting, VR, AR.

По прогнозам FORBS и других СМИ, устройства виртуальной реальности через несколько лет станут так же популярны и функциональны, как мобильные телефоны. С помощью таких девайсов пользователи смогут смотреть кино и сериалы, присутствовать на массовых мероприятиях и совершать покупки. В ближайшем будущем цены на AR/VR-устройства могут упасть на 20–30 %, что превратит технологии дополненной реальности из «магии» в привычные в повседневности решения. А это значит, что проекты виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности смогут не только создавать концептуально новые рынки, но и расширять уже имеющиеся (рис. 1).

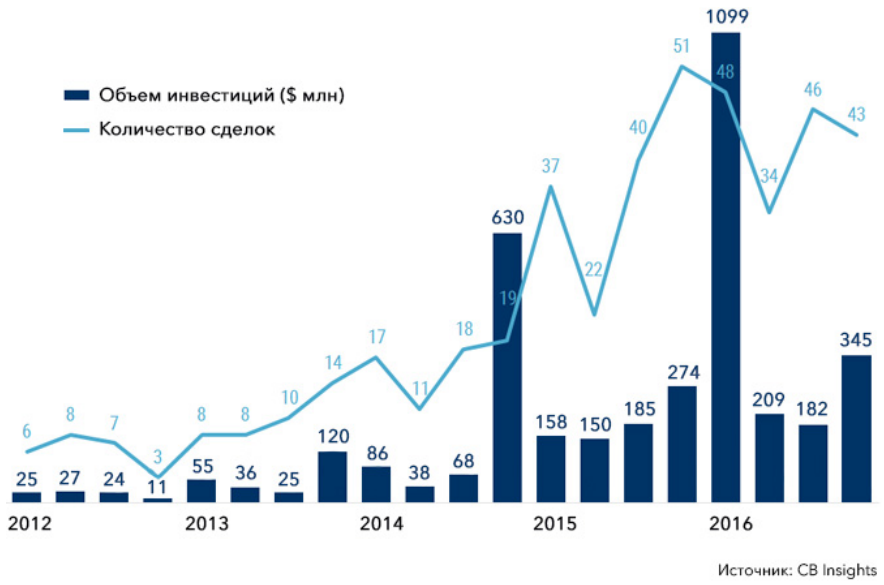

Рис. 1. Объем инвестиций в VR/AR-технологии в России (поквартально, 2012–2016 гг.)

Вот некоторые факты, иллюстрирующие развитие инфраструктуры в России:

– летом 2016 г. был запущен венчурный фонд VRTech для инвестиций в проекты виртуальной реальности, его общий объем – более 300 млн рублей;

– компания Vizart.tv совместно с Центром организации дорожного движения Москвы выпустила проект по виртуальной визуализации дорожного трафика столицы;

– студия AR Production успешно реализовала навигатор по Кипру в дополненной реальности;

– в июне в Москве прошел первый в России фестиваль виртуального кино –VR Film Festival;

– в НИУ «Высшая школа экономики» Высшая школа бизнес-информатики в рамках программы «Менеджмент игровых интернет-проектов» появился отдельный предмет – «Виртуальная реальность».

Только исходя из перечисленных выше фактов можно сделать вывод: в 2017 г. у AR/VR есть все шансы стать тем, о чем не читают в статьях, а что есть у многих знакомых и друзей, чем человек пользуется в общественных организациях, на работе, в повседневной жизни.

Но дабы не быть голословным, автором проведен анализ потенциального спроса по сегментам. Другими словами, была рассчитана потенциальная емкость рынка на 2017 г. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Расчет потенциального спроса и объема продаж на 2017 г.

Сегмент	Количество единиц
Игры	26 000 000
Аттракционы	2396
Прямые трансляции	120 000
Образование	1 128 750
Строительство и проектирование	700
Здравоохранение	19 225
Туризм	78
Итого	**27 271 149**

По итогам анализа были получены значения потенциальной емкости рынка, причем данный прогноз можно считать пессимистичным в контексте сценарного планирования. Данные об организациях и индивидуальных потребителях взяты в минимальных границах значений. Для того чтобы можно было сделать интересующие нас заключения о динамике развития, а также построить прогноз развития рынка, были проанализированы данные предшествующих периодов и с помощью метода скользящей средней построен график тенденции (рис. 2).

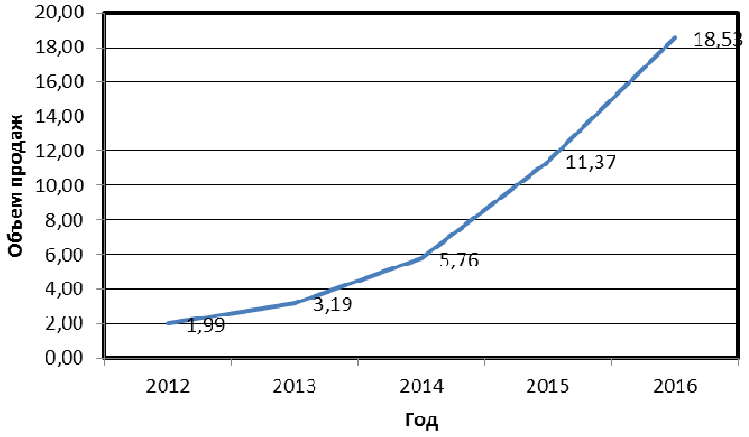

Рис. 2. Вид основной тенденции

Средний темп роста: $\overline{\mathrm{T_р}} = \sqrt[n-1]{\frac{y_n}{y_1}} = \sqrt[6]{\frac{27}{1,9}} = 1,56$.

Составим простейший прогноз на основе использования среднего темпа роста (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз объема продаж на основе среднего темпа роста

Год	**Объем продаж, млн ед.**
2018	27,61
2019	28,24
2020	28,88

Таким образом, оптимистичный прогноз подтвердился: сегмент новый и темпы роста высокие. Однако не стоит забывать, что на рынке уже действуют крупные компании, которые в силу своих финансовых возможностей могут легко инвестировать развитие такого бизнеса. Для того чтобы оставаться конкурентоспособным, необходимо сформулировать ключевое конкурентное преимущество.

Действительно, за последние два года количество активно развивающихся российских компаний в данной сфере выросло в три раза – с 60 до 183. По месту расположения и активности 105 компаний находятся в Москве, 25 в Санкт-Петербурге, остальные расположены в городах по всей стране (рис. 3).

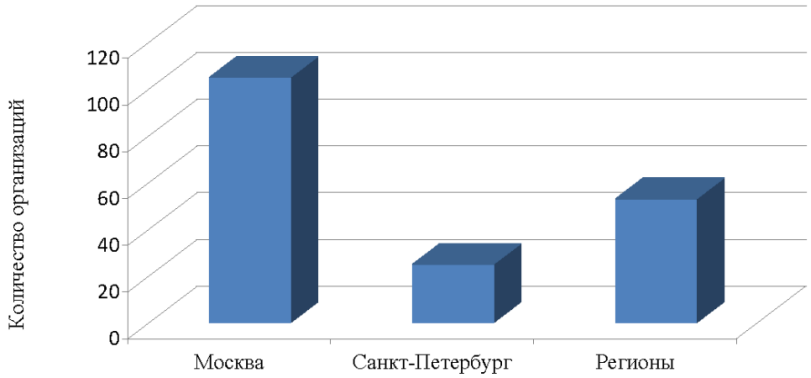

Рис. 3. География конкурентов отрасли

Рынок AR/VR испытывает явный подъем не только по количеству компаний, но и по уровню реализуемых проектов по сравнению с началом 2016 г. Этому способствует интерес со стороны инвесторов, как венчурных фондов, так и бизнес-ангелов, которые в совокупности вложили более **700 млн рублей** в AR/VR-компании за 2016 г. Для сравнения в 2015 г. совокупный объем инвестиций составил около 200 млн рублей. Размеры сделок сильно варьируются от посевных инвестиций в 15 000 долл. до 2,5 млн долл. от Венчурного фонда Sistema VC в образовательный проект MEL Science.

Основными драйверами индустрии являются небольшие студии (3–20 человек), имеющие экспертизу в AR/VR-технологиях и ведущие передовые разработки в данном технологическом направлении. Крупные российские компании присматриваются к технологиям, но пока немногие заявляют о собственных разработках.

В качестве исключения стоит отметить, что Mail.ru в сентябре 2016 г. выпустила прототип своей первой VR-игры; компания Avrorus ведет разработку Социальной платформы в формате виртуальной реальности VR Timvi; Телеканал «Авто24» (Холдинг Контент Юнион) реализовал новый медиаформат – мобильное приложение VR24, где возможно стать непосредственным участником репортажа и тест-драйва автомобилей (съемки в формате 360 градусов).

За последний год проекты с использованием AR/VR-технологий были реализованы для многих крупных заказчиков, например Сбербанка, Сибура, Росатома, Газпрома, парка ВДНХ, крупного московского застройщика Группы ПСН, музеев (Музея архитектуры и Пушкинского музея и др.).

Если в 2015 г. основными направлениями деятельности компаний было создание рекламных и маркетинговых проектов под заказ, то в 2016 г. российские AR/VR-компании стали уделять особое внимание разработке собственных AR/VR-продуктов для образовательной, развлекательной, архитектурной и других сфер.

В 2017 г. ожидается еще более интенсивное развитие отрасли и появление проектов мирового уровня для пользователей, а также широкая интеграция VR-решений в бизнес-процессы, образование и промышленность. Как сообщает ridus.ru, пока неизвестная российская компания на базе Сколково займется разработкой очков/шлема виртуальной реальности. Русский аналог «Окулус Рифт» обойдется бюджету в миллиард рублей. На данный момент известна только первоначальная сумма проекта, которая может быть увеличена. Никаких сроков реализации проекта нет, и детали его не известны.

В России наладить выпуск шлемов пытаются новосибирская компания VR CORP и красноярская компания VR device, а уфимская компания Finch разработала VR-контроллер для пальцев, чтобы жестами управлять героями игр. Компания MEL Science разрабатывает серии VR-уроков для школьников, в октябре компания привлекала 2,5 млн долл. от венчурного фонда АФК «Система».

Основными зарубежными игроками среди производителей десктопных шлемов виртуальной реальности в настоящий момент выступают Oculus Rift, HTC Vive, Sony PlayStation VR.

У Oculus Rift был хороший старт за счет своего первенства на рынке виртуальной реальности. Благодаря этому Oculus занял центральное положение, объединив вокруг себя среду разработки Unity и разработчиков периферийных устройств. Однако сложности с совместимостью версий SDK, предоставляемого от Oculus для разработчиков, снижает их желание участвовать в разработке новых приложений, а значит, динамика наполнения приложений для этого шлема будет неизбежно снижаться. К тому же конкурент в виде HTC Vive уверенно сравнял счет по всем техническим качествам и идет на опережение, предоставляя новые возможности вроде непосредственного синхронного перемещения в реальном и виртуальном пространстве. Можно

с уверенностью говорить, что в ближайшем будущем из этих двух шлемов лидерство займет HTC Vive, как корпорация с более длительным техническим опытом и возможностями.

Сравнивать шлем Sony PlayStation VR с предыдущими двумя шлемами немного некорректно, поскольку этот шлем виртуальной реальности нацелен исключительно на игровые консоли, т.е. у них фактически разная целевая аудитория. Однако с учетом налаженных маркетинговых коммуникаций с розничными сетями, шлем виртуальной реальности от Sony имеется в наличии во многих магазинах, в то время как продажи Oculus Rift и HTC Vive до сих пор ведутся энтузиастами, только вошедшими розницу. И это как раз может подстегнуть многих к покупке игровой консоли и определить лидерство на рынке виртуальной реальности в целом.

Безусловным лидером среди устройств виртуальной реальности middle-level является компания Samsung с ее “Gear VR”. Однако последние новости об отзыве смартфонов модели Note 7 из-за самовозгорания и дальнейший отказ Oculus Rift от поддержки нанесли серьезный удар по репутации компании. Вряд ли кто из пользователей хотел бы, чтобы телефон взорвался прямо у них на голове. Следующим после Samsung производителем следует назвать компанию Fibrum. Не обладая особыми техническими преимуществами в продукции, компания построила хороший маркетинг, участвуя в многочисленных мероприятиях и разрабатывая собственные брендированные мобильные приложения.

Серьезным претендентом для выхода на этот рынок является компания Google со своей платформой Google Daydream VR, которую они представили на недавней презентации. Однако, как во всяком случае показывает практика в России, Google нечасто удается попасть в розничную среду, и не стоит говорить о массовом потреблении ее продуктов.

К сегменту low-level мы относим картонные очки виртуальной реальности Google Cardboard и их многочисленные копии стоимостью менее одной тысячи рублей. Основной канал продажи таких очков – это Интернет, в большинстве случаев покупатели заказывают их через AliExpress от многочисленных китайских производителей. К лидерам российского рынка картонных очков виртуальной реальности для смартфонов, безусловно, можно отнести компанию VR CORP. В отличие от любых других производителей, включая Google, очки виртуальной реальности VRCORP поставляются сразу в собранном дизайнерском виде, за счет чего VR CORP удалось выйти из сети Интернет на розничный рынок в торговых и развлекательных центрах и продать свыше 4000 штук за 2016 г.

Таким образом, очевидно, что уровень конкуренции не просто высокий, он зашкаливает. Причем из приведенной выше аналитики относительно известных на сегодняшний день российских и зарубежных компаний видно, что в борьбе за место на новом рынке и потребителя устройств виртуальной реальности участвуют как мелкие компании, так и «мастодонты» высокотехнологичных отраслей.

Этот факт еще раз подтверждает привлекательность данного направления относительно положительной динамики развития рынка и повышения потребительского интереса, с одной стороны, и наличие жесткой как ценовой, так и неценовой конкуренции – с другой.

Но, возможно, потребителей хватит на всех или хотя бы на самых заинтересованных. У крупных компаний много других крупных проектов. А компании, сконцентрированные на данном сегменте, рано или поздно должны задаться вопросом: почему потребитель сегодня массово не скупает такие устройства, смущает ли его что-то или, наоборот, чего-то не хватает?

Актуальные исследования консалтинговых компаний говорят о том, что потенциальных покупателей прежде всего смущает цена. HTC Vive обойдется примерно в 1,1 тыс. долл., а полный комплект Oculus Rift – в 800 долл. (рис. 4). Однако практически все потребители, которые знакомы с устройством, признали его качество.

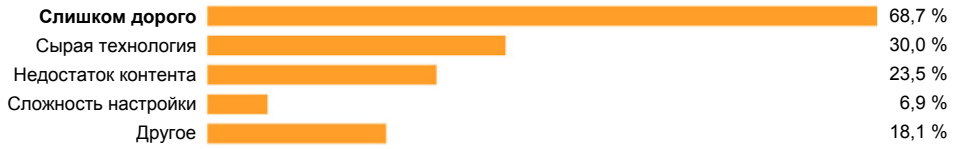

Рис. 4. Причины потребителей не приобретать устройство VR/AR

Второй по популярности ответ: VR – пока еще «сырая» технология. В случае VR устройства не полностью удовлетворяют покупателей.

Следующий пункт – «ценность». Пользователям не хватает контента, который будет оправдывать покупку. Без него любой VR-шлем – технологичная, но неудобная маска. Удовлетворенность он может принести только в момент статусной покупки, распаковки и первых экспериментов. Большинство людей не готовы отдавать за это тысячу долларов.

Таким образом, предположительно, по продажам в российском **розничном** сегменте, в ближайшее время будут конкурировать очки виртуальной реальности middle-level и low-level. Первые будут иметь хорошие показатели по денежному объему продаж, а вторые по объему продаж в натуральном выражении. Интересно, что среднестатистический посетитель торгово-развлекательных центров фактически не задумывается при покупке товара ценой менее 500 рублей, действуя импульсивно под влиянием wow-эффекта, что позволяет познакомить с виртуальной реальностью широкий круг людей. В дальнейшем люди, уже познакомившиеся с виртуальной реальностью, задумываются о покупке более качественных очков middle-level.

Следующая диаграмма (рис. 5) отображает еще один вопрос, которым должны задаться производители: чего потребителю не хватает или что можно улучшить для нахождения того самого преимущества перед другими производителями?

Рис. 5. Наиболее перспективные, по мнению потребителей, функции VR

Из диаграммы видно, что большинство хочет пользоваться беспроводным шлемом, осуществлять полный трекинг движения. Также преимуществами устройства вполне могут стать тактильный отклик и трекинг направления взгляда.

В завершение анализа поведения потребителя на интересующем нас рынке представим данные опроса, показывающие, какому конкретно производителю сегодня отдается предпочтение.

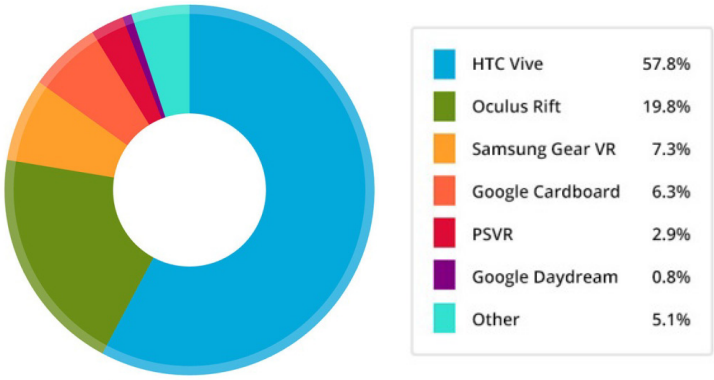

Рис. 6. Данные опроса потребителей
на предмет предпочтения марки шлема VR

Более половины опрошенных предпочитают HTC Vive, 19,8 % респондентов – Oculus, и 7,3 % – Sumsung Gear VR.

Теперь компании, функционирующие на данном рынке или только планирующие вход на него, отлично знают основных конкурентов и имеют отличную возможность изучить их преимущества, а возможно, создать продукт, в чем-то их превосходящий.

И в заключение сформулируем основные выводы по результатам анализа стратегической привлекательности направления устройств виртуальной и дополненной реальности.

На основе первичного анализа рынка устройств VR и AR выявлено, что привлекательность данного направления высокая. Российский и зарубежный рынок показывает высокие темпы роста как на сегодняшний день, так и в прогнозах на ближайшее десятилетие.

На рынке уже сегодня существует сильная конкуренция, которая предположительно будет возрастать прямо пропорционально росту рынка. Поэтому, если направление устройств VR/AR будет выбрано для дальнейшей работы, необходимо определить стратегию по отношению к наиболее крупным конкурентам, а также уникальное конкурентное преимущество.

Наиболее привлекательными сегментами, на наш взгляд, являются сфера образования, здравоохранения, туризма, строительства и НПК, так как взаимодействие будет осуществляться в формате B2B, конечный продукт разрабатываться совместно с заказчиком (так как требует особой специализации под конкретные потребности), в отличие, например, от игр или аттракционов VR.

Эффективным внедрение продукта может быть только при условии разработки для него соответствующего программного обеспечения, в противном случае продукт рискует оказаться невостребованным, так как потребитель не поймет цель такого приобретения.

Библиографический список

1. **Ламбен, Ж.-Ж.** Менеджмент, ориентированный на рынок : пер. с англ. / Ж.-Ж. Ламбен ; под ред. В. Б. Колчанова. – СПб. : Питер, 2007. – 800 с. – (Классика MBA).
2. Свежая статистика о российских геймерах // Hi-News.ru. Новости высоких технологий : [сайт]. – URL: https://hi-news.ru/research-development/svezhaya-statistika-o-rossijskix-gejmerax.html
3. **Хруцкий, В. Е.** Современный маркетинг. Настольная книга по исследованию рынка / В. Е. Хруцкий, И. В. Корнеева. – М. : Финансы и статистика, 2010.
4. Обзор рынка очков виртуальной реальности // Boxglass. – URL: http://vropt.ru/info/articles/
5. Официальный сайт VAMR. Единое информационное пространство виртуальной, дополненной, смешанной реальностей и смежных технологий. – URL: https://vamr.ru/
6. Официальный сайт Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
7. Обзор тенденций рынка виртуальных развлечений. – URL: http://blog.viabowling.ru/wp-content/uploads/2016/10/Novye-formaty-razvlekatelnyh-tsentrov-TRC.pdf

References

1. Lamben Zh.-Zh. *Menedzhment, orientirovannyy na rynok: per. s angl.* [Market-oriented management: translation from English]. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 800 p.
2. *Hi-News.ru. Novosti vysokikh tekhnologiy: [sayt]* [Hi-News.ru. High technology news]. Available at: https://hi-news.ru/research-development/svezhaya-statistika-o-rossijskix-gejmerax.html
3. Khrutskiy V. E., Korneeva I. V. *Sovremennyy marketing. Nastol'naya kniga po issledovaniyu rynka* [Modern marketing. A handbook on market research]. Moscow: Finansy i statistika, 2010.
4. *Boxglass*. Available at: http://vropt.ru/info/articles/
5. *Ofitsial'nyy sayt VAMR. Edinoe informatsionnoe prostranstvo virtual'noy, dopolnennoy, smeshannoy real'nostey i smezhnykh tekhnologiy* [The official site of VAMR. The unified informational space of virtual, augmented mixd realities and adjacent technologies]. Available at: https://vamr.ru/
6. *Ofitsial'nyy sayt Rosstat* [The official website of the Russian Statistical Agency]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
7. *Obzor tendentsiy rynka virtual'nykh razvlecheniy* [A review of virtual entertainment market trends]. Available at: http://blog.viabowling.ru/wp-content/uploads/2016/10/Novye-formaty-razvlekatelnyh-tsentrov-TRC.pdf

Изосина Елена Викторовна
магистрант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Izosina Elena Victorovna
Master degree student, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: izosina.e@mail.ru

Семеркова Любовь Николаевна
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerkova Lyubov Nikolaevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing, commerce and service, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 339.13

Изосина, Е. В.

Оценка стратегической привлекательности рынка виртуальной и дополненной реальности в России / Е. В. Изосина, Л. Н. Семеркова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 193–202. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-21

УДК 331.08: 338.4
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-22

Г. Г. Лебедев, О. А. Лузгина, М. Г. Кузьмина

УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА «СЕМЬ НОТ»

Аннотация.

Актуальность и цели. В России один из самых высоких показателей экстенсификации труда как рабочих, так и служащих. При этом производительность у работающих значительно отстает от производительности рабочих в ряде стран, экономика которых опережает российскую. Специалисты отмечают, что для ликвидации отставания необходимо внедрять в управление новые инструменты. Цель работы – исследовать возможность использования концепции «Семь нот» для управления производительностью труда на промышленном предприятии.

Материалы и методы. Реализация поставленной цели и задач была достигнута на основе проведенного авторами исследования ситуаций, сложившихся на промышленных предприятиях Пензенской области в период с 2010 по 2015 г. В условиях высокой неопределенности внешней среды требуют внимания внутриорганизационные факторы предприятий, известные в прошлом как направления научной организации труда. При исследовании использованы эмпирические и общелогические методы.

Результаты. Применительно к организации труда на промышленном предприятии уточнена концепция «Семь нот», выбраны влияющие на производительность труда основные направления его организации.

Выводы. Сохраняется актуальность управления производительностью труда. Имеются внутренние резервы повышения эффективности труда персонала за счет совершенствования организации труда. Эффективно может быть использована методика «Трудности – причины – действия».

Ключевые слова: производительность труда, концепция управления «Семь нот», методика поиска резервов роста «Трудности – причины – действия».

G. G. Lebedev, O. A. Luzgina, M. G. Kuzmina

LABOR PRODUCTIVITY MANAGEMENT AT INDUSTRIAL ENTERPRISES USING THE “SEVEN NOTES” CONCEPTION OF LABOR ORGANIZATION

Abstract.

Background. Russia has one of the highest rates of labor extensification both for workers and employees. However, the workers’ performance lags far behind compared to ones from a number of countries, the economies of which surpass the Russian economy. Experts note that to get rid of the gap it is necessary to introduce new management tools. The aim of the work is to study the possibility of using the conception of “Seven Notes” to manage productivity at industrial plants.

Materials and methods. The goal and objectives were achieved on the basis of the authors’ research of the situation at industrial enterprises of the Penza region in

2010–2015. In conditions of high uncertainty of the external environment it is necessary to pay attention to company's internal organization, known in the past as the direction of scientific organization of labor. The study used empirical and logical methods generally.

Results. The article specifies the conception of "Seven Notes" in reference to labor organization at enterprises and selects the main directions of its organization influencing labor productivity.

Conclusions. Labor productivity management remains urgent and significant. There are internal reserves to increase the efficiency of staff performance at the expense of labor organization improvement. The method of "Difficulties – Causes – Actions" can be quite efficient.

Key words: productivity, concept of "seven notes" management, method of growth reserves search "Difficulties – Causes – Actions".

Уже много лет в научных кругах и высших органах управления российской экономики обсуждается тема повышения производительности труда. В частности, в 2014 г. было принято распоряжение для организаций с государственным участием о повышении производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза. В своем послании Федеральному Собранию Президент РФ нацеливает на кардинальное повышение производительности труда (9,8 %) в экономике 2017 г., что требует дополнительных усилий руководителей и ответственных лиц всех организаций, особенно с государственным участием в их собственности.

Низкая производительность является одним из факторов, оказывающих сдерживающее воздействие на экономику страны. Фактор производительности – одно из ограничений роста российской экономики.

Российская экономика с 1998 по 2008 г. росла (примерно на 7 %). Одним из драйверов роста является фактор изменения (экономии) рабочих часов. По мнению Всемирного банка, изменение предложения рабочей силы стало в дальнейшем причиной торможения экономического роста в РФ.

Негативное воздействие на рабочие часы оказывают низкая рождаемость, продолжительность жизни населения, которая находится на сравнительно низком уровне. Главный фактор низкой производительности – неэффективное производство и использование устаревших технологий, высокий уровень износа оборудования.

Сдерживающее влияние на привлечение новых технологий в промышленность оказывают не столько санкции, сколько трудности с привлечением инвестиций.

Во многих изданиях отмечается, что производительность труда в России в два раза ниже, чем в Евросоюзе. В среднем по Евросоюзу показатель эффективности (ВВП к отработанным человеко-часам) – 50 долл., в России – 25,9 долл.; в США – 67,4 долл.

Отмечается значительный разрыв в производительности труда между российскими регионами, отраслями и даже отдельными производствами. Например, в нефте- и газодобыче выработка превосходит среднюю по стране в семь раз. Производительность в бюджетной сфере ниже, чем в коммерческом секторе.

Одним из эффективных методов борьбы с низкой производительностью предприниматели считают концепцию бережливого производства, основанную на постоянном устранении всех видов потерь.

Для роста производительности труда не хватает квалифицированных кадров по рабочим специальностям, а также менеджеров среднего звена, эффективных рабочих мест, улучшенной организации труда.

На большинстве отечественных промышленных предприятиях деятельность по управлению производительностью труда не выстроена в единую систему, в результате чего реализуются разрозненные мероприятия, при выполнении которых не всегда достигается стратегическая цель компаний. Возникает риск недостижения контрольных значений показателя.

Проблема управления производительностью требует комплексного подхода, поскольку резервы ее роста за счет модернизации производства крайне малы. Решение вопроса будет заключаться в построении системы управления производительностью труда как единого комплекса, в основу которого полагаются направления совершенствования деятельности в области организации труда. Учитывая тот факт, что добавленную стоимость продукта формируют результаты труда работников организации, то и вопросы повышения производительности необходимо рассматривать в сфере создания этой стоимости. В связи с этим требует актуализации следующие процессы [1, 2]:

– описание основных факторов, влияющих на производительность;

– выявление «узких мест» и мер по их расширению;

– нормирование труда и оценка качества действующих норм времени на основе ключевых индикаторов;

– установление организационно-технических условий, их проектирование и внедрение;

– повышение квалификации и совершенствование компетенций работников;

– формирование системы оплаты труда, ориентированной на результат;

– применение средств автоматизации и информационных технологий.

Содержанием, сущностью и результатом управления производительностью труда должно быть выявление реальных возможностей ее повышения и вовлечения этих возможностей, наряду с финансами, в хозяйственный оборот [3].

Управление производительностью как одной из функциональных подсистем менеджмента предприятия является воздействием субъекта управления на весь жизненный цикл продукции, особенно на этапы цикла, где сконцентрированы наибольшие резервы роста. В качестве наиболее признанного и понятного подхода к управлению производительностью труда авторами предлагается использование методологии, в основу которой положена концепция «Семь нот». Впервые она была апробирована для менеджмента организации [4].

Рассмотрим суть концепции организации труда «Семь нот». Предполагается, что для построения системы эффективного управления производительностью труда в организации (на предприятии) выделяют семь наиболее значимых направлений (аспектов, нот) в области организации труда, развивая которые можно получить максимальный результат в части эффективного производства.

Проведенный в 2016 г. опрос специалистов промышленных предприятий города Пензы позволил выявить следующие семь направлений (подсистем, нот):

1) квалификация, компетенции персонала;
2) техника и технологии производства;
3) организационно-технические условия;
4) мотивация и стимулирование труда;
5) нормирование ресурсов;
6) IT-технологии;
7) творческая активность.

Выделим основные характеристики выделенных подсистем управления производительностью труда (табл. 1).

Таблица 1

Подсистемы управления производительностью труда на предприятии

Подсистема (ноты)	Краткая характеристика
1. Квалификация, компетенции персонала	Квалификационные характеристики, навыки и умения (компетенции) персонала, функции в бизнесе, персональные требования и критерии и др.
2. Техника и технологии	Достигнутый уровень и возможности развития применяемой техники и технологии производства
3. Организационно-технические условия	Условия труда, организация рабочих мест, инфраструктурные элементы, аспекты автоматизации и др.
4. Мотивация и стимулирование труда	Политика оплаты и стимулирования труда (тарифная, премирование и бонусы, социальные льготы), стимулирование инновационной активности и др.
5. Нормирование ресурсов	Нормативное хозяйство предприятия, ориентированное на развитие; управление, ориентированное на результативность труда
6. IT-технологии	Применение ERP, MES, PLM, PDM-систем. Внедрение аспектов цифровой экономики
7. Творческая активность	Развитие рационализаторства, изобретательства и др.

Каждая из выбранных подсистем может быть оценена по уровню ее соответствия современным требованиям экономики (эффективности), возможности решения проблем организации [5]. Для этих целей предлагается использование одного из методов вербально-логического анализа для подсистем управления производительностью труда по схеме «Трудности – причины – действия» (Т – П – Д). Используя эту технологию анализа проблем, можно выявить информацию по каждой подсистеме организации труда для любого хозяйствующего субъекта (табл. 2).

Рассмотрим (по одной подсистеме) полученные результаты анализа при управлении производительностью по технологии «Т – П – Д» (табл. 3) для одного из пензенских промышленных предприятий.

В представленных материалах не приводится содержание предлагаемых мероприятий по другим подсистемам концепции, поскольку, на наш

взгляд, они будут весьма индивидуальны для каждого предприятия (организации).

Таблица 2

Форма представления материалов для системного анализа состояния управления производительностью труда в организации

Подсистема	**Трудности**	**Причины трудностей**	**Что сделано в организации?**	**Что еще необходимо сделать?**
(См. табл. 1.) Например: Нормирование ресурсов	1. Рост расходов на персонал в организации. 2. Низкая конкурентоспособность продукции организации. …	1.1. Отсутствие специалиста по нормированию. 1.2. Высокая численность административно-управленческого персонала …	– Разработан план мероприятий по оптимизации численности персонала; – проводится мониторинг поддержания соотношения средней заработной платы и производительности труда; – внедряются принципы бережливого производства; …	– Внедрение новых технологий производства и управления; …

Таблица 3

Результаты анализа подсистемы «Квалификация, компетенции персонала» предприятия «XXX»

Трудности	**Причины трудностей**	**Что сделано в организации?**	**Что еще необходимо сделать в организации?**
1	2	3	4
1. Отсутствие необходимых навыков для выполнения функциональных обязанностей	1.1. Предъявляемые к работнику требования не отражены в должностных обязанностях. 1.2. Дефицит у работника времени и отсутствие желания изучения современных подходов и тенденций в технике выполнения работ. 1.3. Отсутствие эффективной системы наставничества	– Разработаны и внедрены должностные инструкции на основе ЕТКС и требований организации; – разработано внутреннее положение по обучению и переобучению персонала	– Планировать работникам время на изучение современных тенденций развития в сфере выполняемых функций, проводить регулярный мониторинг результативности посредством «круглых столов»; – ввести требования по изучению современных тенденций выполнения трудовых обязанностей в должностные инструкции; – провести внедрение профессиональных стандартов; – разработать и внедрить систему (институт) наставничества для ИТР

Окончание табл. 3

1	2	3	4
2. Аттестация персонала не способствует полноценной оценке уровня его квалификации	2.1. Аттестация персонала проводится один раз в три года, ее результаты носят рекомендательный характер. 2.2. Отсутствие возможности провести аттестацию всего персонала. 2.3. Недостаточность необходимых компетенций у членов комиссии для проведения аттестации персонала разных профессий	– Разработано внутреннее положение по аттестации персонала	– Проводить независимую оценку квалификации работников в центрах оценки квалификации; – результаты оценки применять при продлении контракта, а также для формирования плана развития компетенций персонала
3. Работник, прошедший курс обучения, не стремится к расширению своих компетенций	3.1. Отсутствие системы оценки развитости компетенций. 3.2. Отсутствие мотивации	– Поставлена задача для службы управления персоналом	– Разработать методику оценки уровня развития компетенций работника по каждому рабочему месту; – разработать индивидуальные и сводный планы развития компетенций персонала; – другие мероприятия

По совокупности результатов может быть составлен комплексный план мероприятий по управлению производительностью труда в организации с указанием сроков и ответственных лиц за реализацию каждого мероприятия.

Библиографический список

1. **Голенева, О. М.** Производительность труда и факторы ее роста / О. М. Голенева, Е. А. Смирнова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 8 (59).
2. **Притулин, С. В.** Основы управления производительностью труда в организациях / С. В. Притулин // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – С. 187–190.
3. **Юняева, Р. Р.** Оценка кредитоспособности аграрного формирования на основе анализа денежных потоков (cash-flow) / Р. Р. Юняева, И. В. Клеманова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 171–179.
4. 7 нот менеджмента. Настольная книга руководителя / под ред. В. В. Кондратьева. – М. : Эксмо, 2008.
5. **Рихтер, К.** Ключи к немецкому бизнесу: международные аспекты / К. Рихтер ; под общ. ред. А. Н. Кобышева // Сборник учебных материалов по межкультурному менеджменту и межкультурным коммуникациям. – СПб. : Реноме, 2006.

References

1. Goleneva O. M., Smirnova E. A. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy* [Economics and management of innovation technologies]. 2016, no. 8 (59).
2. Pritulin S. V. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2011, no. 3, pp. 187–190.
3. Yunyaeva R. R., Klemanova I. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 3 (27), pp. 171–179.

4. *7 not menedzhmenta. Nastol'naya kniga rukovoditelya* [Seven notes of management. Manager's handbook]. Ed. V. V. Kondrat'ev. Moscow: Eksmo, 2008.
5. Rikhter K. *Sbornik uchebnykh materialov po mezhkul'turnomu menedzhmentu i mezhkul'turnym kommunikatsiyam* [Collected educational materials on intercultural management and intercultural communications]. Saint-Petersburg: Renome, 2006.

Лебедев Геннадий Геннадьевич
слушатель Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ, реализуемой в Пензенском государственном университете (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Lebedev Gennady Gennad'evich
Student at the program of administrative personnel preparation for enterprises of the national economy of the Russian Federation, implemented at Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: em@pnzgu.ru

Лузгина Ольга Анатольевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и финансов, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Luzgina Olga Anatolievna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and finance, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: em@pnzgu.ru

Кузьмина Мария Геннадьевна
доцент, кафедра экономики и финансов, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Kuzmina Mariya Gennadyevna
associate professor, sub-department of economics and finance, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: em@pnzgu.ru

УДК 331.08: 338.4
Лебедев, Г. Г.
Управление производительностью труда на промышленном предприятии с использованием концепции организации труда «Семь нот» / Г. Г. Лебедев, О. А. Лузгина, М. Г. Кузьмина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3 (43). – С. 203–209. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-3-22

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.